10.1.81.
2694.

D27
55

5656/12

ОСВОБОЖДЕННАЯ МОСКВА.

ОСВОБОЖДЕННАЯ

МОСКВА,

ПОЕМА

Александра Волкова.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1820.

S. n. 5176

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Января 8 дня, 1820 года. *Ординарный Профессоръ и Кавалеръ Алексѣй Мерзляковъ.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

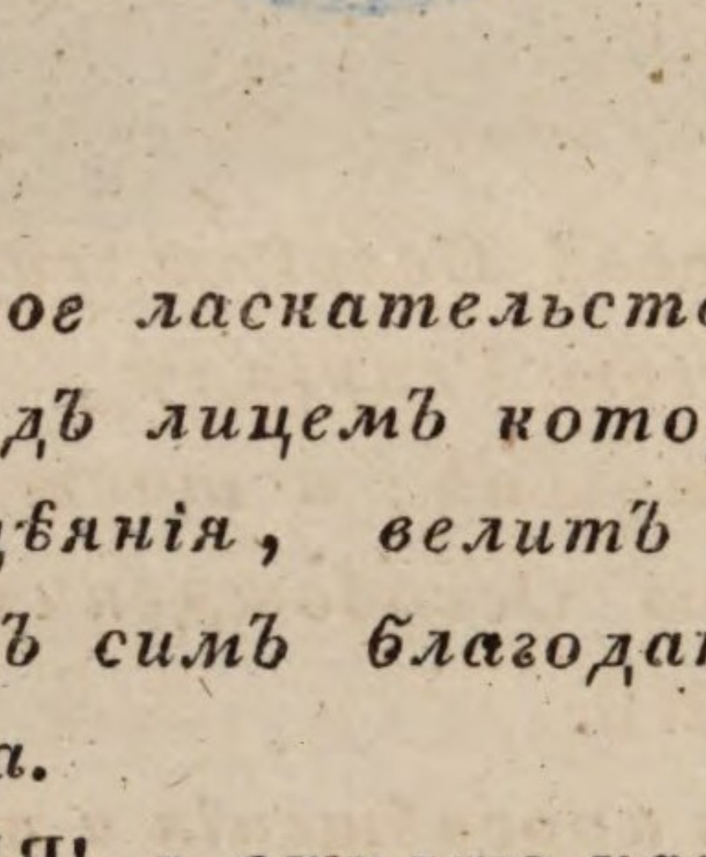
МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Тассо свой Освобожденной Іерусалимъ, Вольтеръ свою Генріяду, посвятили Государямъ чуждымъ; я щастливѣе ихъ: я посвящаю мою Освобожденную Москву моей ГОСУДАРЫНѢ.

Успѣхи просвѣщенія и покровительство, оказываемое наукамъ и Музамъ, суть неложной знакъ Государственнаго благосостоянія и собственная слава того, кто оныя ободряетъ.

Время, въ быстромъ и губительномъ полетѣ своемъ разрушая всѣ памятники гордыни и тщеславія, неутомимой рукою стираетъ съ лица земли имена надменныхъ завоевателей; но имена Государей-просвѣтителей, сихъ друзей рода человѣческаго, остаются въ потомствѣ, и безсмертный гласъ пѣснопѣвцевъ передаетъ ихъ изъ вѣка въ вѣкъ во благословеніе всѣхъ племенъ.



Не ничтожное ласкательство; нѣтъ — но истина, предъ лицемъ которой открыты всѣ наши дѣянія, велитъ мнѣ сопричислить Тебя къ симъ благодатнымъ свѣтильникамъ міра.

ГОСУДАРЫНЯ! *я ожидаю награды, драгоцѣннѣйшей изъ всѣхъ наградъ: — Твоего вниманія; да нѣкогда скажетъ отдаленное потомство:* онъ внимаемъ былъ Великою Государыней.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

всеподданнѣйшій

Александръ Волковъ.

ОСВОБОЖДЕННАЯ МОСКВА,

ПОЕМА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Пою отечества кровавую войну
И водворенную по бранямъ тишину.
Протекшіе вѣка я вопрошать дерзаю,
Теку дѣламъ во слѣдъ и цѣпь ихъ созерцаю.
Безсмертны подвиги, мужей великихъ рядъ,
Какъ лучезарныя свѣтила предстоятъ.
Восторгъ живитъ мой духъ, и пламень вдохновенья
На звучныя меня склоняетъ пѣснопѣнья.
О ты, предъ взоромъ чьимъ враговъ трепещетъ рать,
Кому поборникъ — Богъ! кто учитъ въ брань дерзать,
Презрѣвъ и прудъ, и гладъ, и мразъ, и непогоду,
И кровью искупить священную свободу,
Любовь къ отечеству! о матерь дѣлъ благихъ!
Да въ пѣснопѣніяхъ восторженныхъ моихъ

Цари, народъ — весь міръ твой внемлетъ гласъ священный,
И да побѣдъ твоихъ крестъ узритъ водруженный.
Россія, бѣдственной водимая судьбой,
Среди крамолъ, вражды, терзаема войной,
Узрѣла наконецъ престолъ свой свѣтозарной
Поруганный врагомъ и безъ главы вѣнчанной.
Москва, священный градъ, средь гордыхъ стѣнъ своихъ,
Познала лютый плѣнъ отъ сопостатовъ злыхъ.
Напрасно храбрые въ сей горестной годинѣ
Несли на жертву жизнь терзаемой отчизнѣ:
Казалось, вышнихъ силъ таинственный предѣлъ
Всѣ подвиги въ ничто ихъ обращать хотѣлъ!
Напрасно храбростью и мудростью водимый
Пожарской доблестный, щитомъ Россіи чтимый,
Все рвенье, знанье, умъ на пользу истощалъ,
Сражался какъ герой, злодѣевъ поражалъ;
Онъ палъ подъ ранами полмертвый, безды-ханный,
И скрытъ дружиною подъ отчій кровъ отрадный —
Да тамъ цѣлебною и хитрою рукой
Врача получитъ жизнь, и вновь изыдетъ въ бой.
Подобно, какъ свѣтилъ небесныхъ путеводецъ
Въ день ясный меркнетъ вдругъ, и робкій мореходецъ,

Покрытый мрачностью, блуждая по зыбямъ,
Не знаетъ въ трепетѣ къ какимъ пристать
брегамъ:
Такъ сею вѣстію Россія пораженна,
Какъ будто бы всѣхъ силъ, всѣхъ способовъ
лишенна,
Ужь мнила видѣть часъ погибели своей;
Смятенье, горесть, страхъ носилися надъ ней.
Познавъ всѣ бѣдствія войны и злообмановъ,
Бывъ жертвою крамолъ и люто спи тирановъ,
Народъ отчаянный, входя въ свой долгъ святой,
Стекался, и держалъ совѣты межъ собой —
Да гласомъ общихъ думъ, ища путей спасенья,
Обрящетъ бѣдствіямъ Россіи облегченья. —
И се, на Волховскихъ кремнистыхъ берегахъ,
Гдѣ древній Новгородъ, враговъ кичливыхъ
страхъ,
Еще въ развалинахъ своихъ великолѣпныхъ
Зрѣлъ славу прежнихъ дней, безсмертьемъ оза-
ренныхъ,
Ударилъ колоколъ призывный, вечевой (1) —
Всѣ хлынули, текутъ поспѣшною стопой,
И на пути своемъ другъ друга упреждаютъ —
Стеклись, собранія причину знать желаютъ.
Подобно грохоту въ борьбѣ сѣдыхъ валовъ,
Еще былъ слышимъ звукъ шумящихъ голосовъ;
Но данъ знакъ, и вдругъ смятенье прекра-
тилось,
И въ мертву тишину волненье обратилось.

Одоевской возсталъ. Народъ, тѣснясь кругомъ (2),
Готовъ ему внимать съ приникнутымъ челомъ.
„Соотчичи!“ Князь рекъ: „отечество страдаетъ,
Повсюду льется кровь, смерть жертвы собираетъ!
Вражда и ненависть, тщеславье и раздоръ
Россію ввергнули въ постыднѣйшій позоръ!
Но что тому виной? какая золъ причина?
Внемлите: — нѣтъ Царя! коварная судьбина
Въ Димитріи младомъ пресѣкла Царску кровь,
А съ ней и Россіянъ обѣты и любовь!
Съ тѣхъ поръ для злобныхъ тронъ предметомъ
сталъ хищенья —
Предметомъ горестнымъ войны, опустошенья!
И мы, водимые обманчивой мечтой,
Ахъ, сколько видѣли злодѣевъ надъ собой (3)!
Да изберемъ Царя! да власти мы единой
Покорные найдемъ съ враждебной миръ судьбиной!
Все пріиметъ прежній видъ! и боль врачуя ранъ,
Мы узримъ красоту и силу нашихъ странъ.
Нашъ острый мечь пожнетъ полки намъ сопротивныхъ,
Литовскихъ пришлецовъ, въ убійствѣ ненасытныхъ!
Да кровію враговъ омыемъ свой позоръ!
И степи, и лѣса, и мрачны дебри горъ

Устелимъ трупами злодѣевъ ухищренныхъ!
И на поляхъ родныхъ, войной опустошенныхъ,
Мы встрѣтимъ свѣтлую зарю своихъ побѣдъ!“
— „Да изберемъ Царя!“ народа былъ отвѣтъ:
„Да будетъ царствовать надъ нами власть едина,
И скроется отъ насъ печальная година!
Тебѣ же, мудрый Князь! мы власть всю отдаемъ
Назначить намъ Царя; его и возведемъ!“
Тогда, возвыся гласъ, со взоромъ умиленнымъ,
Одоевской сказалъ гражданамъ, восхищеннымъ
Сей мыслію благой: „Друзья! сей общій гласъ
Есть гласъ самихъ Небесъ, къ добру ведущій насъ!
Но кто нашъ будетъ Царь? кого мы на престолѣ
Увидимъ между насъ, въ вѣнцѣ, въ высокой долѣ?
Отвѣтствуйте, друзья! — не изъ средыль граждань?
Но сей священнѣйшій, но сей великій санъ,
Облекши властію простаго гражданина,
Вновь будетъ люшыхъ золъ и бѣдствій всѣхъ причина!
Борисъ вамъ, Шуйской вамъ тому въ примѣръ идетъ (4),
Въ примѣръ ужаснѣйшій! . . . внемлите мой совѣтъ:

Владыкъ Стокгольмскихъ стѣнъ родъ Царской именитый,
Взлелѣенный въ войнахъ и славою покрытый,
Младаго юношу блюдетъ въ дому своемъ;
Да царственну главу мы въ немъ себѣ найдемъ!
Рѣшайтесь, о друзья! сей способъ есть единой
Всѣ брани прекратить, намъ данны злой судьбиной.
Повѣрьте: съ именемъ законнаго Царя
Къ намъ возсіяетъ вновь щастливыхъ дней заря!“
Народъ безмолствовалъ; потóмъ, какъ будто топотъ,
Бѣгущій по лѣсу, глухой сталъ слышимъ ропотъ;
Потóмъ звучнѣе сталъ; потóмъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ бурный, ярый вихрь, раздáлся вопль и стонъ.
„Онъ чужеземецъ намъ!“ гремѣли восклицанья.
Но се, узрѣли вдругъ священны одѣянья;
Народъ умолкъ, и путь грядущимъ всѣ даютъ.
Ісидоръ Іерархъ и власти съ нимъ идутъ
Отъ алтарей святыхъ съ иконой и крестами (5).
Благоговѣнья полнъ, народъ предъ ихъ стопами
Повергся долу ницъ, да ихъ святой рукой
Благословеніе воспріиметъ надъ собой.
Почтенный Іерархъ къ народу такъ вѣщаетъ:
„Что́ вамъ Одоевской, о дѣти! предлагаетъ,

То зналъ я напередъ, то общій нашъ совѣтъ!
Отъ чуждыхъ странъ Царя избрать — стыда
въ томъ нѣтъ;
Лишь былъ бы добрый Царь, незлобный, пра-
водушный,
Творяй по правдѣ судъ и совѣсти послушный.
Къ тому жъ пусть пріиметъ онъ крещенье
нашихъ странъ,
Отвергнетъ Люпера, ко благу Россіянъ.
Чего еще желать? я требую рѣшенья;
Россіяжъ требуетъ отъ васъ безъ замедленья
Скорѣйшей помощи, и съ ней конца бѣдамъ.
Повѣрьте, о друзья! я добрый пастырь вамъ:
Отрекшись прелестей и всѣхъ суетъ ничтож-
ныхъ,
Могуль питать въ душѣ предметъ мечтаній
ложныхъ?
Для свѣта я ничто; мнѣ Богъ — покровъ и Царь!
Служеніе мое — Его святый алтарь!
Онъ зритъ вся тайная, всѣ наши помышленья!
Да поразитъ въ сей часъ меня Онъ громомъ
мщенья,
Когда вѣщаетъ ложь мой дерзостный языкъ!“
Народъ въ смятеніи, и вдругъ раздался кликъ:
— „Пусть будетъ по сему! да узримъ мы на
тронѣ
Царя отъ Свѣйскихъ странъ сіяюща въ коронѣ!
Немедленно, друзья! пословъ отправимъ въ
путь —
Да призовутъ его, и миръ къ намъ принесутъ.

Послы назначены; они, приявъ велѣнья,
Текутъ, покорные, въ Стокгольмъ безъ замедленья (6).
Уже предъ взоромъ ихъ предсталъ сей крѣпкій градъ;
Уже приближились; уже у прага вратъ.
Мгновенно вѣсть о нихъ до Карла достигаетъ.
„Почто грядутъ послы?“ къ дружинѣ онъ взываетъ:
„Представьте ихъ ко мнѣ, введите въ мой чертогъ,
Дабы прибытья ихъ вину познать я могъ.“
Послы, шумящей бывъ окружены толпою,
Идутъ въ чертогъ Царя покойною стопою.
Не помощи просить, иль робко умолять,
Пришли, казалося, законы предписать.
Во взорахъ мужество, высокій станъ, дородство,
Являли силу въ нихъ, отважность, благородство.
Въ доспѣхахъ воина, нося при бедрахъ мечь (7),
Ко Карлу такову они держали рѣчь:
„Уже стоустная молва всѣмъ возвѣщаетъ,
Въ коликихъ бѣдствіяхъ Россія пребываетъ.
Отъ струй Хвалынскихъ водъ, до Волховскихъ береговъ (8),
Иль собственный раздоръ, иль лютый мечь враговъ,
Поля цвѣтущія покрылъ опустошеньемъ!
Повсюду злобствуетъ война съ ожесточеньемъ!

Но что, о Государь! ужаснѣе всѣхъ бѣдъ:
Въ Россіи нѣтъ Царя! и правды болѣ нѣтъ!
Обидчикъ должнаго отмщенья не страшится;
Награда жъ за добро въ невѣденьи таится;
И всякъ себѣ глава, и всякъ мечтаетъ быть
Достойнѣе другихъ, и судъ другимъ творить.
Рудольфъ и Сигизмундъ, ревнуя межъ собою,
Стремятся хитростно надъ Русскою страною
Иль брата своего, иль сына зрѣть Царемъ (9);
Но Русскихъ никогда ни просьбой, ни мечемъ,
Ни всѣмъ коварственнымъ и хитрымъ обаяньемъ
Не вынудятъ избрать противнаго съ желаньемъ.
Твой сынъ же, Государь! повѣрь, намъ любъ и милъ (10);
Пустъ будетъ онъ Царемъ и вождемъ нашихъ силъ (11)!
Не отвергай любви и дружбы предложенья!
Но ты молчишь; твой взоръ, исполненный сомнѣнья,
Что́ хощетъ намъ вѣщать? почто сей мрачный видъ?
Ужель страшишься ты коварства и обидъ?
Обидъ — и отъ кого? и что́ тому причина?
Нѣтъ! Русскимъ лесть чужда! хоть злобная судьбина
Караетъ насъ войной и тмою люты́хъ бѣдъ;
Но Русской добръ душой и любитъ правды свѣтъ!
Къ тому жъ и вѣры долгъ, есть долгъ для насъ священный (12);

Въ немъ зримъ мы свой законъ, на камнѣ
утвержденный.
Не споримъ: есть враги; но гдѣ же нѣтъ враговъ?
Гдѣ нѣтъ строптивыхъ душъ, пщеславныхъ
гордецовъ?
Повѣрь, о Государь! когда узримъ на тронѣ
Филиппа твоего въ порфирѣ и коронѣ;
Тогда изчезнетъ месть межъ нами и раздоръ,
Какъ изчезаетъ мгла съ высотъ туманныхъ горъ
Предъ солнцемъ, блещущимъ въ безоблачной
лазури,
И радостный покой взойдетъ по бранной бури.
Пусть хищники одни страшатся Русскихъ
странъ!
Пусть чуждый правотѣ, зломыслящій тиранъ
Не ищетъ Царску власть присвоивать надъ
нами!
Не тронъ себѣ найдетъ, но гробъ онъ подъ
мечами!
Отрепьевъ, хищный звѣрь, то свѣту показалъ,
И чѣмъ хитрѣе былъ, тѣмъ гибельнѣе палъ.
Но тотъ, кто правотой обрящетъ власть
надъ нами,
Есть Богъ для насъ земной, отецъ между
сынами.“ (13)
Карлъ, въ думу погруженъ, держалъ такой
отвѣтъ:
— „Мнѣ честь сія лестна и милъ мнѣ вашъ
привѣтъ;

Но прежде, нежели я дамъ мое рѣшенье,
Пріймите опъ трудовъ своихъ успокоенье!
Возсядьте близь меня; да кубокъ круговой
За здравье закипитъ съ любовію прямой!
Да пышный мой чертогъ украсится огнями!
Да усладимъ свой слухъ согласными струнами!
Приятно пиръ вести въ бесѣдѣ межъ друзей.
А вы, послы, межъ тѣмъ, безъ хитростныхъ рѣчей
Всѣхъ вашихъ тайныхъ дѣлъ и бѣдствій злыхъ причину,
Наведшую на васъ столь лютую годину,
Повѣдайте теперь! мнѣ знать то надлежитъ.
Да будетъ предо мной свѣтъ истины открытъ.“
„Почто“ рекли послы: „ты внялъ сему желанью,
И жаждешь слухъ склонить къ плачевному сказанью
О лютыхъ бѣдствіяхъ обширныхъ нашихъ струнъ?
Но ты желаешь знать, и нашъ священный санъ (14)
И правды долгъ святой къ тому насъ вынуждаютъ;
Послушны мы тебѣ.“ И тако начинаютъ:
„Великій Іоаннъ, могучею рукой
Орды Татарскія повергши предъ собой,
Возвелъ отечество на верхъ величья, славы.
Любитель подвиговъ, любитель и забавы,

Онъ двѣ противности въ себѣ соединялъ:
Былъ другомъ ратныхъ дѣлъ, и въ нѣгѣ упо-
палъ (15);
Но грозенъ и суровъ, предъ нимъ все пре-
петало;
Казалось, для него вселенной было мало.
По немъ восшелъ на тронъ, на тронъ от-
цевъ своихъ,
Его сынъ Ѳеодоръ, еще въ лѣтахъ младыхъ.
Сей кротокъ былъ душей, незлобивъ, мягко-
серденъ,
Любилъ отечество, и къ вѣрѣ былъ усерденъ;
Но править областью, законы издавать,
Блюсти порядокъ дѣлъ, спокойство охранять
Въ странѣ, какъ Русская, обширной, много-
людной,
Сказать безхитростно, есть подвигъ мно-
готрудной.
Потребна крѣпость силъ, потребна быстрота,
Дѣятельность ума, духъ твердый, правота —
И сихъ то Ѳедору даровъ не доставало!
Одно моленіе его лишь занимало!
Бродя съ усердіемъ по всѣмъ монастырямъ,
Онъ въ простотѣ души, столь пагубной
Царямъ,
Забылъ земное все, стремяся ко святому,
И Царство поручилъ Борису Годунову.
Сей хитрый, острый мужъ, исполнен-
ный страстей,
Сгарая жаждою величья и честей,

И слабаго Царя напутствуя ко Богу,
Ко вышнимъ всѣмъ властямъ открылъ себѣ дорогу.
Межъ тѣмъ, какъ Ѳеодоръ звонилъ въ колокола (16),
(Любимая его охота въ томъ была.)
Рука Борисова, приявъ бразды правленья,
Всему давала ходъ и всѣмъ дѣламъ рѣшенья!
И кроткому Царю остался наконецъ
Одинъ лишь царственный, ненадобный вѣнецъ!
Одинъ лишь Годуновъ повсюду прославлялся,
И бывъ рабомъ Царя, Царемъ надъ нимъ казался.
Питая замыслы внутрь сердца своего,
(По крайней мѣрѣ, такъ гласили про него.)
Онъ все употреблялъ: и ласки и прещенья,
На пользу своего во славѣ утвержденья.
Вотъ Царской слабости разительный примѣръ!
И робкой богомолъ, и дерзкой изувѣръ (17),
Достойны одного, по правдѣ, нареканья!
Ихъ мысли ложныя однѣ родятъ страданья.

И се, мгновенно слухъ между народа палъ:
Димитрій, братъ Царя, жизнь бѣдственно окончалъ: (18)
Рука злодѣйская ножь въ грудь его вонзила,
И Царство Русское наслѣдника лишила.
Напрасно Годуновъ всей властію своей
Себя оправдывалъ во мнѣніи людей;
Напрасно расточалъ угрозы и мученье;
Всеобщій гласъ винилъ его въ семъ преступленьѣ.

Но правъ онъ, или нѣтъ — кто точно вѣдать могъ?
Не намъ его судить; пусть судитъ свыше Богъ!
Въ обоихъ случаяхъ для насъ есть препыканье:
Сколь преступленія постыдно оправданье,
Столь подло и грѣшно невинность клеветать!
И чѣмъ за сей укоръ мы можемъ ей воздать?
Легко судить людей надъ гробомъ ихъ безмолвнымъ,
И память очернять дѣяніемъ позорнымъ!
Что нужды до того, кѣмъ Дмитрій ни убитъ?
Онъ святъ, и таковымъ его Россія чтитъ.
И нужно ли сіе для позднаго потомства,
Когда забудутся дней нашихъ вѣроломства;
Когда умолкнетъ гласъ всѣхъ нынѣшнихъ льстецовъ,
И минется вражда теперешнихъ родовъ?
Кто будетъ столько простъ, чтобъ древнія дѣянья
Будить для мщенія, иль гордости мечтанья?
Какое дѣло въ томъ, что предка моего
Такой любилъ, иль гналъ — за что, и для чего?
Другой настанетъ вѣкъ — другія отношенья,
Другія мнѣнія — другія и сужденья!
Пускай писатели для истины одной
О дѣлѣ спорятъ семъ и судятъ межъ собой.
И такъ, съ кончиною Димитрія младаго,
Ужь болѣ не было преемника другаго

Престола Царскаго, и добрый Ѳеодоръ,
Чрезъ восемь лѣтъ потóмъ, закрылъ на вѣкъ
свой взоръ (19).
Народъ, при вѣсти сей, со всѣхъ сто-
ронъ толпами,
Потекъ въ престольный градъ поспѣшными
стопами
Для совѣщанія кого избрать Царемъ (20),
И спалъ на площади, предъ Царскимъ чпо
дворцемъ.
Вдругъ храмовъ Божіихъ затворы разрѣшились,
И всѣ, припавъ къ землѣ, ко Господу моли-
лись —
Да Онъ, всевѣдущій, по благости Своей,
Внушитъ избрать въ Цари надъ Русскою землей
Того, кому вѣнецъ всѣхъ болѣе довлѣетъ,
И кто всѣхъ болѣе о щастіи радѣетъ
Отеческой страны, свой не щадя покой;
И вдругъ раздáлся гласъ надъ падшею толпой:
„Востаньте, о друзья! отрите токъ вашъ
слезный!
Гласъ сердца вашего услышалъ Царь небесный!
Онъ вамъ даетъ Царя! — се славный Годуновъ!
Не онъ ли усмирилъ отечества враговъ?
Не онъ ли Царскими дѣлами занимался,
Межъ тѣмъ, какъ Ѳеодоръ покою предавался?
Не онъ ли оградилъ отеческу страну
Градами крѣпкими, блюдя въ ней тишину?
Не онъ ли, благостной и щедрою рукою,

Покоилъ и хранилъ гонимыхъ злой судьбою,
И бѣдныхъ вдовъ, сиротъ дарами надѣлялъ?
Не онъ ли, наконецъ, всѣмъ правый судъ
являлъ?
Да будетъ онъ Царемъ надъ Русскими стра-
нами!“
То Іовъ такъ вѣщалъ; всѣ громкими устами
Во слѣдъ ему гласятъ: „да будетъ онъ Царемъ!
Да всѣ съ моленіемъ къ нему мы припадемъ!“
Но хитростный Борисъ всѣ просьбы отклo-
няетъ,
Упорствуетъ, бѣжитъ, и въ храмъ себя скры-
ваетъ;
Напрасно! весь народъ течетъ тудажъ во
храмъ,
И палъ съ рыданіемъ къ Борисовымъ стопамъ.
Борисъ, какъ тронутый и просьбой и слезами,
Колѣна преклонивъ предъ Царскими врапами,
И длани вздѣвъ горѣ, ко Господу воззвалъ:
„О Ты, всевидящій, Который возжелалъ
Явить на мнѣ своей знакъ благости чудесной,
Пріими, пріими обѣтъ души моей нелестной!
Клянусь: всѣ бѣдные, гонимые судьбой,
Вдовица, сирота, безкровный и больной, —
Всѣ, всѣ найдутъ во мнѣ защиту, утѣшенье;
Злодѣи жъ — должну казнь, заслуга — награж-
денье!
И всѣмъ всегда одинъ мой неумытный судь!
Да подлые льстецы со трепетомъ падутъ.

Предъ истиной святой, на тронѣ возсѣдящей,
Предъ истиной — красу и блескъ Царямъ
творящей;
Клянусь! вся тайная открыта предъ Тобой!
Ты душу зришь мою и духъ правдивый мой!“
Вѣщалъ, и слезный токъ, рыдая, проливаетъ,
И ризы на груди мгновенно разторгаетъ.
Какой священный видъ! о, если ето ложь,
Такъ ложь безцѣнная! пусть правда дѣетъ
тожь!
Тогда окрестъ его всѣ громко восклицали,
И новаго Царя на тронъ благословляли.“

Конецъ первой Пѣсни.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

„Уже Борисъ въ вѣнцѣ, и милости рѣкой
Повсюду излились надъ Русскою страной.
Великъ, могущественъ и славой окруженной,
Казалось, могъ давать уставъ онъ всей все-
ленной.
Страны Персидскія, кичливый Оттоманъ,
Имперецъ и Сарматъ, Римлянинъ и Британъ
Предъ скипетромъ его главу свою склоняли,
И сильнаго Царя дарами ублажали (1).
Но мудрый Годуновъ, средь кликовъ и похвалъ,
Души бездѣйствіемъ своей не усыплялъ.
Его великій умъ, дѣятельность, старанья
Стремились водворить въ Россіи всѣ познанья.
Изъ всѣхъ почти земель онъ щедрою рукой
Ученыхъ собиралъ, и ихъ хранилъ покой (2).
Любя отечество, любя и просвѣщенье,
Онъ новое вводилъ повсюду учрежденье (3).
Властитель грозныхъ силъ, онъ дланію своей
То троны раздавалъ, то въ плѣнъ водилъ
Царей (2).
Среди всѣхъ сихъ торжествъ и общихъ
упѣшеній,
Вдругъ время грозное возникло злоключеній:

Ужасный бичь людей, изчадье ада — гладъ,
Поля опустошилъ, и всѣхъ лишилъ отрадъ!
Братъ брата забывалъ, отецъ дѣтей чуж-
дался,
И, нощій, немощный, въ чужомъ краю ски-
тался!
Напрасно земледѣлъ, съ растерзанной душой,
Росилъ бразды свои горячею слезой;
Земля коварная безплодна пребывала,
И слезы, жалобы страдальца опвергала!
Вздымалъ ли длани онъ съ моленьемъ къ Не-
бесамъ —
Да пищу ниспошлютъ, иль смерть — конецъ
бѣдамъ;
И сами Небеса моленьямъ не внимали,
И гнѣвъ свой яростный съ дождями изливали!
Напрасно нѣжна мать брала къ груди своей
Малютку юнаго, залогъ щастливыхъ дней;
Въ груди ея изсохъ источникъ благотворной,
И бѣдный агнецъ сей былъ жертвой смерти
злобной!
И всюду слышался плачевный скорьби гласъ!
Лишь только дождь престалъ, вдругъ гря-
нулъ люты мразъ —
И рыхлая земля вся въ ледъ совокупилась!
И Русская страна изъ края въ край покрылась
Тѣлами мертвыми караемыхъ людей (5)!
И нѣтъ въ дому скота, и нѣтъ въ лѣсахъ
звѣрей —

Онъ двѣ противности въ себѣ соединялъ:
Былъ другомъ ратныхъ дѣлъ, и въ нѣгѣ упо-
палъ (15);
Но грозенъ и суровъ, предъ нимъ все пре-
петало;
Казалось, для него вселенной было мало.
По немъ восшелъ на тронъ, на тронъ от-
цевъ своихъ,
Его сынъ Ѳеодоръ, еще въ лѣтахъ младыхъ.
Сей кротокъ былъ душей, незлобивъ, мягко-
серденъ,
Любилъ отечество, и къ вѣрѣ былъ усерденъ;
Но править областью, законы издавать,
Блюсти порядокъ дѣлъ, спокойство охранять
Въ странѣ, какъ Русская, обширной, много-
людной,
Сказать безхитростно, есть подвигъ мно-
готрудной.
Потребна крѣпость силъ, потребна быстрота,
Дѣятельность ума, духъ твердый, правота —
И сихъ то Ѳедору даровъ не доставало!
Одно моленіе его лишь занимало!
Бродя съ усердіемъ по всѣмъ монастырямъ,
Онъ въ простотѣ души, столь пагубной
Царямъ,
Забылъ земное все, стремяся ко святому,
И Царство поручилъ Борису Годунову.
Сей хитрый, острый мужъ, исполнен-
ный страстей,
Сгарая жаждою величья и честей,

И слабаго Царя напутствуя ко Богу,
Ко вышнимъ всѣмъ властямъ открылъ себѣ
дорогу.
Межъ тѣмъ, какъ Ѳеодоръ звонилъ въ коло-
кола (16),
(Любимая его охота въ томъ была.)
Рука Борисова, приявъ бразды правленья,
Всему давала ходъ и всѣмъ дѣламъ рѣшенья!
И кроткому Царю остался наконецъ
Одинъ лишь царственный, ненадобный вѣнецъ!
Одинъ лишь Годуновъ повсюду прославлялся,
И бывъ рабомъ Царя, Царемъ надъ нимъ казался.
Питая замыслы внутрь сердца своего,
(По крайней мѣрѣ, такъ гласили про него.)
Онъ все употреблялъ: и ласки и прещенья,
На пользу своего во славѣ утвержденья.
Вотъ Царской слабости разительный примѣръ!
И робкой богомолъ, и дерзкой изувѣръ (17),
Достойны одного, по правдѣ, нареканья!
Ихъ мысли ложныя однѣ родятъ страданья.
И се, мгновенно слухъ между народа палъ:
Димитрій, братъ Царя, жизнь бѣдственно
окончалъ: (18)
Рука злодѣйская ножь въ грудь его вонзила,
И Царство Русское наслѣдника лишила.
Напрасно Годуновъ всей властію своей
Себя оправдывалъ во мнѣніи людей;
Напрасно расточалъ угрозы и мученье;
Всеобщій гласъ винилъ его въ семъ престу-
пленьѣ.

Все, все ужасный гладъ пожралъ безъ исключенья!
Борисъ, страдающій, зря поддданныхъ мученья,
Несчетны милости обильно изливалъ (6),
И чудо благости сердечной показалъ.
Три года злобныя страданья продолжались!
Три года Русскія страны опустошались!
Но мудрый Годуновъ, ереди сихъ люпыхъ бѣдъ,
Къ дарамъ совокуплялъ еще другій предметъ:
Онъ строилъ зданія, града крѣпилъ оградой (7),
И пользу съединялъ для общества съ опрадой.
Невѣжда и ханжа, пускай что ни твердятъ!
Ихъ души низкія самихъ себя черняпъ.
Одинъ кричитъ: за чѣмъ преступными перстами
Борисъ Россію всю съ рѣками и горами
На малой хартіи для глазъ изобразилъ:
За то злой карою Господь насъ посѣтилъ (8).
Другой, безсмысленный, твердитъ что Провидѣнье
Послало за грѣхи Бориса то мученье.
Какія глупости! какъ будто Царь небесъ
Не знаетъ истины и любитъ токи слезъ!
Когда виновенъ кто, то пусть тотъ и страдаетъ,
И за грѣхи свои одинъ лишь отвѣчаетъ.
Почто жъ другихъ карать, и гнѣвною рукой
Воздвигнуть бѣдствія надъ цѣлою страной?

Такъ! наша слѣпота, дщерь мрачнаго незнанья,
Взираетъ иначе на всѣ сіи страданья,
И дерзостно винитъ благія Небеса!
Увы! нашъ бѣдный умъ лишь любитъ чудеса!
Едва лишь кончилась столь люпая година,
Какъ новы бѣдствія воздвигла зла судьбина.
Мгновенно злобна вѣсть изъ края въ край
течетъ:
„Димитрій живъ еще; онъ въ Польшѣ дни
ведетъ,
И уже, мстительный, возсталъ со ополченьемъ!“
При слухѣ грозномъ семъ подвиглось все смущеньемъ,
И буря мятежей, носящая злой страхъ,
Взревѣла первая въ Украинскихъ градахъ.
Но кто виною былъ сей гнусной лжи коварной? —
Разстрига и бѣглецъ, злодѣй, неблагодарной —
Отрепьевъ прозвищемъ! съ злохитрою душой
Онъ съединялъ въ себѣ умъ пылкой и большой;
Но сей нещастный умъ — рабъ злобы и киченья,
Внушалъ ему одни пороки, преступленья.
Забывъ гласъ совѣсти, предавшись злымъ
страстямъ,
Отрепьевъ жизнь влачилъ, скитаясь тамъ и
тамъ.
Подъ черной мантіей, и Богу обреченный,
Онъ извергъ вѣры былъ, и извергъ развращенный.
Но мало, что умы онъ старцевъ обольщалъ,

Въ вѣнцѣ Царей своихъ быть дерзко возмечталъ,
И съ симъ намѣреньемъ къ Литовцамъ удалился,
И Вишневецкаго во домѣ поселился.
Не станемъ говорить подробно мы о томъ,
Какою хитростью, злокозненнымъ путемъ,
Умѣлъ увѣрить всѣхъ, что сынъ онъ Іоанна,
И что глава его довлѣетъ быть вѣнчанна;
Что онъ чудесною и благостной судьбой
Спасенъ отъ рукъ убійцъ и явной смерти злой.
Питая ненависть и умыслы хищенья,
Вся Польша съ радостью воздвигла ополченья,
Подъ видомъ помощи для изверга сего,
И Небомъ поклялась отмстить намъ за него.
И самъ святой отецъ, монахъ самодержавный,
Тройною митрою сколь гордо увѣнчанный,
Забывъ небесное, земное возлюбя,
Желалъ Россію зрѣть въ подданствѣ у себя.
И хищникъ обѣщалъ, за милости въ награду,
Насъ Русскихъ приобщить къ его Латинску стаду (9).

Напрасно Годуновъ всѣ силы истощалъ,
Сбиралъ полки свои, на брань всѣхъ воззывалъ;
Никто не слушался, никто не ополчался,
Бѣжалъ отъ службы всякъ, иль въ домѣ укрывался.
Повсюду слышался измѣны буйный гласъ:
„Димитрій живъ еще! есть новый Царь для насъ!“

Народъ — сей жалкій рабъ новизны и прельщенья,
Не зная ни любви, ни совѣсти прещенья,
Стремился ко врагу отъ всѣхъ сторонъ толпой,
И влекъ предательство безумно за собой.
Напрасно Трубецкой и Шуйской и Мстиславской
Сражалися за честь и санъ священный Царской;
Измѣна лютая гнѣздилась въ ихъ полкахъ!
Полки жъ Отрепьева, умаленны въ бояхъ,
Толпами новыми мгновенно умножались,
И съ новой силою внутрь Царства устремлялись.
Разстрига хитростно сердца всѣхъ уловлялъ:
Сулилъ всѣмъ почести и злато разсыпалъ.
И самый другъ Царя, сей другъ небладарной,
Басмановъ, показалъ примѣръ любви коварной!
Преступникъ словъ святыхъ, онъ, съ хладною душой,
Дни друга своего пресѣкъ отравой злой (10).
Такъ кончилъ жизнь Борисъ, сей славный нещастпливецъ (11)!
Утѣшилась вражда, и глупой горделивецъ
Надъ прахомъ мощнаго осклабилъ подло взоръ,
И умъ и доблести вмѣнилъ ему въ укоръ.
Мгновенно вѣсть о семъ повсюду пробѣжала,
И чновмъ торжествомъ Разстригу увѣнчала.
Онъ двигнулся къ Москвѣ, и въ яросши своей

Семейство все Царя предалъ въ снѣдь злыхъ
смертей (12).
Народъ бѣжалъ къ нему съ разверстыми ру-
ками,
И ублажалъ его мольбою и слезами.
Средь кликовъ и похвалъ, съ напы́щеннымъ
челомъ,
Онъ дерзостно вступилъ Царей въ священ-
ный домъ,
И осквернилъ порогъ преступною пятою!
Но туча надъ его носилась головою,
И громъ отмщенія таился въ небесахъ!
Напрасно пиръ шумѣлъ, чертогъ пылалъ въ
огняхъ,
И звуки радости шумящей раздавались;
Обманъ изчезъ въ глазахъ! всѣ изверга чуж-
дались!
Онъ вѣру презиралъ! святыня, Божій храмъ —
Все было отдано въ посмѣшище врагамъ!
Но вѣренъ будучи преступнымъ обѣщаньямъ,
Но преданный любви постыднѣйшимъ жела-
ньямъ,
Онъ Сендомирскаго въ бракъ съ дочерью вступи-
пилъ,
И сердце Русское злымъ страхомъ поразилъ!
Тогда нашъ первый градъ добычей сталъ Ли-
товцевъ,
Сихъ голыхъ пришлецовъ, сихъ подлыхъ ра-
боторцевъ.

Но время притекло! настáлъ отмщенья
час!
Вдругъ въ полночь загремѣлъ повсюду звуч-
ный гласъ:
„Друзья! къ оружію! сбирайтесь! въ Кремль
бѣгите!
Отмщайте извергу! злодѣевъ всѣхъ разите!“
Мгновенно градъ вскипѣлъ, ударили въ набатъ,
По стогнамъ огнь вспылалъ, и всѣ во Кремль
спѣшатъ,
Одинъ другому въ слѣдъ, шумящими толпами,
И юноша младой и старецъ съ сѣдинами!
Князь Шуйской, всѣхъ впреди съ мечемъ и
со крестомъ (13),
Стремится ко дворцу съ безтрепетнымъ челомъ.
Смятенье, шумъ и крикъ! вся стража вору-
жилась,
И противъ Шуйскаго къ отпору устремилась;
Все тщетно! пало все! кровь пролилась рѣкой
Сихъ злобныхъ пришлецовъ подъ Русскою рукой!
Уже по красному крыльцу звучатъ стопами
Сыны отечества, и машутъ вверхъ мечами!
Заклепы — все ничто! ударъ — нѣтъ болѣ
врать!
Отмстители во внутрь врываются, летятъ...
Что дѣлать извергу? встревоженный, сму-
щенный,
И грозной смертію отвсюду окруженный,
Бѣжитъ, стремится внизъ съ ужасной высоты,

И мнитъ себя спасти подъ кровомъ шемноты;
Напрасно! всюду мечь искалъ надъ нимъ опи-
мщенья!
Онъ палъ, и трупъ его добычей сталъ сож-
женья!
Марина же съ отцемъ, чудесною судьбой,
Средь общей гибели спаслась отъ смерп и
злой (14).
Такъ извергъ сей погибъ, коварствомъ
вознесенный!
Да гибнетъ всякъ тиранъ, на зло другимъ
рожденный!
Народъ, зря съ торжествомъ Отрепьева
конецъ,
Мгновенно Шуйскому вручилъ Царей вѣнецъ (15).
Но съ симъ избраніемъ не кончились страданья,
Не кончилась вражда, коварства, обаянья!
Повсюду злобствовалъ раздора ярый духъ,
И пламя мятежей носилося вокругъ!
Повсюду былъ грабежъ, убійства, раззоренье,
Предательство и смерть и странъ опусто-
шенье!
Отрепьевъ дерзостный всѣмъ къ буйству путь
открылъ,
И многихъ, такъ какъ онъ, злодѣевъ породилъ.
Напрасно Ляпуновъ, мужъ доблестный, прав-
дивый,
Предсказывалъ Царю день грозный, неща-
спливый,

И мнилъ въ душѣ его геройство возбудить (16);
Царь Шуйской все забылъ! лишь не забылъ
любить (17)!
Красавицы младой ласкаемый рукою,
Онъ вѣренъ только былъ забавамъ и покою,
И долгъ свой и законъ чипалъ въ ея очахъ.
Пожарской и Скопинъ, испытанны въ бояхъ (18),
Напрасно злыхъ враговъ спокрапно поражали;
Враги съ потерями сильнѣе возрастали,
И уже бунтъ проникъ въ Первопрестольный
градъ!
Народъ подвигся весь, всѣ въ Кремль къ Царю
летятъ
И требуютъ его съ престола низложенья.
Презрѣвши смерть и страхъ и грозный шумъ
смятенья,
Къ народу Царь исшелъ съ открытою главой,
И перси обнаживъ безтрепетной рукой,
Вѣщалъ къ бунтующимъ: „Коль смерти вы
хотите
И крови моея; вотъ грудь моя — разите!
За вѣру, за законъ готовъ я смерть принять,
Чѣмъ робость подлую предъ вами показать!“
Народъ, симъ голосомъ, симъ видомъ пора-
женной,
Припалъ къ ногамъ его съ главою преклоненной.
Царь, будто бы отъ сна воспрянулъ, за-
кипѣлъ,
И быстрою стопой ко брани полетѣлъ.

Казалось, щастіе текло съ его полками:
Повсюду торжество надъ лютыми врагами;
Васильевскій злодѣй подъ мстящею рукой
За злобныя дѣла дань заплатилъ главой;
Но ложной думою коварно обольщенный,
Иль чувствомъ сладостнымъ къ покою увле-
ченный,
Царь войско все свое съ побѣдой распустилъ (19),
И самъ къ красавицѣ въ Москву скорѣй спѣшилъ.
Межъ тѣмъ другой злодѣй, откуда —
безъизвѣстно,
Нагой прозваніемъ, какъ посланный чудесно,
Въ Украинскихъ градахъ гнѣздился, бунтовалъ,
И Дмитріемъ себя спасеннымъ называлъ.
Опять народъ возсталъ, опять течетъ толпами,
И сѣчетъ всюду смерть преступными руками.
Коварный Сигизмундъ, поборникъ всѣхъ враговъ,
Нарушивъ мирнаго союза святость словъ,
Полки несмѣтные лже-Дмитрію вручаетъ,
И Русскую страну, какъ лютый звѣрь, тер-
заетъ.
Злодѣи, всякъ оплотъ разрушивъ предъ
собой,
Подвигнулись къ Москвѣ поспѣшною стопой,
И станъ свой въ Тушинѣ валами укрѣпили,
И всюду страхъ, грабежъ, убійства разносили.
Измѣнники, забывъ и вѣру и законъ,
Стекалися туда со всѣхъ почти сторонъ.
Града окрестные, то силой покорялись,

То, обольщенные, охотой предавались!
И все предъ злобными поникнуло главой!
Одинъ лишь мирный кровъ обители святой,
Гдѣ Сергій опочилъ, не зналъ коварныхъ плѣна (20)!
Туда ни хитра ложь, ни подлая измѣна
Проникнуть не могла. Священный, грозный страхъ,
Какъ недремянный стражъ, хранилъ отъ злобныхъ прагъ.
Напрасно съ мощными, несмѣтными полками,
Сапега дерзостный шатался подъ стѣнами,
И яростно грозилъ попрать все предъ собой,
И слабыхъ иноковъ предать всѣхъ смерти злой;
Напрасно, гордостью и злобой напыщенный,
Онъ быстро устремлялъ орудія военны,
И стѣны хрупкія къ стопамъ повергнуть мнилъ;
Всевышній Царь небесъ сей домъ святый хранилъ!
Межъ тѣмъ, какъ слободы окрестныя пылали,
И громы ярые изъ мѣдныхъ жерлъ звучали,
И небо облеклось багровой пеленой,
Отшельники, припавъ съ молитвою святой
Ко гробу Сергія, просили заступленья!
Или, средь люта го, кроваваго сраженья,
Между борющихся бродили по стѣнамъ,
И смерть готовили ярящимся врагамъ.
Сапега, наконецъ, разбитый, опраженный,
Бѣжалъ отъ стѣнъ святыхъ, симъ чудомъ изумленный.

Межъ тѣмъ, повсюду страхъ сердцами
обладалъ.
Царь, презрѣнный отъ всѣхъ, лишь Царску
тѣнь являлъ.
Успѣхи бранные осталися безплодны
И съ временемъ расли страданія народны,
И приближалася къ паденью вся страна!
Ужь болѣ не было героя Скопина,
Сего защитника и вѣры и закона:
Онъ палъ среди родныхъ, и пала оборона!
Одинъ Пожарской вождь, лишь съ горстію
людей,
Среди всѣхъ лютыхъ золъ, средь тысячи
смертей,
Бысгръ, храбръ, неутомимъ, за вѣру подви-
зался.
Напрасно весь Зарайскъ къ Герою устремлялся,
И требовалъ его послушности врагамъ:
Сему лже-Дмитрію и злобнымъ Полякамъ;
Напрасно надъ его сверкалъ мечь головою;
Страхъ смерти овладѣть не могъ его душою!
Онъ безбоязненно къ народу такъ гласилъ:
„Я истинѣ всегда и клятвѣ вѣренъ былъ!
Не очерню себя предательствомъ позорнымъ,
И вѣкъ не преклонюсь предъ Самозванцемъ
злобнымъ!
Почто жъ вы медлите? разите — я готовъ!
Но есть отмститель вамъ, каратель злыхъ
враговъ —

Всевышній Царь небесъ! Онъ грозною рукою
Громъ ярый воспалитъ надъ вашею главою!
Онъ гибель ниспошлетъ на вашъ преступный
дом —
И все падетъ предъ нимъ съ поверженнымъ
челомъ!“
Гласилъ, и весь народъ смущенный, пораженный,
Мгновенно восприялъ къ Царю свой долгъ свя-
щенный.
Москва, стѣсненная межъ тѣмъ со всѣхъ
сторонъ,
Одинъ въ стѣнахъ своихъ внимала плачь и стонъ.
Для прекращенія ль отечества страданья,
Иль гласу слѣдуя коварнаго желанья,
Бояре межъ собой рѣшились наконецъ
Вручить Владиславу Царей своихъ вѣнецъ.
Что́ чувствовалъ тогда Царь добрый, злопо-
лучной,
Когда насильственно враговъ рукой преступной
Съ престола свѣтлаго былъ въ келью низве-
денъ (21),
И въ ризы черныя монаха облеченъ?
Гдѣ нѣжная любовь? гдѣ милая супруга?
„Мнѣ Царство, тронъ — ничто! отдайте
только друга!
Я имъ блаженствовалъ, я жилъ имъ и дышалъ!“
Такъ въ темной келіи рыдая Царь взывалъ;
Но горькій плачь его, но грустныя стенанья
Лишь были жертвою окрестнаго молчанья.

Такъ, въ мірѣ все идетъ таинственной
стезей!
И бѣдный человѣкъ, игралище страстей,
Напрасно, ложными мечтами обольщенной,
Мнитъ щастье здѣсь найдти, въ юдоли сей
плачевной!
Нѣтъ щастья на землѣ; лишь призракъ и
обманъ!
И слава и любовь — безжалостный тиранъ!
Все гибнетъ, рушится подъ дланью роковою!
Гдѣ жъ страннику приютъ? — подъ гробовой
доскою!
Лже-Дмитрій, между тѣмъ, сокрылся и
бѣжалъ,
И жизнь позорную позорно окончалъ.
Москва врата свои отверзла предъ врагами,
И мнила миръ обрѣсть съ ихъ злобными пол-
ками;
Надежда ложная! любви союзъ презрѣвъ,
Литовцы ярые весь излили свой гнѣвъ
Надъ беззащитною, оставленной Москвою!
Повсюду смерть и смерть, и кровь текла
рѣкою!
Повсюду злобствовалъ и пламень и булатъ!
Казалось, весь исшелъ на землю люпый адъ!
Пожарской доблестный, сей вѣстью пора-
женный,
Съ дружиною своей, какъ будто окриленный,
Къ страдающей Москвѣ на помощь поспѣшалъ;

Притекъ — но, ахъ, тогда весь градъ уже
пылалъ!
Тамъ вихри пламенны ревѣли и крупились,
И тучи въ небесахъ багровыя носились!
Тамъ всюду слышался и крикъ и плачь и стонъ!
Безтрепетный Герой, презрѣвъ все зло пре-
понъ,
По стогнамъ огненнымъ стремится за врагами,
И тамъ и здѣсь разитъ, и стелетъ путь
тѣлами!
Все преклонялося подъ мощною рукой!
Но, ахъ, что успоитъ предъ злобною судьбой?
Онъ палъ, Герой нашъ палъ, защитникъ зна-
менитый,
Безчувственъ, полумертвъ, весь ранами по-
крытый!
Едва лишь жизни знакъ надъ сердцемъ биться
могъ!
Приявъ на рамена священный сей залогъ
Побѣды Русскихъ силъ, дружина устремилась
Сквозь копья, рядъ мечей, и быстро удалилась
Къ обители святой, что Сергій основалъ.
Весь градъ туда жъ потекъ и надъ вождемъ
рыдалъ!
Все пало! и бѣды и лютыя страданья
Повсюду разлились тогда безъ претыканья.
Зря гибель отчихъ странъ правдивый
Ляпуновъ (22),
Возсталъ отмщеніемъ на яростныхъ враговъ,

И первый возгласилъ всеобще ополченье (23).
Надежды лучь мелькнулъ, будя уснувше рвенье,
И вмигъ составился повсюду ратный строй,
И двигнулся къ Москвѣ отважною стопой.
Казалось, щастіе коварное смягчилось,
И съ Русскимъ именемъ во брани подружилось.
Но тотъ же духъ крамолъ, какой и прежде былъ,
Опять возсталъ въ полкахъ, и щастье сокрушилъ!
Раздоръ губительный всѣхъ овладѣлъ сердцами,
И все исполнилось и злобой и враждами!
Толпы развратныя злодѣевъ козаковъ,
Лишь въ имени одномъ отстали отъ враговъ!
Напрасно Ляпуновъ, блюдя повиновенье,
Старался прекратить ихъ буйство и хищенье;
Ничто не возмогло надъ чернотвой ихъ душой!
Они, шумящею, крикливою толпой,
Летятъ къ нему, грозятъ, и мечь уже сверкаетъ!
Вдругъ Ржевской, врагъ его, поспѣшно прибѣгаетъ.
„Постойте!“ онъ гласитъ: „къ чему стремитесь вы?
Уже ль погибели сей жаждете главы?
Хотъ врагъ мнѣ Ляпуновъ; но онъ защитникъ трона!
Онъ другъ отечества и правды и закона!
Не дамъ, не дамъ его! или погибну съ нимъ!

Страшитесь, буйные! есть Богъ — отмсти-
тель злымъ!“
Все тщетно! лютый мечь обоихъ ихъ пронзаетъ,
И смерть сихъ двухъ враговъ столь славно
примиряетъ (24).
Сей случай бѣдственной умы всѣхъ по-
разилъ!
Всѣ брань оставили, и всякъ бѣжать спѣшилъ!
Одинъ лишь Трубецкой съ козацкими полками
Остался ратовать столицы предъ стѣнами.
И такъ, о Государь! вотъ все передъ
тобой
Открыто въ повѣсти, не хитрой, но простой.
Но скажемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что наши пре-
ступленья —
Не буйство, не развратъ, но плодъ лишь
заблужденья:
Въ лжецахъ мы видѣли лишь истинныхъ Царей,
И къ истинѣ одной стремилися душей.
Что жъ дѣлать? если рокъ, или удѣлъ всѣхъ
смертныхъ,
Не могъ намъ показать путей къ тому по-
лезныхъ!
Гдѣ сыщется мудрецъ, которой бы сказалъ:
„Обманы чужды мнѣ; я правду токмо зналъ.“
Таковъ есть человѣкъ! водимый ввѣкъ меч-
таньемъ,
Онъ платитъ дань судьбѣ слезами и стра-
даньемъ.“

— „Отъ всей ли вы страны?“ Пословъ
Карлъ вопросилъ.
„Нѣтъ! Новгородъ одинъ“ — такой отвѣтъ
ихъ былъ:
„Филиппа твоего на Царство призываетъ,
И тѣмъ всѣ прекратить онъ бѣдствія желаетъ
Отеческой страны, и въ ней воззвать покой.
Скажи, о Государь! какой отвѣтъ намъ твой?“
— „Сказать вамъ искренно: странъ вашихъ
злоключенья,
Война, крамольный духъ, вражда, различны
мнѣнья,
Мнѣ ужасомъ грозятъ — я гибели страшусь —
Филиппъ мнѣ сынъ, мнѣ милъ — и если я
лишусь?
Нѣтъ! нѣтъ! пусть общій гласъ народнаго
желанья,
Свободной волею, не зная обаянья,
Филиппа изберетъ! тогда — тогда онъ вашъ!
и ввѣкъ не рушится союзъ священный нашъ!“
Послы, по сихъ словахъ, отъ Карла удалились,
И въ путь обратный свой поспѣшно устре-
мились.

Конецъ второй Пѣсни.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Межъ тѣмъ еще люпѣй, еще ужаснѣй
брань
Сбирала по градамъ и весямъ смерти дань.
Повсюду кровь текла, и геній разрушенья,
Возжегши пламенникъ войны, опустошенья,
Всю землю Русскую печалію покрылъ:
Оратай въ трепетѣ свой сельскій плугъ забылъ
При видѣ ратныхъ силъ, при гласѣ трубъ
военныхъ,
И съ плачущей семьей въ мѣстахъ уединенныхъ
Отъ острія меча убѣжища искалъ;
Но мечь губителей и тамъ ихъ обрѣталъ.
Увы! въ день — мѣдныхъ жерлъ гулъ грозный и ревущій,
И люпый крикъ враговъ, въ кровавой бой зовущій,
И топотъ скачущихъ безчисленныхъ коней,
И пуль летящихъ свистъ, и рѣзкій звукъ мечей
Неумолкаемо повсюду раздавался,
И съ воплемъ жалкихъ жертвъ терзаемыхъ
мѣшался!
Когда же черна ночь темнила сводъ небесъ,
И слала свой покровъ на долъ и мрачный лѣсъ,

Въ то время зарево, какъ море, разливалось,
И пламя, ввыспрь несясь, столбами извивалось!
Пожаръ все пожиралъ: и роскошь нивъ златыхъ,
И кровлю хижины, и домъ, и храмъ Святыхъ!
Толпы нещастныхъ жертвъ люпѣйшаго изгнанья,
Безъ кровныхъ, безъ друзей, лишенны пропитанья,
Скитались въ трепетѣ по блатамъ и лѣсамъ,
И руки слабыя воздѣвъ ко Небесамъ,
Просили отъ Небесъ иль смерти, иль отрады!
Рукой губителей опустошенны грады
Кладбища мрачныя являли лишь собой!
И алчный волкъ бѣжалъ туда дневной порой
На трупы смрадные людей непогребенныхъ!
И стаи хищныхъ птицъ изъ мѣстъ уединенныхъ
Слеталисъ, не страшась грозящей имъ руки!
Повсюду видѣнъ слѣдъ кровавыя рѣки!
Тамъ старецъ межъ дѣтей съ главою раздробленной,
Тамъ сынъ близъ матери, мечемъ прикрапъ пронзенной,
Тамъ дочь, а здѣсь супругъ, прижавъ къ своей груди
Супругу милую, лежали на пути!
Страданье и тоска на лицахъ, искаженныхъ
Свирѣпой смертію, и кровью покровенныхъ,
Казалось, жизненной еще имѣли знакъ!
Уста запекшіясь, полуоткрытой зракъ

И чувство жалости и робкій страхъ вселяли,
И въ лютости враговъ безбожныхъ обличали!
Во храмахъ гласъ умолкъ, гласъ вѣры и молитвъ;
Служитель алтарей, при звукѣ грозныхъ битвъ,
Гонимый злобными, бѣжалъ и укрывался;
Иль, презря смерти страхъ, какъ агнецъ закололся
Предъ образомъ святымъ мучителей рукой,
И духъ свой испускалъ съ смиреньемъ и мольбой (1).

Вдругъ громы ярые стократно зазвучали,
Перуны вспыхнули, и грозно протекали;
Небесъ разверзся сводъ, и сильный Царь Царей,
Во славѣ блещущей, средь пламенныхъ лучей,
На тронѣ Божества сѣдяй, очамъ явился;
Предъ Нимъ безчисленныхъ кадильницъ дымъ курился
И Серафимовъ хоръ хвалу Ему гремѣлъ!
Въ десной Онъ харпію судебъ всѣхъ Царствъ имѣлъ.
Онъ рекъ, — и всѣ концы вселенной всколебались,
И лики Ангеловъ во трепетѣ казались —
Онъ рекъ: „Я Богъ боговъ, начало и конецъ,
Свѣтъ свѣта, и міровъ безчисленныхъ Творецъ!
Исшедый отъ себя, Я есмь и буду вѣчно!
И тысящи вѣковъ, и время скоротечно,
Въ величіи моемъ единый токмо мигъ!
И солнцы и міры, кружась въ пупяхъ своихъ,

Чтутъ данный имъ законъ моей благой рукою!
Хощу — и все во прахъ, и все покрою тмою;
Я въ длани жизнь ношу народовъ и Царей!
Единой волею всемощною моей
Престолы зиждутся, иль долу ниспадаютъ,
Восходятъ свѣтлы дни, иль въ мракъ лице
скрываютъ!
И ты, великая во всѣхъ земныхъ странахъ,
Мужей преславныхъ мать, враговъ кичливыхъ
страхъ,
Гдѣ вѣра и любовь къ престолу обитаетъ,
Россія! язва бѣдъ теперь тебя терзаетъ!
Ты страждешь, и въ тоскѣ мольбы шлешь
къ небесамъ,
Да радостный покой и миръ тебѣ подамъ!
Смирися, гордая! се мзда за преступленья!
Се кара должная за зло и ухищренья!
Познай мой правый судъ и мой всесильный
перстъ,
Дающій несть тебѣ тяжелый жизни крестъ.
Не Я ль тебя предъ симъ казнилъ порабо-
щеньемъ,
Когда, водимые враждой, ожесточеньемъ,
Владыки странъ твоихъ рѣкою лили кровь;
И презря мой законъ и родственну любовь,
Братъ брату строилъ ковъ и гибель сокровенну?
Не Я ли власть сію, столь гордо вознесенну,
Племенъ Тапарскихъ странъ повергъ передъ
тобой?

Не твой ли Іоаннъ сей сильною рукой (2)
Возвелъ тебя на верхъ могущества и славы?
Мой святъ всегда законъ и всѣ мои уставы!
Борисъ, великій мужъ, но жаждущій честей,
Но увлекаемый стремленьемъ злыхъ страстей,
Восшедши на престолъ путями ухищренья,
Вновь пробудилъ вражду и зло отъ усыпленья!
Я взоръ мой отвратилъ, и лютый мечь враговъ
Пожалъ поля твои и цвѣтъ твоихъ сыновъ.
Ты страждешь, ранами стократно уязвле́нна;
Но Я заступникъ твой! ты мнѣ всегда любезна!
Хоть посѣщу́ жезломъ, и гнѣвъ мой излію
За вся грѣхи твоя; но милость Я мою (3)
Ввѣкъ сохраню къ тебѣ, и рогъ твой надъ
врагами,
Какъ кедръ Ливанскихъ горъ надъ дольными
древами,
Простретъ главу свою, и взыдетъ предо мной!
Я дамъ тебѣ Петра, Великаго душой!
Надъ нимъ мой будетъ перстъ, и умъ его
чудесный
Дастъ нову жизнь тебѣ и духъ, дотолѣ
безвѣстный.
Науки, ремесла, познанья процвѣтутъ,
И рѣки быстрыя другъ къ другу потекутъ,
Къ легчайшему богатствъ твоихъ соединенью.
Ревнуя чуждыхъ странъ благому учрежденью,
Онъ дастъ тебѣ полки и мореходный строй —
И гордые враги падутъ передъ тобой!

Въ Елизаветѣ жъ ты узришь мою всю благость,
Нѣжнѣйшу мать себѣ и вожделѣнну радость!
При ней земля свой плодъ сугубо израститъ,
И мечь, носящій казнь, отвергнется, забытъ.
Для прославленія жъ ея златаго вѣка
На дальномъ сѣверѣ взыщу я человѣка
Подъ кущей рыбаря, средь мрака и снѣговъ —
И нарекутъ его царемъ твоихъ пѣвцовъ (4)!
По ней взойдетъ на тронъ во славѣ свѣтозарной,
Водимая моей рукою благодатной,
Великая изъ женъ, и изумленный свѣтъ
Величествомъ ея, къ стопамъ ея падетъ.
Сарматъ, твой лютый врагъ, познаетъ долгъ отмщенья,
Низвержется, падетъ въ цѣпяхъ порабощенья!
Брега Дунайскіе услышатъ надъ собой
Громъ славы твоея, и твой побѣдный строй,
Презрѣвъ потоки водъ, и горы, и стремнины,
Съ безсмертнымъ именемъ твоей Екатерины,
По гласу устъ ея, за лавромъ полетитъ,
И гордый Оттоманъ познаетъ страхъ и стыдъ!
Въ годину жъ общихъ золъ и общихъ искушеній,
Когда возникнетъ духъ коварствъ и оболь-
щеній,
Я Ангела къ тебѣ хранителя пошлю:
То будетъ Александръ! въ немъ милость
Я мою,
Еще неявленну вовѣкъ, тебѣ открою!
Великій межъ Царей, но болѣе душою,

Въ часъ лютый онъ тебя отъ гибели спасетъ,
И славу странъ твоихъ до облакъ вознесетъ!
Вотще злохитростный и кровью упоенный
Тиранъ Зарейнскихъ странъ, побѣдами над-
менный,
Сберетъ народовъ сонмъ, и двигнетъ рапный
строй,
Какъ шумную рѣку, во злобѣ предъ собой!
Вотще внесетъ и огнь и смерть въ твои
предѣлы,
И узритъ за собой жилища опустѣлы,
И нивы и луга потоптаны конемъ,
И мирныхъ жителей, поверженныхъ мечемъ —
Вотще! мой будетъ перстъ носиться надъ
тобою!
Реку — и трупами враговъ твоихъ покрою,
Какъ мертвымъ листвіемъ, окрестъ твои поля,
И вздрогнетъ съ ужасомъ подъ тяжестью
земля!
При грозномъ заревѣ пылающей столицы,
Отъ утреннихъ лучей до позднія денницы
Борясь съ вьюгами, средь мраза и снѣговъ,
Священный полкъ твоихъ безтрепетныхъ сы-
новъ
Изыдетъ, какъ ловецъ, враговъ на избіенье, —
И пѣснь побѣдная, народовъ утѣшенье,
Какъ Херувимскій хоръ, раздастся въ небесахъ!
Злодѣй твой скроется, влача позоръ и страхъ!

И такъ, приспѣлъ днесь часъ, часъ радостный свободы!
Дерзай на путь побѣдъ, сбери свои народы:
Я ихъ поборникъ силъ, водитель и покровъ —
И сонмища падутъ во прахъ твоихъ враговъ!
Благоговѣй предъ тѣмъ, кто міру указуетъ,
И, вѣрный правотѣ, во благо наказуетъ.“
За симъ Творецъ небесъ свой взоръ остановилъ
На мѣстѣ, гдѣ святый Его Угодникъ жилъ
Въ молитвѣ и трудахъ, въ священномъ покаяньи,
И Бога умолялъ въ смиренномъ упованьи —
То Сергій именемъ. Господь къ нему воззвалъ;
Сей предъ лице Его, полнъ радости, предсталъ.
Егова рекъ: „Тебѣ, поборнику святому
Во брани и дѣлахъ Димитрію Донскому,
Вновь подвигъ предлежитъ во благо отчихъ странъ, —
Да будетъ оныхъ врагъ поверженъ и попранъ!
Взыщи между твоихъ ревнителей смиренныхъ,
Къ блаженству горнему въ молитвахъ устремленныхъ,
Единаго отъ всѣхъ; и спѣшною стопой
Пусть идетъ онъ туда, гдѣ Волга со Окой
Сливается, и градъ обширный обтекаетъ!
Пусть часъ грядущія свободы возглашаетъ
И духъ отважности живитъ во всѣхъ сердцахъ!

Призывный гласъ святой во старческихъ устахъ
И тихая твоя и скромная обитель,
Куда для дѣлъ благихъ воззвалъ тебя Спаси-
тель,
Да будетъ впредь служить примѣромъ для
людей
И къ родинѣ любви и святости твоей!“
Такъ, въ сей обители, средь братіи сми-
ренной,
Былъ старецъ и умомъ и святостью поч-
тенной —
Аврамій Палицынъ. Отрекшись отъ суетъ (5),
Онъ видѣлъ въ небесахъ свой подвигъ и обѣтъ.
Но сердце, чуждое хотя всѣхъ искушеній,
Всѣхъ тщетныхъ помысловъ и міра обольщеній,
Питало внутрь себя къ отечеству любовь,
И тайнымъ пламенемъ его палило кровь.
Какъ часто на стѣнѣ, иль башнѣ возвышенной,
Сидѣлъ, уединясь, онъ въ думу погруженной,
И полный скорьби взоръ къ Москвѣ свой обра-
щалъ,
Гдѣ яростный пожаръ все окрестъ пожиралъ.
Какъ часто, благостью внушаемый святою,
Пришельцевъ, страждущихъ болѣзньми, ни-
щетою,
Спѣшилъ онъ нужными дарами надѣлять,
И въ горестныхъ душахъ надежды лучь пи-
тать.
Или, поверженный, въ молитвахъ при лампадѣ

Предъ образомъ святымъ, просилъ онъ о пощадѣ
Отеческой страны Властителя небесъ,
Лія на каменный помостъ источникъ слезъ.
И вотъ, когда въ саду единый онъ трудился,
Зари поморкнулъ свѣтъ, и ночи мракъ сгустился;
Уснувшій вѣтръ листа тогда не колебалъ;
Все погрузилось въ сонъ, ручей въ брегахъ молчалъ,
И мѣсяцъ не свѣтилъ, таясь за облаками:
Вдругъ зритъ онъ Божій храмъ сіяющъ весь огнями;
Врата отверзлися, и яркій свѣтъ, струей
Исшедый изъ среды, блеснулъ между пѣней.
Великій праведникъ, въ воздушномъ приближеньи,
Притекъ къ Аврамію, лежащу въ изумленьи.
„Аврамій!“ Сергій рекъ: „востани, и внемли
Глаголу устъ моихъ: Творецъ небесъ, земли,
Десница коего симъ міромъ управляетъ,
Къ Россіи страждущей взоръ благостный склоняетъ.
Ступай, и возвѣсти отеческимъ странамъ
Свободы близкій часъ и близку казнь врагамъ!
Скажи, да съ вѣрою чистѣйшей въ Провидѣнье,
Воспрянутъ мстители, и двигнутъ ополченье!
Во бранѣхъ сильный Богъ — водитель ихъ рядовъ!

Онъ въ руки имъ предастъ рать хищную
врагов !“
Аврамій возгласилъ: — „Я, старецъ удрученный
Болѣзньми и трудомъ, и Богу обреченный,
Какъ возмогу вѣщать? и кто свой склонитъ слухъ
На гласъ устенъ моихъ, ослабшихъ отъ не-
дугъ ?“
„Аврамій !“ возразилъ со гнѣвомъ мужъ не-
бесный:
„Почто сей чуждый страхъ? уже ль состав
шѣлесный,
Единый на дѣла потребенъ токмо намъ?
Нѣтъ ! духъ, живущій въ насъ и вѣрный Не-
бесамъ,
Есть паче бренныхъ силъ; онъ ими управляетъ,
И въ души робкія огнь мужества вселяетъ. —
И Тотъ, Кто все создалъ по слову устъ
своихъ,
Кто звѣзды укрѣпилъ среди небесъ пустыхъ,
Кто солнцу предписалъ сіять дневной порою,
А въ ночь, свѣтить лунѣ и течь своей
чредою,
Кто горъ верхи вознесъ и морю далъ предѣлъ,
И землю напоять дождями повелѣлъ, —
Уже ли силу Тотъ не дастъ тебя вѣщанья,
Могущу возродить надежду и желанья
Въ сердцахъ, приверженныхъ къ отеческой
странѣ?

Восторгъ таится въ нихъ какъ искра во
кремнѣ.
Иди, не отвергай Всевышняго веленья!
Твой долгъ: покорствовать и чуждымъ быть
сомнѣнья!
Иди, направи путь ко Волжскимъ берегамъ,
Гдѣ Нижній Новгородъ даетъ покой судамъ!
Иди, и возгласи грядущій часъ отрады;
За подвиги жъ — вѣнецъ нетлѣнныя награды.“
Вдругъ свѣтъ изчезъ, и все сокрылося во мракъ!
Аврамій, въ трепетѣ возведши къ небу зракъ,
Съ теплѣйшей вѣрою ко Господу взываетъ:
„О Ты, Кто и слѣпца во благо умудряетъ,
Да будетъ подвигъ мой въ руцѣ святой Твоей!“
И, вставъ съ земли, спѣшитъ ко братіи своей.
„Друзья!“ вѣщаетъ онъ въ священномъ исту-
пленьѣ:
„Внемлите: я сей часъ зрѣлъ дивное явленье!
Угодникъ нашъ святый, оставя Божій домъ,
Явился мнѣ въ саду съ сіяющимъ челомъ;
Я палъ, симъ зрѣлищемъ чудеснымъ пора-
женный,
И до костей моихъ проникнулъ страхъ свя-
щенный.
Онъ гласомъ сладостнымъ лежащу мнѣ вѣщалъ:
— „Аврамій! Русскихъ странъ свободы часъ
насталъ!
Ступай, и возвѣсти ты Господа веленье:
Пусть всѣ подвигнутся враговъ на пораженье!“

„О! какъ сей силенъ гласъ! мнѣ мнится,
звукъ его
Еще касается до слуха моего!
Повѣрьте, о друзья! се истина священна!“
Всѣ старцы въ трепетѣ поверглись на колѣна,
И пѣснь хвалебную воспѣли Богу силъ.
Аврамій ко вратамъ восточныхъ стѣнъ спѣ-
шилъ.
Затворы двигнулись со скрыпомъ подъ рукою,
И старецъ сей исшелъ съ усердною мольбою.

Конецъ третьей Пѣсни.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Уже три раза ночь смѣнялъ на небѣ день,
И ночь въ свою чреду три раза слала тѣнь;
И се въ четвертый разъ небесное свѣтило
Верхи туманныхъ горъ лучами озарило
Когда предъ Инокомъ желанный градъ пред-
сталъ.
Востокъ еще въ цвѣтахъ весь радужныхъ
пылалъ,
И утро кроткое приятно улыбалось.
Все щастьемъ, тишиной безпечно наслаж-
далось!
Прохладный, легкій вѣтръ чуть-чуть въ
лѣсу шумѣлъ,
И злачный лугъ въ росѣ сверкающей блестѣлъ.
Аврамій, зрѣлищемъ симъ мирнымъ восхи-
щенный,
Свой путь остановилъ, и сѣлъ подъ дубъ
согбенный.
На старческомъ челѣ мелькнулъ отрады лучь,
Какъ свѣтъ играющей зарницы между тучь.
Тамъ гордая рѣка струилась подъ судами,
И съ дальней синевой сливалась за лѣсами;
Какъ стая стройная плывущихъ лебедей,

Бѣлѣлись паруса поверхъ рѣчныхъ зыбей;
Тамъ злато тучныхъ нивъ въ волнахъ пере-
биралось,
Иль подъ рукой жнеца серпами посѣкалось;
Тамъ мрежи рыболовъ закинувъ въ водный
токъ,
Ко брегу направлялъ свой рѣющій челнокъ;
Тамъ селы мирныя окрестныхъ мѣстъ ды-
мились,
И холмы и лѣса туманныя курились.
А здѣсь, подъ пѣснею веселой пастуха,
Стада блѣющія бѣжали на луга.
Предъ взоромъ же его, идя прямой тропою,
Пространный, пышный градъ гордился надъ
рѣкою.
Народъ на торжищахъ и пристани шумѣлъ,
И храмовъ Божьихъ верхъ въ златыхъ лучахъ
горѣлъ.
Аврамій, зря сіе, внутрь сердца услажденной,
Благословлялъ Творца, создателя вселенной!
Но старца свѣтлый взоръ, но радость на челѣ,
Мгновенно скрылися, какъ слабый лучь во мглѣ.
Аврамій, опершись на посохъ свой рукою,
Вѣщалъ, главу склонивъ и грудь роса слезою:
„Здѣсь все красуется въ безпечности златой,
Все дышетъ щастіемъ и славитъ жребій свой!
Не видно вражьихъ силъ, не слышно бурь воен-
ныхъ,
И мирный земледѣлъ съ полей опустошенныхъ

Не укрывается отъ люпости враговъ!
А тамъ, гдѣ тронъ Царей, мать Русскихъ
городовъ,
Москва, священный градъ, краса и удив-
ленье —
Тамъ нынѣ царствуетъ одно опустошенье!
Гласъ пиршества умолкъ въ высокихъ тере-
махъ!
Повсюду пустота, печаль и грозный страхъ!
Повсюду крикъ враговъ, зовущій къ поруганью,
Подобно адскому несется восклицанью!
И та, куда текли шумящею толпой
Пришельцы многіе, и трудъ несли съ собой;
Гдѣ все величествомъ и пышностью сіяло,
И къ промысламъ любовь и рвеніе пипало;
Гдѣ радостный народъ средь кликовъ и похвалъ
Побѣдный строй дружинъ съ веселіемъ встрѣ-
чалъ —
Теперь склонилася главою передъ врагами!...
Но Богъ, всесильный Царь надъ міромъ и судь-
бами,
Уже готовъ ее къ спасенію воззвать!
И будетъ спасена! и будетъ вновь блистать
Еще прекраснѣе, еще прикратъ пышнѣе,
И гордое чело возвыситъ веселѣе!
И такъ, иду гласить свободы близкій часъ!
Да укрѣпится мой въ устахъ ослабшій гласъ!"
По семъ Аврамій всталъ, и твердою стопою,
Какъ будто обновленъ незримою рукою,

Ко граду поспѣшалъ, и се уже вступилъ.
Народъ, узря его, нахлынулъ, обступилъ.
„Что́ значитъ старецъ сей, столь ветхій,
удрученной?
Откуда? изъ какой обители священной?
Почто грядетъ сюда? не съ вѣстью ль но-
выхъ бѣдъ?
Востребуйте, друзья, отъ устъ его отвѣтъ!“
Такъ удивленные другъ друга вопрошали;
Но старецъ далѣ текъ; всѣ путь ему давали;
Какъ будто въ торжествѣ онъ шествовалъ
межъ нихъ,
И сталъ на торжищѣ; народъ вокругъ утихъ.
„Друзья!“ Аврамій рекъ, съ подъятой вверхъ
главою:
„Пришельца отъ Москвы вы зрите предъ
собою!
Обителъ Сергія, гдѣ мы въ постѣ, трудахъ,
Стремимся обрѣсти награду въ небесахъ,
Меня шлетъ отъ себя, дая благословенье,
Да возвѣщу межъ васъ я Господа веленье!
Дерзайте всѣ на брань! Онъ вамъ покровъ и
щитъ —
И врагъ низвержется во прахъ, студомъ по-
крытъ!
Уже ль не двигнется въ васъ сердце, и не
скажетъ
Къ отчизнѣ долгъ святый, и путь вамъ не
покажетъ

Къ побѣдамъ, избраннымъ Всевышняго рукой?
Уже ль взираете съ покойною душой
На гибель страшную, убійства, разрушенье?
Уже ль не пронетъ васъ Москвы опустошенье —
Москвы, царицы всѣхъ Россійскихъ городовъ?...
О стыдъ, позоръ для васъ отечества сыновъ!
Здѣсь вы ликуете, здѣсь пѣсни раздаются;
А тамъ — и вопль и стонъ терзаемыхъ несутся!
Здѣсь зданья зиждутся, сіяютъ красотой;
А тамъ — поруганы губителей рукой!
Здѣсь нивы тучныя красуются съ полями;
А тамъ — потоптаны и ратью и конями!
И васъ, сограждане! не укоряетъ стыдъ,
Когда свирѣпая повсюду брань кипитъ,
Вы въ мертвой праздности, среди забавъ ничтожныхъ,
Нейдете искуплять друзей своихъ и кровныхъ?
Мужайтесь, вѣрніи! Да съ именемъ въ устахъ
Творца всевышняго, и прѐзря смерти страхъ,
Ударимъ на враговъ, и грозными мечами
Повержемъ ихъ полки предъ нашими стопами!
Я самъ, болѣзненный, подъ тяжкимъ игомъ лѣтъ,
Межъ вами стану въ строй, и страха сердцу нѣтъ!
Паду ли — но воздамъ Творцу благодаренья,
Что былъ сподвижникомъ Россіи избавленья.“

Вѣщалъ, и быстрый взглядъ къ народу устре-
милъ;
Но весь народъ окрестъ безмолвіе хранилъ!
Лишь только временемъ и вздохи и стенанье
Будили мрачное, угрюмое молчанье:
Какъ вдругъ исходитъ мужъ съ нахмуреннымъ
челомъ,
И сталъ среди толпы, и бросилъ взоръ кругомъ.
„Друзья!“ онъ возопилъ: „святое Провидѣнье
Устами инока вѣщаетъ намъ спасенье!
Почто жъ сомнѣнья духъ? почто ничтожный
страхъ?
Нашъ долгъ написанъ тамъ — въ священныхъ
небесахъ!
Насталъ желанный часъ свободы и отрады!
Погибель, смерть врагу! и нѣтъ врагу пощады!
Пойдемъ! воздвигнемъ рать, и мстящею рукой
Прольемъ злодѣевъ кровь обильною рѣкой!
Все въ даръ отечеству: и жизнь и достоянья!
Да смолкнетъ слабый гласъ корысти, обла-
данья!
Заложимъ чадъ и женъ, и домы продадимъ, —
И все странѣ родной на помощь отдадимъ!
Что медлить болѣе? Богъ намъ путеводитель!
Онъ твердый въ брани щитъ! Онъ грозный
нашъ отмститель!
Сбирайтесь, о друзья!“ то Мининъ возгла-
шалъ,
И крѣпку длань свою во гнѣвѣ потрясалъ.

„Умремъ, иль побѣдимъ!“ мгновенно восклицанье
Отвсюду раздалось, какъ бури завыванье.
Всѣ, будто двигнуты незримою рукой,
Вскипѣли, потекли поспѣшною стопой;
Всѣ съ ревностью въ душахъ влекутъ даръ приношенья:
Тамъ дѣва юная любимы украшенья,
Тамъ бѣдный гражданинъ послѣдній плодъ трудовъ,
Тотъ щитъ, тотъ шлемъ, тотъ мечь — наслѣдіе отцовъ,
И всѣ въ мгновеніе возстали ополченны!
И всюду побѣжалъ по граду шумъ военный!
Тогда забыли все: и дряхлость ветхихъ дней,
И домъ родительской, и нѣжность матерей!
Казалось, весь союзъ расторгнулся природы
По гласу громкому взыскуемой свободы.
„Но кто нашъ будетъ вождь?“ такъ Мининъ вопросилъ:
„Не тотъ ли, кто другимъ всегда примѣромъ былъ,
И безбоязненно во бранѣхъ подвизался?
Кто, презря всѣ вражды, за край родной сражался?
Кто честенъ, справедливъ, не знаетъ мести злой,
Ни въ сердцѣ гордыхъ думъ, и твердъ и добръ душой? —

Довольно! и сей мужъ, сполъ славный, знаменитый —
Пожарской, храбрый вождь! онъ ранами покрытый
Теперь врачуется не въ дальныхъ сторонахъ.
Вы знаете его; онъ взросъ и жилъ въ бояхъ.
Когда все падало предъ злобными врагами,
Онъ съ горстію людей сражался подъ стѣнами
Нещастныя Москвы, и градъ сей защищалъ,
Пока безчувственный подъ ранами не палъ.
Да изберемъ его! хоть мучимый болѣзнью,
Но внемля гласу устъ, зовущему къ сраженью
Въ защиту странъ родныхъ, онъ вновь изыдетъ въ бой,
И грянетъ на враговъ могучею рукой.
Когда же нѣтъ его, то нѣтъ и намъ спасенья,
И тщетны всѣ труды, и тщетенъ подвигъ рвенья!
Хотите ль вы его? вѣщайте мнѣ въ сей часъ!“
— „Да будетъ, какъ ты рекъ!“ всеобщій грянулъ гласъ:
„Ступай, спѣши къ нему! скажи, что мы желаемъ
Вождемъ его себѣ, и съ нимъ во брань дерзаемъ!“
Съ благодареніемъ къ Творцу всевышнихъ силъ,
Направя Мининъ путь къ Пожарскому спѣшилъ:
Сей сынъ отечества, мужъ въ бранѣхъ знаменитый,
Лежалъ, болѣзненный, весь ранами покрытый;

Но раны собственны мгновенно забывалъ,
Когда о бѣдствіяхъ Россіи вспоминалъ.
Какъ часто, съ скорьбію и съ сердцемъ сокрушеннымъ,
Онъ гласомъ вопрошалъ, ослаблымъ, изнуреннымъ,
Врачующихъ его: „Друзья! гдѣ лютый врагъ?
Въ какой странѣ? въ какихъ онъ злобствуетъ градахъ?
Москва еще ль въ плѣну? нейдутъ ли ополчаться?
О, лучше смерть принять, чѣмъ въ рабствѣ пресмыкаться!
И я, здѣсь въ тишинѣ укрытый между васъ,
Не вижу грозныхъ битвъ, не слышу брани гласъ!
И мечь мой не блеститъ надъ вражьими главами!
И конь, мой добрый конь, не скачетъ предъ рядами
Моихъ сподвижниковъ и въ славѣ и трудахъ,
И голосъ мой забылъ, столь знаемый въ боях!
И броню крѣпкую прахъ тлѣнья покрываетъ!
И робкаго дитя мой щитъ не ужасаетъ.
Гдѣ тѣ дни славные, когда побѣдный строй,
Всѣ презря ужасы, леталъ во брань за мной?
Гдѣ ночи тѣ, когда, невнемлющій покою,
Лежалъ я близъ огня, и съ пламенной душою
На утро битвы ждалъ, и свой острилъ булатъ,
И мыслью мѣрилъ станъ, гдѣ крылся сопостатъ?
Гдѣ вы, друзья мои, которые дѣлили

Со мною всѣ труды, и съ вѣрою служили
Отеческой странѣ, блюдя святой законъ?...
Увы, изчезло все, сокрылось будто сонъ!
Вотъ славныхъ подвиговъ и дѣлъ всѣхъ достоянье!
Почто жъ спасли меня? на что? — на зло страданье,
Когда я не могу отечеству служить,
Иль, месть неся врагамъ, хоть жертвой брани быть!“
Такъ сѣтовалъ Герой, таковъ его былъ ропотъ:
Какъ вдругъ послышался и звукъ и конской топотъ.
„Кто скачетъ къ намъ, друзья?“ Пожарской вопросилъ;
Но Мининъ, весь въ пыли, уже къ нему вступилъ.
„Пожарской!“ онъ речетъ: „Святое Провидѣнье
Готовитъ отъ враговъ Россіи избавленье!
Сей день притекъ въ нашъ градъ поспѣшною стопой
Почтеннѣйшій инокъ обители святой,
Что Сергій основалъ. Онъ гласомъ возвышеннымъ,
И съ взоромъ радостнымъ ко небу возведеннымъ,
Свободы близкій часъ и казнь врагамъ гласилъ!
Казалось, нову жизнь онъ въ наши души влилъ!
Всѣ вспрянули, и все, какъ море, закипѣло,
И вмигъ оружіе повсюду загремѣло!

Всѣ мщеніемъ горятъ, всѣ жаждутъ въ лю-
тый бой,
И всѣ тебя зовутъ на подвиги съ собой!“
— „Меня?“ такъ возгласилъ Пожарской въ
удивленьи:
„Меня болѣзненна? меня въ изнеможеньи?
О Мининъ! о мой другъ! почто слова твои
Не могутъ изцѣлить всѣ немощи мои!
Смотри на грудь мою, пробитую мечами!
Смотри на длань сію, пронзенную копьями!
Смотри, и дай свой судъ: могу ль возстать
на бой?
Нѣтъ! вашихъ ратныхъ силъ пусть будетъ
вождь иной!“
„Возможно ль!“ возразилъ такъ Мининъ изум-
ленный:
„Возможно ль, что бы тотъ, въ комъ духъ
живетъ военный,
Кто въ даръ отечеству все принести готовъ,
Не восхотѣлъ дерзать на брань противъ враговъ?
Когда все рушится, когда все погибаетъ,
И землю Русскую пришелецъ оскверняетъ,
Осталось ли тогда намъ свой хранить покой?
Прибѣгни къ Господу съ смиренною мольбой,
Проси — да онъ подастъ, на подвигъ сей
священный,
И крѣпость силъ тебѣ, и духъ неудрученный!
Помысли: ты единъ остался токмо намъ!
Ты можешь насъ спасти и месть воздать
врагамъ!

А если и падешь средь люпаго сраженья —
Такъ что же? — подвигъ свящъ! смерпь луч-
ше поношенья!“
Пожарской, симъ словамъ внимая, трепешалъ,
Какъ боя жаждущій; во взорахъ огнь блисталъ;
На сморщенномъ челѣ, казалося, бродили
И месть и грозный гнѣвъ, и будто обновили
Его страдающій тѣлесный весь составъ.
Онъ къ Минину речетъ, мечь въ длань свою
приявъ:
„Ступай, и возвѣсти немедленно народу:
Пожарской въ бой готовъ за Русскихъ странъ
свободу!
Скажи: не подлой страхъ, иль презрѣнной
покой,
Скрывали здѣсь меня, владѣли сей душой;
Нѣтъ! мстящу длань сію лишь люпое мученье
И раны многія, носящи ослабленье,
Могли опъ грозныхъ битвъ и ратныхъ дѣлъ
отвлечь!
Иду — мнѣ Богъ покровъ! и сей булатный
мечь
Покажетъ вамъ побѣдъ путь славный, знаме-
нитый;
Или, я мертвъ паду, вновь ранами покрытый!“
По семъ Пожарской всталъ, и дружеской рукой
Обнявши Минина, держалъ привѣтъ такой:
„Мой другъ! съ сихъ самыхъ поръ, различіе
межъ нами

Изчезнетъ на всегда; да будемъ мы друзьями!
Ни знатность, ни чины, ни предковъ длин-
ный рядъ,
Ни дивны терема, или златой нарядъ,
Въ глазахъ отечества отличья не имѣютъ;
Лишь тѣ, кто доблестью душевною владѣютъ,
Одни красуются величія вѣнкомъ!
И ты, средь бѣдности, и въ званіи простомъ,
Лишенный всѣхъ даровъ завистливой судьбины,
Но внемля гласу нуждъ нещастныя отчизны,
Но пользу общую чтя болѣе своей,
Ты выше всѣхъ Вельможъ и пышныхъ богачей!
Мужайся, о мой другъ! на поприщѣ семъ
славномъ —
И въ мирной хижинѣ, и воевъ въ станѣ ратномъ!
Пусть подвигъ твой святой забудутъ, по-
темнятъ!
Но Богъ тебѣ воздастъ! что́ лучше сихъ
наградъ?
Къ тому жъ и честный мужъ не зритъ на
воздаянье;
Служить и вѣрнымъ быть — вотъ добрыхъ
душъ желанье!
Ступай, спѣши во градъ, и ополчай народъ!
Я въ слѣдъ тебѣ теку; всѣ двигнемся въ походъ.“
Мгновенно вѣсть о семъ къ супругѣ до-
спигаетъ,
Блѣдна, трепещуща къ Герою прибѣгаетъ;
Власы распущены, младенецъ на рукахъ.

„Увы!“ речетъ она съ отчаяньемъ въ очахъ:
„Ты въ брань спѣшишь идти? но слабый, изну-
ренный,
Возможешь ли понесть столь тяжкій трудъ
военный?

Нѣтъ! пусть въ свою чреду сражается другой;
А ты, о мой супругъ, останься, будь со мной!
И развѣ мало ты во брани подвизался? —
Когда бѣжало все, не ты ль одинъ сражался?
Не палъ ли, наконецъ, подъ остріемъ мечей?
Ты долгъ исполнилъ свой, и правъ въ душѣ своей.
Ахъ, сколько безъ тебя я злобныхъ мукъ познала!
Съ какимъ усердіемъ во храмъ я прибѣгала —
Молилась, плакала, и трепетной рукой
Безкровный даръ несла Владычицѣ Святой!
И даже, мучима люшѣйшей бывъ тоскою,
Въ забвеніи себя, съ растерзанной душою,
Я грозную судьбу дерзала вопрошать,
И чары дивныя въ ночь мрачну совершать;
Но все въ безмолвіи, какъ въ гробѣ, пребывало,
И на призывный гласъ ничто не отвѣчало!
Ни нѣжный разговоръ, ни пѣніе подругъ,
Не проливали въ мой отрады скорбный духъ!
Однѣ лишь вкругъ меня бродили привидѣнья:
Тамъ, зрѣлось мнѣ, ты палъ средь люпаго сра-
женья;
А здѣсь, коварный врагъ, завистникъ зло-
бный твой
Мечь въ грудь твою вонзалъ безжалостной рукой!

Къ побѣдамъ, избраннымъ Всевышняго рукой?
Уже ль взираете съ покойною душой
На гибель страшную, убійства, разрушенье?
Уже ль не тронетъ васъ Москвы опустошенье —
Москвы, царицы всѣхъ Россійскихъ городовъ?...
О стыдъ, позоръ для васъ отечества сыновъ!
Здѣсь вы ликуете, здѣсь пѣсни раздаются;
А тамъ — и вопль и стонъ терзаемыхъ несутся!
Здѣсь зданья зиждутся, сіяютъ красотой;
А тамъ — поруганы губителей рукой!
Здѣсь нивы тучныя красуются съ полями;
А тамъ — потоптаны и ратью и конями!
И васъ, сограждане! не укоряетъ стыдъ,
Когда свирѣпая повсюду брань кипитъ,
Вы въ мертвой праздности, среди забавъ ничтожныхъ,
Нейдете искуплять друзей своихъ и кровныхъ?
Мужайтесь, вѣрніи! Да съ именемъ въ устахъ
Творца всевышняго, и прѣзря смерти страхъ,
Ударимъ на враговъ, и грозными мечами
Повержемъ ихъ полки предъ нашими стопами!
Я самъ, болѣзненный, подъ тяжкимъ игомъ лѣтъ,
Межъ вами стану въ строй, и страха сердцу нѣтъ!
Паду ли — но воздамъ Творцу благодаренья,
Что былъ сподвижникомъ Россіи избавленья.“

Воспомни, что любовь къ отечеескимъ стра-
намъ,
Дороже чадъ и женъ — всего, что мило намъ!
Къ тому жъ, не зришь ли ты въ томъ волю
Провидѣнья,
Что раны днесь мои познали изцѣленья?
Почто жъ скорбѣть тебѣ? къ чему сей слез-
ный токъ? . . .
А если и судилъ уже враждебный рокъ
Мнѣ пасть средь грозныхъ сѣчь, какъ жер-
твѣ обреченной,
Умру — но мыслію благою услажденной,
Что долгъ къ отечеству я свято сохранилъ,
Сражался, и другимъ въ бою примѣромъ былъ!
А ты, мой юный сынъ, залогъ нѣжнѣйшей
страсти,
Еще невнемлющій ни страху, ни напасти,
Пріими лобзаніе родительской любви!
Расти, расти, крѣпись, для доблестей живи!
Будь матери твоей отрадой, утѣшеньемъ!
О, успокой ее ты лаской, угожденьемъ!
Будь ей подпорою въ ея преклонныхъ дняхъ!
За добродѣтель намъ награда въ небесахъ.
Наслѣдуй отъ меня сей грозный духъ военной,
И ненависть къ врагамъ отчизны оскорбленной,
И праводушіе, и мой незлобный нравъ,
И отчужденіе отъ нѣги и забавъ.
Да не коснется вѣкъ рука твоя съ любовью
Руки губителя, покрытой Русской кровью!

Да тотъ, кто осквернялъ святыню алтарей,
И злата жаждущій, во ярости своей,
Надъ ликомъ праведныхъ безумно наругался;
Кто вѣрѣ нащихъ странъ съ хулою насмѣхался,
И слабыхъ женъ и чадъ злой смерти предавалъ
И трупы хладные стопами попиралъ —
Пусть будетъ тотъ тебѣ во вѣкъ предметомъ
мщенья!
Вотъ родшаго тебѣ завѣтъ благословенья!
Простите! часъ насталъ! да Царь благій небесъ
Дни ваши упасетъ отъ скорбныхъ мукъ и слезъ!“
Сказавъ сіе, Герой супругу обнимаетъ,
И въ Нижній Новгородъ путь спѣшно устро-
яетъ.

Конецъ четвертой Пѣсни.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Уже свой Мининъ путь обратный совер-
шилъ,
И радостную вѣсть народу сообщилъ,
Что доблестный Герой, презрѣвъ изнеможенье,
Грядетъ вести на брань странъ Русскихъ
ополченье.
Народъ, какъ шумный токъ весной разлив-
шихъ рѣкъ,
Во срѣтенье ему съ поспѣшностью потекъ.
Всѣ, полны радости, сгарая нетерпѣньемъ,
Взоръ жаждутъ усладить Героя лицезрѣньемъ.
И се, взвилась вдали пыль сѣрая столбомъ,
Лучь рѣзвый заигралъ предъ блещущимъ щи-
томъ,
Хоругвь священная надъ строемъ показалась,
Носяща ликъ святой, и гордо развѣвалась —
То шествовалъ Герой съ дружиною своей,
Избранной изъ среды испытанныхъ мужей.
Вдругъ клики звучные, какъ грома переливы,
Отвсюду раздались, и сдвоились порывы.
Звѣнящій колоколъ тогда не умолкалъ;
Весь воздухъ, движимый, казалось, трепеталъ.
Герой въ безмолвіи, съ осанкою смиренной,

Но раны собственны мгновенно забывалъ,
Когда о бѣдствіяхъ Россіи вспоминалъ.
Какъ часто, съ скорьбію и съ сердцемъ сокрушеннымъ,
Онъ гласомъ вопрошалъ, ослаблымъ, изнуреннымъ,
Врачующихъ его: „Друзья! гдѣ лютый врагъ?
Въ какой странѣ? въ какихъ онъ злобствуетъ градахъ?
Москва еще ль въ плѣну? нейдутъ ли ополчаться?
О, лучше смерть принять, чѣмъ въ рабствѣ пресмыкаться!
И я, здѣсь въ тишинѣ укрытый между васъ,
Не вижу грозныхъ битвъ, не слышу брани гласъ!
И мечь мой не блеститъ надъ вражьими главами!
И конь, мой добрый конь, не скачетъ предъ рядами
Моихъ сподвижниковъ и въ славѣ и трудахъ,
И голосъ мой забылъ, столь знаемый въ бояхъ!
И броню крѣпкую прахъ тлѣнья покрываетъ!
И робкаго дитя мой щитъ не ужасаетъ.
Гдѣ тѣ дни славные, когда побѣдный строй,
Всѣ презря ужасы, леталъ во брань за мной?
Гдѣ ночи тѣ, когда, невнемлющій покою,
Лежалъ я близъ огня, и съ пламенной душою
На утро битвы ждалъ, и свой острилъ булатъ,
И мыслью мѣрилъ станъ, гдѣ крылся сопостатъ?
Гдѣ вы, друзья мои, которые дѣлили

И утро припекло. Прогнавъ ночную тѣнь,
Аврора юная вела на небо день.
Жемчужны облака крутились, растилались,
И злато и пурпуръ въ струяхъ переливались.
Рѣка одѣлася туманной пеленой,
И лугъ весь заигралъ подъ блещущей росой.
Казалось, съ радостью отъ сна все возставало,
Все веселилося, сей день торжествовало.
Вдругъ звучный барабанъ и громкій трубный гласъ
Во градѣ возвѣстилъ похода близкій часъ;
Всѣ вспрянули, текутъ поспѣшными стопами,
И стали, грозные, въ рядахъ подъ знаменами.
Блестящіе шлемы, изсунутый булатъ
Кольчуги и щиты и копій длинныхъ рядъ
Предъ солнцемъ утреннимъ въ лучахъ переливались,
И клики шумныя повсюду раздавались.
Но се съ поспѣшностью раздвинулся народъ,
Какъ двѣ противныя волны сѣкомыхъ водъ —
Пожарской шествовалъ. Мгновенно восклицанья
Отвсюду понеслись, какъ грозныхъ тучь роптанья.
„Друзья!“ онъ возгласилъ: „начнемъ мы подвигъ свой
Къ Творцу всевышнему смиренною мольбой!
Да призовемъ Его на помощь Провидѣнье:
Онъ дастъ намъ свой покровъ, защиту и спасенье!

Въ рукѣ Создателя хранится правый судъ;
Мы правы, и враги со трепетомъ падутъ!“
Полки, по сихъ словахъ, окрестъ совокупились,
Поникли знамена, главы всѣхъ обнажились;
Служители Христа, приступльши къ алтарю,
Святой воспѣли гимнъ всевышнему Царю.
Хвалебны голоса ко небу возносились,
И всѣ съ смиреніемъ ко Господу молились.
Какое зрѣлище! какое торжество!
И сей скорбящій гласъ, зовущій Божество,
И умиленный взоръ, и всѣ сіи моленья
Просили одного отечеству спасенья!
Служенье кончилось. Все стало въ прежній видъ.
Пожарской на конѣ, весь бронею покрытъ,
Благодарилъ народъ, съ сердечными слезами,
За подвигъ рвенія, и быстрыми стопами,
Повелъ изъ града вонъ немедля грозный строй;
Всѣ двигнулись за нимъ съ неробкою душой.
Не видно было слезъ, неслышно воздыханья;
Однѣ лишь въ слѣдъ неслись побѣдныя желанья.
О чудо! всѣхъ впереди Аврамій старецъ шелъ,
И будто обновленъ, всю бодрость силъ имѣлъ;
Аврамій, изъ среды обители священной,
Желаетъ раздѣлить на полѣ трудъ военной.
Межъ тѣмъ злой Сатана, завидя ратный строй
Сихъ храбрыхъ мстителей, вострепеталъ душой.

Глава на грудь его мгновенно преклонилась,
И длань, носяща скиппръ желѣзный, опу-
стилась.
Въ кровавыхъ очесахъ сверкалъ багровый лучь,
И тяжкій вздохъ звучалъ, какъ шумъ летя-
щихъ тучь.
Казалось, весь погрязъ онъ въ думу и мечтанья;
Но вдругъ, какъ грома ревъ, исторглись за-
выванья
Изъ челюстей его, разверстыхъ какъ вулканъ!
Все основаніе подземныхъ мрачныхъ странъ,
При гласѣ страшномъ семъ, мгновенно встре-
петало,
И пламя грозное со свистомъ запылало
Изъ черныхъ пропастей, и разлилось окрестъ,
И ужасъ застоналъ, неспящій стражъ сихъ
мѣстъ!
Всѣ духи тартара — надменное плѣненье,
Владыки своего познали въ томъ веленье,
И вмигъ, какъ стаи птицъ, встревоженныхъ
стрѣльбой,
Завыли, понеслись шумящею толпой —
Стеклися, и кругомъ въ обширнѣйшей пещерѣ
Возсѣли предъ царемъ, властей своихъ по мѣрѣ.
Сей лютый царь духовъ во гнѣвѣ такъ изрекъ,
Подобно грохоту съ крутизнъ бѣгущихъ рѣкъ:
„Друзья! не видите ль сей строй, сіи знамена,
Идущія изъять Москву опъ вражья плѣна —
Москву, гдѣ царствуетъ убійство и раздоръ?

Уже ль потерпимъ мы сполъ гибельный позоръ?
Не наши ль то дѣла? не нашимъ ли внушеньемъ
Сей градъ терзается враждой, опустошеньемъ?
Не мы ль возжгли сей духъ хищенья и крамолъ,
И море извели туда всѣхъ лютыхъ золъ?..
Друзья! еще ли намъ, въ сихъ пропостяхъ
подземныхъ,
Низринутымъ отъ мѣстъ превыспреннихъ,
священныхъ,
Врага всесильнаго карательной рукой,
Еще ль осталося питать себя мечтой
Узрѣть владычество свое надъ небесами,
Иль радости дѣлить съ пресвѣтлыми духами?
Нѣтъ! врагъ нашъ, злобствуя, единый безъ
препонъ,
Далъ въ ярости своей лютѣйшій намъ законъ
Въ семъ грозномъ тартарѣ на вѣчный плѣнъ
вселиться!
И святъ Его уставъ! и ввѣкъ не премѣнится!
Напрасны всѣ мольбы! напрасенъ скорбный
гласъ!
Не взыщетъ благостью Властитель неба насъ!
Такъ, что же? зло за зло! и мщенье противъ
мщенья!
Друзья! употребимъ всѣ силы ухищренья!
Отмстимъ жестокому! да хитрый, злобный
ковъ
Повсюду возродитъ противъ Него враговъ!
Пусть обольщенные преступными мечтами

Попрутъ его алтарь безтрепетно стопами!
Пусть все разрушится: и вѣра и законъ!
Да воля Вышняго познаетъ злой уронъ!
Пусть сынъ противъ отца, и братъ противу
брата,
Направитъ остріе безжалостно булата!
Пусть всюду брань кипитъ, свирѣпствуетъ
раздоръ!
То наше торжество! то Сильному позоръ!
И сей надменный вождь, столь гордо возне-
сенной,
Грядущій съ воинствомъ къ Москвѣ порабо-
щенной,
Уже ль останется за подвигъ дерзкій свой
Безъ мщенья нашего, и не падетъ главой?
Нѣтъ, нѣтъ, не потерплю! не дамъ, не дамъ
покою
Возникнуть въ сихъ странахъ съ желанной
тишиною.
И такъ, о Веліалъ! чей хитрый, острый умъ
Владѣетъ тайною вселять киченье думъ,
Льстя сердцу ложными, приятными мечтами,
И тамъ, гдѣ смерть и зло, манитъ глупцовъ
хвалами,
Пріими веленіе владыки твоего:
Ступай къ Заруцкому! найди вождя сего (1)!
Прельсти кичливаго владычествомъ и славой —
Сей бѣдственной людей, хотъ сладкою, от-
равой!

Да возжелаетъ онъ возсѣсть на тронъ Царей! —
Возсядетъ? — Нужды нѣтъ! раздоръ еще
люшѣй
И брань свирѣпая возникнетъ со враждою —
И я украшусь вновь побѣдой и хвалою!
Скажи Заруцкому: лишь врагъ ему единъ
Въ семъ славномъ подвигѣ Пожарской, вѣры
сынъ!
Пусть извергъ сей падетъ, а съ нимъ и всѣ
препоны!
И тронъ останется безъ мощной обороны!
Когда же злобный рокъ и ьъ томъ намъ из-
мѣнитъ,
И длань, носяща смерть, его не уязвитъ;
Тогда излей весь ядъ и всѣ свои хищренья:
Плѣняй, влеки умы, и строй всѣмъ ковъ
прельщенья!
И даже — о, когда бъ ты то исполнить могъ! —
Прельсти Пожарскаго, сколь онъ ни швердъ,
ни строгъ!
Ступай, и овладѣй сей гордою душою!
Да въ слѣдъ тебѣ текутъ, покорны предъ
тобою,
Избранныхъ тмы духовъ на подвигъ слав-
ный сей!
Будь утѣшеньемъ мнѣ! будь радостью моей!“
Послушный Веліалъ, приявъ сіе веленье,
Возсталъ, и устремилъ въ подлунной край
паренье.

Ужь ночь была близка; уснувшій ратный
стань
Лишь сребреной луной былъ слабо осіянъ
Когда мечтаніямъ Заруцкій предавался,
И, въ думу погруженъ, весь думою казался.
Вдругъ воинъ предъ него незнаемый предсталъ;
Колчанъ и лукъ крутой позадь раменъ звучалъ;
Мечь, при бедрѣ его, широкій и тяжелый,
Двоилъ концемъ песокъ, какъ плугомъ волъ
дебелый;
Подъ тяжкою стопой хрустѣлъ кремнистый
путь;
Брада всклокоченна спускалася на грудь;
Надъ гордымъ шишакомъ хвостъ конскій раз-
вѣвался,
И подъ чашуйчатымъ щитомъ весь бокъ скры-
вался —
То злобный Веліалъ въ семъ грозномъ видѣ былъ.
„Кто ты, о дивный мужъ?“ Заруцкій вопросилъ.
— „Я другъ твой!“ отвѣчалъ ему сей духъ
коварный:
„Пріими любви моей тебѣ совѣтъ отрадный!
Я вижу внутрь тебя, твой разумъ мнѣ открытъ:
Въ тебѣ желаніе таится и горитъ —
Желанье, въ слѣдъ летѣть за славою блестящей;
Прекрасно! что жъ для насъ въ сей жизни пре-
ходящей
Дороже подвиговъ и славы можетъ быть?

Безъ славы — все тщета! безъ славы —
подло жить!
Пусть души робкія — бѣднѣйшія творенья —
Копаютъ гробъ себѣ въ тѣни уединенья,
Иль съ ропотомъ влачатъ ничтожныхъ ига дѣлъ!
Пусть пресмыкаются! то жалкій ихъ удѣлъ!
А ты, въ комъ духъ живетъ чувствъ пылкихъ, возвышенныхъ,
Уже ль смѣшаешься съ толпой людей презрѣнныхъ?
На что жъ тебѣ твой умъ? на что же крѣпость силъ?
Уже ли рокъ тебя къ забвенью осудилъ? . .
Заруцкій! дорогъ часъ! расторгни всѣ сомнѣнья!
Мужайся, и стремись на степень возвышенья!
Другимъ — рабами быть; тебѣ жъ — потребенъ тронъ!
Быть можетъ, ропщешь ты на злобну власть препонъ?
А Шуйской, а Борисъ — чѣмъ выше предъ тобою?
Хоть разнымъ шли путемъ, но властію одною
Украсились они, и имъ покорный рокъ
Въ семъ подвигѣ даетъ тебѣ благій урокъ.
Къ тому жъ и сей раздоръ, и лютое смятенье,
И ослабленіе, и всѣхъ умовъ волненье,
Готовятъ для тебя щастливѣйшій успѣхъ!
Одинъ лишь врагъ тебѣ, сильнѣйшій врагъ
изъ всѣхъ —

Пожарской, хитрый вождь, сколь гордо воз-
стающій
За древній обычай, и съ воинствомъ грядущій
Москву освободить отъ плѣна вражьихъ рукъ,
И миръ ей даровать — цѣленье злобныхъ мукъ.
Еще же, можетъ быть — о, срамъ! о, по-
ношенье!
Восхощетъ воспріять онъ Русскихъ странъ
правленье
И на престолъ возсѣсть на зло и стыдъ
другимъ!
Заруцкій! соверши ты должну казнь надъ нимъ!
Пустъ нечестивецъ сей падетъ передъ тобою,
И въ прахъ низвержется убійственной рукою!
Рукой убійственной? — но звукъ сихъ словъ
пустой
Уже ли надъ твоей имѣетъ власть душой?
Повѣрь: чѣмъ болѣ грѣхъ, тѣмъ менѣ пре-
ступленье!
А злобная война, убійства, разрушенье,
Воздвигнуты въ странъ по прихоти Царей,
Еще ль не злѣй того, еще ли не люпѣй? . .
Но звукъ гремитъ побѣдъ, и грѣхъ весь изче-
заетъ!
Не я, но цѣлый свѣтъ такъ судитъ, пони-
маетъ.
И такъ, коль чувствуешь въ себѣ довольно силъ,
Коль лучь безсмертія твой разумъ озарилъ,
Вотъ случай для тебя, Заруцкій, драгоцѣнный:

Вступи съ Мариной въ бракъ! народъ, еще прельщенный
Обманами ея, къ тебѣ весь притечетъ,
И на престолъ тебя съ восторгомъ возведетъ!“
По семъ сей хитрый духъ, служитель вѣрный злобы,
Изчезъ въ мгновеніе, какъ паръ земной утробы.
Не внемля совѣсти, забывши должный страхъ,
Заруцкій утопалъ въ приманчивыхъ мечтахъ:
Тамъ Царскій тронъ, вѣнецъ, тамъ власть самодержавна!
Тамъ гордость подданныхъ къ стопамъ его попранна!
Какое торжество! о, какъ завидно быть
Властителемъ другихъ, и судъ другимъ творить!
„Иду!“ онъ возопилъ: „иль палъ, иль на престолѣ!
Заруцкій не рожденъ скрываться въ низкой долѣ!“
И съ словомъ симъ зоветъ вѣрнѣйшаго изъ всѣхъ,
Въ комъ зрѣлъ онъ болѣе надежды на успѣхъ,
И дѣло злобное ему препоручаетъ.
„Ступай!“ Заруцкій рекъ; „твой вождь и другъ желаетъ
Отъ сильной сей руки и рвенья твоего
Услугу возымѣть, столь лестну для него:
Убей Пожарскаго! сверши сей подвигъ славный!

Ты будешь вождь вождей, а я — самодержавный!
Надѣйся, если намъ судьба не измѣнитъ,
Путь къ громкихъ почестямъ неложно намъ
открытъ!“
Козакъ, желаніямъ начальника покорный,
Спѣшитъ во Ярославль, какъ волкъ къ добычѣ
злобный.
Въ то время въ градѣ семъ Пожарской
устроялъ
Воинскихъ дѣлъ снарядъ, и ратныхъ соби-
ралъ (2);
Народъ со всѣхъ сторонъ стекался и тѣснился,
И ближе зрѣлъ вождя съ радушнымъ сердцемъ
льстился.
Вдругъ посланный Козакъ, какъ змій ковар-
ной, злой,
Течетъ къ Пожарскому отважною стопой —
Притекъ, извлекъ кинжалъ, и яростной рукою
Стремитъ убійственный ударъ во грудь Герою...
Конечно горній духъ, невидимый для глазъ,
Хранилъ Пожарскаго въ сей люпый смерти
часъ!
Кинжалъ грудь миновалъ, и въ лядвею вонзился
Другаго Козака. Народъ весь возмутился.
Мечи изсунулы и копій длинныхъ рядъ
На грудь преступника смерть скорую стре-
мятъ;
Но доблестный Герой, спокойный, равнодушный,
Велитъ умѣрить гнѣвъ; народъ, ему послушный,

Щадитъ злодѣя жизнь. Какъ ярый конь, браздой
Удержанный въ бѣгу, крутится, бьетъ стопой,
И рвется вдаль летѣть, пуская дымъ ноздрями:
Такъ шумная толпа, съ грозящими руками,
Еще волнуется, еще на весь угасъ,
Зовущій месть врагу, народа громкій гласъ.
Но се, послышались мгновенно звучны клики:
„Къ Пожарскому пословъ шлетъ Новгородъ великій!“

Послы, представъ предъ нимъ, сію держали рѣчь:
„Желая люту брань и зло крамолъ пресѣчь
Въ отеческой странѣ, и миръ воззвать желанной,
Великій Новгородъ избралъ главой вѣнчанной
Филиппа, юношу краснѣйшаго душей,
Филиппа, Свѣйскихъ странъ надежду славныхъ дней,
И проситъ твоего чрезъ насъ въ томъ соглашенья!“
— „О, нѣтъ!“ Пожарской рекъ; „такого пошенья
Могу ли возжелать отеческимъ странамъ!
Не всякой ли тогда сказать возможетъ намъ,
Что бѣдность нашихъ силъ, что Царства ослабленье,
Понудили избрать подобное рѣшенье?
Пока не ляжетъ въ прахъ сихъ храбрыхъ ратный строй,
Пока Пожарской имъ считается главой,

Дошѣхъ, клянуся, поръ, и Богъ мнѣ въ томъ
свидѣтель!
Не осквернится ввѣкъ Россіянъ добродѣтель!
Когдажъ отрадный миръ возникнетъ между насъ,
Пусть изберетъ тогда отчизны общій гласъ
Желаннаго Царя свободно и по волѣ —
И тотъ намъ судъ творитъ, красуясь на
престолѣ!
Теперь же люта брань насъ въ полѣ всѣхъ зоветъ,
И благость вышняя намъ кажетъ путь побѣдъ!
И такъ, грядите вспять поспѣшною стопою!
Скажите гражданамъ, да помощью благою
Въ семъ славномъ подвигѣ насъ нынѣ подкрѣ-
пятъ,
И отчую страну спасутъ отъ злыхъ упрашъ."
Скончавши рѣчь сію, Герой уединился,
И, думой отягченъ, въ мечтанья погрузился.
Уже въ померкнувшихъ и тусклыхъ не-
бесахъ
Звѣзда вечерняя зажглась въ златыхъ лучахъ.
Волненій и суетъ могущій покоритель,
Сонъ, вѣрный мира другъ, сладчайшій утѣ-
шитель,
На легкихъ крыліяхъ съ отрадной тишиной
Спускался отъ небесъ, и благостной рукой
Пріятныя дремы и чудныя мечтанья
Роскошно разсыпалъ, какъ прелесть чарованья,
И усыпленной міръ свой смутный шумъ забылъ.
Пожарской, чувствуя влеченье тайныхъ силъ,

Склоняется на одръ, и сладко засыпаетъ.
Вдругъ взоры умственны Героя поражаетъ
Видѣнье дивное. . . то образъ былъ отца!
Тѣ жъ взоры добрые, та жъ кротость вся лица.
„Димитрій!“ старецъ рекъ: „все, все, что
драгоцѣнно
Для сердца моего, въ тебѣ то́ заключенно.
Такъ, мнѣ присутственну обители небесъ,
Ты сладостный предметъ еще моихъ очесъ!
Я всюду надъ тобой: и въ яростномъ сраженьи,
И мирной жизни въ безбурномъ наслажденьи.
Печали, горести, мученія твои
И сердца радости, суть собственны мои!
Ты будешь, какъ и былъ, мнѣ вѣчнымъ утѣ-
шеньемъ;
А ты не чтишь мой прахъ сыновнимъ по-
клоненьемъ!“
Пожарской съ трепетомъ открылъ свой бы-
стрый взоръ;
Еще, казалося, онъ внемлетъ сей укоръ.
Но чтя тщетою сонъ, опять главу склоняетъ;
Опять видѣніе себя ему являетъ!
И тотъ же былъ упрекъ, и тотъ же видъ отца,
И тѣ же всѣ черты приятнаго лица.
И въ третій разъ заснулъ, и въ третій разъ
все то же!
Пожарской, наконецъ, кидаетъ сонъ и ложе.
Смущенный, горестный, въ душѣ питая страхъ,
Онъ зритъ таинственность въ тревожныхъ
сихъ мечтахъ.

„О, нѣтъ!“ онъ возопилъ: „не во тщету видѣнье!
Отецъ — иду къ тебѣ, иду на поклоненье!“
И съ словомъ симъ вождей дружинъ къ себѣ зоветъ.
„Друзья! священный долгъ“ — Пожарской къ нимъ речетъ:
„На время краткое велитъ мнѣ отлучиться:
Иду ко Господу смиренно помолиться,
И праху отчему сыновній долгъ воздать;
Вы жъ можете межъ тѣмъ путь далѣ продолжать.
Повѣрьте мнѣ: кто былъ дурнымъ и злобнымъ сыномъ,
Тотъ добрымъ никогда не будетъ гражданиномъ.
Любовь къ родителямъ, союзъ священный сей,
Есть всѣхъ вина общества и цѣпь всѣхъ должностей.
Простите! я явлюсь опять безъ замедленья!
Мнѣ также дорогъ долгъ отечеству служенья.
Скажите воинамъ: Пожарской вѣренъ имъ!
Готовность въ бой летѣть всегда пребудетъ съ нимъ!“
Скончавъ слова сіи, Герой всѣхъ обнимаетъ,
И путь ко Суздалю поспѣшно направляетъ.
Уже сей градъ предъ нимъ свой гордый верхъ открылъ;
Уже притекъ Герой, и съ горестью вступилъ

Въ обитель мирную, гдѣ прахъ отца свя-
щенный
Покоится въ гробу, подъ камнемъ сокровен-
ный (3).
Свѣщей печальный огнь затеплился, вспылалъ,
И камня вкругъ сего рядъ иноковъ обсталъ.
Вѣщатель скорбныхъ чувствъ, гласъ тихій
пѣснопѣнья
Усопшему на вѣкъ просилъ успокоенья.
Герой, повергшись ницъ, съ растерзанной
душой,
Дернъ хладный орошалъ горячею слезой.
„Отецъ!“ онъ возопилъ, печалью отягченный:
„Хоть двадцать слишкомъ лѣтъ съ тобою
разлученный;
Но ты всегда со мной: ты въ сердцѣ у меня!
И могъ ли я забыть, себѣ не измѣня,
Твою ко мнѣ любовь, твои всѣ попеченья?
О, нѣтъ! я помню ихъ, и нѣтъ имъ ввѣкъ
забвенья!
Съ какою нѣжностью, съ какою добротой
Ты ласки мнѣ являлъ и мой хранилъ покой!
Съ какимъ вниманіемъ любови безпримѣрной
Ты тщился направлять меня на путь полезной,
И добродѣтелямъ возвышеннымъ училъ;
Но ты мнѣ самъ всегда примѣромъ лучшимъ
былъ!
О, будь моимъ и днесь наставникомъ и другомъ —
Когда, уязвленный болѣзненнымъ недугомъ,
Иль яростно гонимъ жестокостью людей,

Да ввѣкъ не изреку я въ горести моей
Ни ропота на рокъ, ни злобнымъ поруганья!
Да перстъ, всесильный перстъ, дающій мнѣ
страданья,
Въ смиреніи моемъ всегда благословлю!
Пусть все враждуетъ мнѣ! пусть бѣдствія
терплю!
Но если правъ душой, но если добродѣтель
Еще живетъ во мнѣ, всѣхъ дѣлъ моихъ свидѣ-
тель,
Я щастливъ, я великъ: моя награда — Богъ!
О, да взойдутъ туда, въ пресвѣтлый тотъ
чертогъ,
Гдѣ ты, межъ Ангеловъ, свѣтъ славы зришь
нетлѣнной,
Мои моленія, мой голосъ дерзновенной,
И я, да возмогу, среди всѣхъ жизни золъ,
Гоненій и вражды, раздора и крамолъ,
Невинность соблюсти, быть правдѣ неизмѣн-
нымъ,
Любить родныхъ, друзей, быть родинѣ по-
лезнымъ;
О, да во всемъ тебѣ являюсь подобенъ я!
Вотъ дѣлъ моихъ предметъ и слава вся моя!“
По семъ Герой встаетъ и въ путь течетъ
обратный,
Спѣша вести на брань къ стѣнамъ Москвы
строй ратный.

Конецъ пятой Пѣсни.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Уже сподвижники Пожарскаго въ дѣлахъ
Далеко за собой оставили въ лѣсахъ
Стоящій Переславль, и взоромъ любопыт-
нымъ (1)
Текли въ туманну даль къ стѣнамъ тѣмъ зна-
менитымъ,
Гдѣ Сергій мирную обитель основалъ.
Тогда седьмый ужь часъ Царь свѣта протe-
калъ (2),
И яркими палилъ засохшій долъ лучами.
Пыль сѣрая неслась густыми облаками
Надъ строемъ Русскихъ силъ и омрачала зракъ.
Все стихло, все молчитъ; блестящій цвѣтъ и
злакъ,
Томимы жаждою, поникли и увяли.
Лѣса безмолвныя задумчиво стояли,
И вѣтеръ не игралъ трепещущимъ листомъ.
Печальна тишина простерлася кругомъ,
И соловей умолкъ, таяся подъ вѣтьвями!
Лишь скотъ, близъ ската горъ улегшійся гря-
дами,
Главу склонивъ на долъ, повременно мычалъ;

Лишь рѣзвый подъ кустомъ кузнечикъ распѣ-
валъ.
Какой ужасный зной! чуть-чуть кони спу-
паютъ,
Чуть-чуть воители стопы передвигаютъ
Подъ тяжкой бронею въ смѣшавшихся рядахъ!
Дыханье слабое въ запекшихся устахъ,
Какъ пещи знойной паръ, съ трудомъ пере-
ливалось,
И по́томъ, какъ дождемъ, чело всѣхъ умы-
валось.
И нѣтъ пристанища! и нѣтъ нигдѣ прохладъ!
Всѣ пали! и щиты, и шлемъ, и копій рядъ,
О землю пламенну ударясь, зазвучали!
И кони стонъ глухой, повергшись, испускали!
Аврамій бодрственно, собравъ остатокъ силъ,
Ко древу ближнему стопы свои стремилъ —
Притекъ, возсѣлъ, и взоръ, печальный и
скорьбящій,
Возвелъ на ратный строй, и тамъ и здѣсь
лежащій!
Какое зрѣлище! какой плачевной видъ!
Весь путь какъ трупами бездушными покрытъ!
Сей старецъ наконецъ изрекъ сіи вѣщанья:
„О Ты, избавившій отъ злобныхъ поруганья
И ига тяжкаго несноснѣйшихъ работъ
Сыновъ Іаковля, избранный Твой народъ,
И моря Чермнаго упробу осушившій,
И ихъ среди пустынь во облацѣ водившій;

По слову Ковго, являй чудеса,
Низпадала съ небесъ питательна роса,
И камень изліялъ источникъ водъ обильныхъ
Въ мѣстахъ Рафи́дина, засохлыхъ и пустынных!
Почто же новаго Израиля сыновъ,
Воззванныхъ мстителей Тобою на враговъ,
Караешь гибельно стужающей рукою?
Что крѣпость нашихъ силъ Всевышній предъ Тобою?
Услышь, услышь, молю, мой скорбный сердца гласъ,
И смерти отжени уже къ намъ близкій часъ!“
Вѣщалъ, недвижимъ сталъ съ воздѣтыми руками,
И орошалъ свой зракъ горячими слезами;
Межъ тѣмъ все тотъ же зной, и спрашенъ и жестокъ!
Вдругъ свѣжій на него повѣялъ вѣтерокъ,
Какъ утра юнаго приятное дыханье,
И мура разлилось окрестъ благоуханье!
Все, все, казалося, прияло новый видъ,
И будто очесамъ сводъ неба былъ открытъ!
Надзвѣздныхъ житель мѣстъ, какъ юноша краснѣйшій,
Предсталъ передъ него, позадь раменъ имѣвшій,
Два легки крылія и свѣтъ окрестъ чела;
Цвѣтущу маслину рука его несла.
Онъ рекъ, и гласъ его, какъ арфы звукъ приятный,

Вѣщалъ Аврамію глаголъ душѣ отрадный:
„Почто сей скорбный стонъ? почто источ-
никъ слезъ?
Непостижимъ въ путяхъ всевышній Царь не-
бесъ!
Гдѣ бренный человѣкъ зритъ зло и разрушенье,
Тамъ благо зиждетъ Онъ и жизни возрожденье!
Сей лютый, страшный зной былъ испытанья
часъ;
Востань, иди за миой, спасенье есть для васъ!“
Аврамій, вставъ, спѣшилъ трепещущей сто-
пою —
И вдругъ не вдалекѣ онъ зритъ передъ собою
Въ долинѣ межъ кустовъ сверкающій ручей!
Вожатай вмигъ изчезъ отъ и́нока очей.
Сей, полонъ радости и чувствъ благоговѣнья,
Повергшись долу ницъ, изрекъ благодаренья
Къ Творцу всевышнему, спасителю отъ бѣдъ;
Потóмъ встаетъ и шлемъ отъ воина беретъ,
И хладную струю поспѣшно почерпаетъ,
И къ жаждущимъ течетъ, и дивно напояетъ
Сей малой частію тмы многія людей.
Всѣ бодро вспрянули во крѣпости своей,
И грозное въ рукахъ оружье зазвенѣло.
Но вотъ лазурное и небо потемнѣло,
Подулъ прохладный вѣтръ, и хлынулъ дождь
рѣкой!
Всѣ зрѣли чудеса творящи надъ собой.

Какой восторгъ въ душахъ! какое въ сердцѣ
рвенье!
„Но гдѣ Пожарской нашъ! что значитъ за-
медленье
Сего безстрашнаго карателя враговъ?
Уже ль сокрылся онъ опять подъ отчій кровъ?“,
Такъ воины рекли, и ропотный ихъ гласъ
Изъ строя въ строй пошекъ; но вдругъ и
слухъ и глазъ
Ко лѣвой сторонѣ поспѣшно обратился:
Тамъ топотъ слышался, и се предъ нихъ
явился,
На скачущемъ конѣ, желанной ихъ Герой,
Пожарской доблестный, подъ бронею стальной.
„Онъ ѣдетъ, ѣдетъ къ намъ!“ взыванья раз-
дался,
И всѣ во срѣтенье къ Герою понеслися.
Гласъ радости гремѣлъ у каждой въ устахъ.
Пожарской дружески въ привѣтливыхъ словахъ
Старался всѣмъ воздать свое благодаренье;
Но кроткій взоръ его, являвшій услажденье,
Мгновенно заблисталъ и гнѣвомъ и огнемъ!
Хвостъ конскій двигнулся надъ гордымъ ши-
шакомъ,
И въ длани острый мечь сверкнулъ какъ
лучь блестящій.
„Друзья!“ Герой речетъ: „что, зрите ль
прахъ летящій,
Какъ тучу грозную, надъ дальной сей горой?

Я вижу копій блескъ; друзья! то ратный спрой!
То врагъ грядетъ на насъ! спѣшите ополчиться (3)!
—Насталъ желанный часъ за родину сразиться!“
Но ближе, ближе пыль, и уже слышенъ стукъ
Катящихся колесъ и брони рѣзкій звукъ.
И се спустились въ долъ; еще, еще мгновенье —
И что же? — Русскихъ странъ то было ополченье,
Грядущее къ Москвѣ поспѣшною стопой!
Впреди всѣхъ шествовалъ Дворянъ блестящій строй,
И въ златѣ и сребрѣ, съ богатыми щитами;
Позадь же ихъ кони подъ пышными коврами,
И сонмъ служителей, и шумный лѣсъ знаменъ,
Носящихъ рода знакъ и письмена именъ.
Презрѣвъ враждебный духъ и гордости киченья,
Въ единъ всѣ стали врядъ для странъ родныхъ спасенья.
Какое мужество сіяетъ въ ихъ очахъ!
Ихъ каждый взглядъ — гроза, движенье — сердцу страхъ!
Всѣ полны рвенія и жажды грозныхъ боевъ;
Въ нихъ зришь и брашскій кругъ и доблестныхъ героевъ.
Плещеевъ ихъ ведетъ, любимый славы сынъ.
Ужь кудри черныя исполнились сѣдинъ,

И зрѣлось на челѣ лѣтъ позднихъ приближенье;
Но въ сердцѣ тотъ же огнь, то жъ юности кипѣнье,
И тотъ же быстрый взглядъ, и та же крѣпость силъ,
И также подвиги, какъ прежде, онъ любилъ.
Не родъ, иль почести, но доблесть и познанья,
Но славныя дѣла и брани испытанья
Ему начальствія вручили лестну власть.
Обѣтъ ихъ всѣхъ одинъ: иль побѣдить, иль пасть.
За ними въ слѣдъ течетъ, весь бронею блестящій,
Гагаринъ, славный мужъ, на приступы летящій
Средь копій, стрѣлъ и пуль съ безтрепетнымъ челомъ;
Хвостъ конскій въ завиткахъ игралъ надъ шишакомъ
И на широкія плеча внизъ опускался.
Сей Витязь весь огнемъ и мужествомъ казался.
Ему покорствуютъ избра́нный сонмъ людей,
Для коихъ все ничто: и рвы, и рядъ мечей,
И стѣны гордыя, и дивны укрѣпленья,
И нѣтъ врагамъ, отъ нихъ укрывшимся, спасенья.
Пото́мъ является, воспитанный въ бояхъ,
Хованской, грозный вождь, враговъ кичливыхъ страхъ,

Ему успѣха — брань, забава — трудъ военный.
Въ рукѣ его сверкалъ широкій мечь согбенный,
И ярый, гордый конь крупился, ржалъ подъ нимъ,
Изъ пламенныхъ ноздрей густой пущая дымъ.
Ему послѣдуютъ, его покорны волѣ,
Храбрѣйшіе мужи, взлелѣенные въ полѣ
Средь ратныхъ дѣлъ и битвъ, средь вьюгъ
и непогодъ.
Они, какъ яростный потокъ разлившихъ водъ,
Стремятся на враговъ, и нѣтъ для нихъ
преграды!
Иль, быстро вырвавшись изъ хитрыя засады,
Летятъ иль въ бокъ иль въ тылъ, и все пе-
редъ собой
Кладутъ мгновенно въ прахъ могучею рукой.
Потомъ текутъ имъ въ слѣдъ съ дружинами
своими,
Въ блестящихъ шишакахъ, подъ бронями
златыми,
Черкасской, Дмитріевъ, Мансуровъ, Левашовъ —
Всѣ мужи славные, каратели враговъ,
Всѣ остраго ума и мудрыхъ совѣщаній.
Они оплотъ — въ бѣдахъ, и мечь — въ лю-
тѣйшей брани.
Потомъ является Пожарскаго тамъ братъ.
Въ его веленіяхъ осадныхъ дѣлъ снарядъ.
Предъ нимъ и грозныя твердыни, укрѣпленья
Врагамъ кичащимся не подаютъ спасенья.
Онъ быстрою рукой смерть сыплетъ по
стѣнамъ;

Иль роетъ глубь земли, и рветъ ко облакамъ
И башни гордыя и холмы взгроможденны,
И зритъ передъ собой оплоты разрушенны.
Но что смущенное еще тамъ око зритъ?
Все премѣнилося, иной прияло видъ!
И панцырь, и шлемы, и пестры одѣянья,
И сбруя конская, и воиновъ взыванья —
Все кажетъ въ рати сей намъ чуждыхъ пришлецовъ!
То шумный, гровный строй Татарскихъ странъ сыновъ!
Какое дивное въ дѣяньяхъ измѣненье!
И тѣ, кто злобствуя, и смерть и разрушенье
Въ предѣлы нашихъ странъ вносили прежъ сего,
Теперь грядутъ на брань... куда? и за кого?
За Русскую жъ страну! о промыслъ Всемогущій,
И въ яростныхъ врагахъ защитниковъ дающій!
Кутумовъ ихъ ведетъ. Какой геройской видъ (4)!
Какое мужество въ очахъ его блеститъ!
Движенья грозныя являютъ пылкость рвенья
И жажду люпаго, кроваваго сраженья.

Пожарской, окруженъ дружиною своей,
На встрѣчу поспѣшалъ къ грядущей рати сей;
Притекъ — и громкое *ура* вдругъ раздалося,
И ехо звучное по рощамъ разнеслося.
Что чувствовалъ тогда безсмертный сей Герой,
Когда, въ сей славный часъ, онъ зрѣлъ передъ собой

Мужей отличныхъ сонмъ, созванныхъ ополченьемъ,
И старшихъ по лѣтамъ и родомъ и служеньемъ,
Веленія его готовыхъ исполнять?
Не волю ль Вышняго должны мы въ томъ познать?
Не промыслъ ли святой благаго Провидѣнья
Возмогъ духъ гордости, тщеславья и кичинья
Въ недменныхъ сихъ душахъ чудесно угасить,
И мысль во всѣхъ одну покорности вселить?
Такъ! Тотъ, Кѣмъ въ мірѣ семъ вся зиждется благая,
То возжелалъ явить, насъ гибнущихъ спасая!
Уже при радостныхъ, шумящихъ голосахъ,
Всѣ твои потекли въ шмочисленныхъ рядахъ.
Уже блестящій верхъ обители священной,
Гдѣ Сергій опочилъ, сверхъ рощи отдаленной,
Какъ гордый великанъ, прожественно возспалъ.
Лучь солнца на златыхъ крестахъ его игралъ
И яркимъ пламенемъ въ лазури отражался.
Звучащій благовѣстъ уныло раздавался
Въ безмолвныхъ сихъ мѣстахъ, и сей призывный гласъ
Вѣщалъ въ обители молитвъ вечернихъ часъ.
Всѣ, полны радости и чувствъ благоговѣнья,
Поспѣшнѣй потекли, являя пылкость рвенья.
Вдругъ слышатъ пѣніе протяжныхъ голосовъ,
Какъ хоръ таинственный невидимыхъ духовъ.

И ближе, ближе звукъ; и се предъ ихъ очами!
Предстали иноки, согбенны надъ клюками!
Власы сребристые и длинная брада,
И мрачный, тусклый взоръ, и древнія лѣта,
И блѣдность ветхихъ лицъ, знакъ строгихъ изнуреній,
Не міра жителей, а гробныхъ привидѣній
Являли въ старцахъ сихъ, ослабленныхъ тру-
домъ,
И тяжкимъ бдѣніемъ, и гибельнымъ постомъ.
Они, трепещущей и медленной стопою,
При тихомъ пѣніи, текли на встрѣчу къ
строю —
Достигли, и единъ отъ старцевъ сихъ вѣщалъ:
„О вы, кого Господь на брань святу воззвалъ,
Привѣтствуемъ мы васъ съ любовью и слезами!
Грядите, васъ здѣсь ждутъ; грядите въ слѣдъ
за нами!“
И съ словомъ симъ въ свой путь, обратною
стопой
Всѣ старцы потекли, сгибаясь надъ клюкой.
И то же раздалось отъ устъ ихъ пѣснопѣнье,
Молящее спасти край отчій Провидѣнье.
Въ глубокой тишинѣ, святой питая
страхъ,
Вожди и воины, съ смиреніемъ въ душахъ,
Во слѣдъ симъ инокамъ путь тихо устрояютъ,
И се обители стѣнъ мирныхъ достигаютъ.
Всѣ мнятъ, что иноки здѣсь строй остановятъ;

Но старцы вдаль текутъ. Ужь Троицкій посадъ
Остался позади, и скрылся за горою.
Вдругъ воинство все зритъ тамъ прямо предъ собою
Хоругви вѣющи, иконы и кресты,
И въ черныхъ мантіяхъ опшельниковъ ряды (1).
Всѣхъ взоръ на старцевъ сихъ приникнулъ съ удивленьемъ,
Всѣ, полны горнихъ думъ, съ душевнымъ умиленьемъ,
Текутъ, приближились, и стали въ стройный чинъ.
Вожди, сошедъ съ коней, оставя сонмъ дружинъ,
Спѣшатъ почтительно святынѣ поклониться,
И въ бранѣхъ Сильному смиренно помолиться.
Начальникъ братіи, съ слезами на очахъ,
Вѣщаетъ къ воинству въ привѣтныхъ сихъ словахъ:
„О вы, поборники и правды и закона,
Служители Христа, отечества и трона,
Грядите съ вѣрою! грядите на враговъ!
Да имя славное, наслѣдіе отцовъ,
Очистится чрезъ васъ отъ зла и поруганья!
Грядите! съ вами Богъ! грядите безъ роптанья
На тяжкій брани трудъ и страшный, грозный бой!
Спасать отечество есть долгъ для всѣхъ святой!
Повержете ль врага, мща всѣмъ намъ спасенья? —

Вы узрите отъ всѣхъ любовь, благодаренья!
Но лучшая для васъ награда въ небесахъ:
Тамъ, тамъ васъ ждетъ вѣнецъ по доблестных трудахъ!
Падете ль отъ меча, карая сопостата? . . .
Такъ, что же? наша жизнь, есть славная утрата,
И даръ священнѣйшій во благо отчихъ спранъ!
Но что глаголю я? нѣтъ! будетъ врагъ попранъ!
И нѣтъ ему нигдѣ ни мѣста, ни спасенья!
Господь предводитъ васъ! и злобныхъ ополченья,
Какъ слабый листъ отъ древъ, сжигаемый огнемъ,
Изчезнутъ предъ его разгнѣваннымъ лицемъ!
А ты, о славный мужъ, столь кротко предстоящій,
Пожарской! на челѣ знакъ мужества носящій!
Пріими довлѣющій отъ устъ моихъ привѣтъ:
Твой подвигъ доблестный во вѣки не умретъ:
Кто, презря и болѣзнь и тѣла уязвленье,
Грядетъ, какъ нѣкій богъ, враговъ на пораженье,
Того въ потомствѣ ждетъ безсмертія вѣнецъ,
И родъ его во вѣкъ благословитъ Творецъ.
И ты, судьбиною рожденный въ низкой долѣ,
Гордись удѣломъ симъ: ты тѣмъ знатнѣе болѣ!
Ничтожный именемъ и званіемъ простой,
Но духомъ воскрылясь на подвигъ столь святой,
Но первый пробудя народъ отъ усыпленья,

Ты, Мининъ, будешь ввѣкъ предметомъ уди-
вленья!
И память дѣлъ твоихъ, урокъ для всѣхъ вѣковъ,
Неизмѣняемо продлится въ родъ родовъ.
И вы, о витязи, столь славные породой,
Толико ревностно летящи за свободой
На жупелъ и огонь, на грозный рядъ мечей,
Да Царь благій небесъ десницею Своей
Жизнь вашу упасетъ въ часъ люты сѣчь
кровавыхъ!
Онъ, Онъ защитникъ вашъ, поборникъ вѣр-
ный правыхъ!
И такъ, о воинство! да снидетъ на тебя
Благословеніе всевышняго Царя!“ . . .
Онъ рекъ, и вземши крестъ, со взоромъ уми-
ленья,
Трикратныя воздвигъ ко рати осѣненья.
Въ безмолвной тишинѣ подвигся ратный строй,
И старецъ сей кропилъ его святой водой.
Потомъ всѣ иноки, стопой неудрученной,
Обратно потекли къ обители смиренной.
Пожарской, между тѣмъ, зря истощенье силъ
Сподвижниковъ своихъ, здѣсь путь остановилъ.
Мгновенно яркій огнь блеснулъ передъ ша-
трами,
И черный дымъ взвился густыми облаками.

Конецъ шестой Пѣсни.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Уже свѣтило дня съ лазуревыхъ небесъ
Катилось къ западу и крылося за лѣсъ.
Еще во станѣ шумъ и крики и взыванье
Будили ближнихъ рощь угрюмое молчанье,
И Ехо робкое, скитаясь по горамъ,
Стонало, вторило пужливо голосамъ.
Пожарской, чувствуя потребность размы-
шленья,
Отъ войска уклонясь, искалъ уединенья.
Сверкающій ручей и сѣнь густыхъ древесъ
Вниманье привлекли къ себѣ его очесъ.
Онъ сѣлъ, и на руку въ мечтаніяхъ склонился.
Вдругъ прямо передъ нимъ елень младый явился.
Какъ пѣна бѣлая поверхъ морскихъ валовъ,
Или чистѣйшій пухъ низпадшихъ вновь снѣ-
говъ,
Шерсть на хребтѣ его въ струяхъ перели-
валась;
Глава возвышенна прелестно украшалась
Златыми вѣтьвями крутыхъ, высокихъ рогъ;
Сребро же облекло его конечность ногъ.
Пожарской, зрѣлищемъ симъ дивнымъ изум-
ленный,

Встаетъ, и взявши въ длань свой крѣпкій лукъ, согбенный
Пернатую стрѣлу на тетиву пладетъ,
И правитъ звѣрю въ грудь, и быстро къ цѣли шлетъ;
Но звѣрь таинственный мгновенно отшатился,
Заржалъ, и далѣ въ путь неязвенный пустился.
Герой во слѣдъ ему свой устрояетъ бѣгъ;
Еще манитъ его надежда на успѣхъ.
Еще пустилъ стрѣлу, и третію за тою;
Но всѣ, какъ первая, пошли одной чредою!
Уже съ чела его ручьями потъ течетъ!
Уже ни въ тѣлѣ силъ, ни стрѣлъ въ колчанѣ нѣтъ!
Уже готовъ былъ пасть, ослаблый, изнуренный:
Какъ вдругъ натуры видъ является премѣнный!
Герой прервалъ свой бѣгъ, и въ мигъ изчезъ елень!
Тамъ гордыя древа, роскошно бросивъ сѣнь,
Въ невиданныхъ дотоль цвѣтахъ благоухали,
Иль зрѣлый уже плодъ на пищу предлагали!
И всюду слышался пернатыхъ гласъ пѣвцовъ,
Поющій радости и сладкую любовь.
Въ срединѣ жъ ровныя и злачныя долины,
Гдѣ роза, анемонъ, нарцисъ и бѣлы крины,
Сплетаясь межъ собой, пестрелися кругомъ,
И съ тиховѣющимъ играли вѣтеркомъ,

Какъ чаша полная, вода переливалась,
И Ѳеба розовымъ лучемъ вся озарялась.
Герой къ ней поспѣшалъ, и хладной мнилъ струей
Жаръ груди освѣжить пылающей своей:
Какъ вдругъ коварна хлябь подвиглась, встрепетала,
И ропщуща струя прочь далѣ побѣжала.
Въ одно мгновеніе, какъ мощною рукой,
Чудесно зданіе воздвиглось надъ водой:
То былъ обширный храмъ. Верхъ гордый и блестящій,
Какъ солнца полукругъ надъ облакомъ горящій,
Лучи златистые въ окрестность изливалъ.
Цвѣтной, хрустальной мостъ со брега на брегъ палъ,
И дѣвы юныя, игривою толпою,
Съ вѣнками на главахъ, касаясь чуть стопою,
Бѣгутъ при пѣніи туда, гдѣ былъ Герой,
И стали всѣ предъ нимъ, и рѣчью таковой
Привѣтствуютъ его съ улыбкою невинной:
„О ты, пришедшій къ намъ въ край дальный и пустынной,
Безвѣстныхъ Витязь странъ! куда, скажи, твой путь? . . .
Но ты усталъ; тебѣ потребно отдохнуть.
Приди, приди въ сей храмъ, стоящій предъ тобою!
Ты тамъ спокоишься, и хладною струею

Грудь пламенну свою, сколь хочешь, освѣжишь;
Но ты не внемлешь намъ! не внемлешь, и
молчишь!
Стоишь недвижимо! что такъ тебя смущаетъ!“
— „Но чей сей дивный храмъ?“ Герой ихъ
вопрошаетъ.
„Царица юная въ семъ зданіи живетъ,
Царица радости!“ — Герою былъ отвѣтъ:
„Приди, приди ты къ ней! всѣ грусти и
мученья,
Изчезнутъ близь нее, какъ ночи сновидѣнья!“
Герой колеблется, ступаетъ, и опять
Стопы свои стремитъ съ поспѣшностію вспять.
Но жаждой пламенной мучительно томимый,
Но въ крѣпкомъ мужествѣ ни чѣмъ необоримый,
Рѣшился, и идетъ; и мостъ ужь миновалъ!
И мостъ за нимъ изчезъ, какъ будто не бывалъ!
Герой вступаетъ въ храмъ — и что же предъ
очами
Представилось его? порфирными столпами
Вся внутренность была обставлена кругомъ,
И стѣны мраморны дышали подъ рѣзцомъ.
Въ срединѣ жъ зданія, изъ камней драго-
цѣнныхъ:
Смарагдовъ, яхонтовъ, чудесно съединенныхъ,
Игривая вода металась вверхъ струей,
И въ чашу падала блестящихъ хрусталей.
Немного далѣе: тамъ гордо возвышался

Богатый, пышный одръ, надъ коимъ про-
стирался
На яшмовыхъ столпахъ обширный балдахинъ;
Гдѣ злато и сребро, алмазы и рубинъ,
Роскошною рукой разсыпанны, сіяли,
И зрѣніе очей, плѣняя, ослѣпляли.
Герой приближился, и зритъ передъ собой,
На пышномъ семъ одрѣ, склоненную главой
Въ небрежной простотѣ на локоть обна-
женный,
Царицу юную. Безмолвный, изумленный,
Онъ быстрые шаги свои остановилъ.
Взоръ устремился къ ней, и неподвижимъ
былъ!
Какая красота! какое совершенство!
Въ очахъ красавицы таилось все блаженство.
Царица, съ кроткою улыбкой на устахъ,
Вѣщаетъ Вишнязю въ радушныхъ сихъ словахъ:
„О ты, безвѣстный гость! какой, скажи,
судьбою
Зашелъ въ сіи мѣста, владѣемыя мною?
Желанью ль слѣдуя, или неволей злой?
Кто ты? кто твой отецъ? куда стремишь
путь свой?
За чѣмъ? и изъ какой страны ты отдаленной?
Возсядь здѣсь близь меня, и рѣчью откро-
венной
Повѣдай мнѣ сіе, и тайны не скрывай!
Какъ другу страждущихъ безхитростно вѣщай.

Быть можетъ, ты въ лѣсахъ сихъ темныхъ заблудилоя,
Отсталъ отъ спутниковъ, бродилъ, и утомился —
Такъ, что же? отъ трудовъ ты здѣсь пріими покой!
Когда же отдохнешь, и въ путь восхощешь свой,
Я дамъ вожатая; ближайшими путями,
Сокрытыми отъ всѣхъ и глушью и лѣсами,
Онъ проведетъ тебя въ желанный сердцу край;
Надѣйся, и всего отъ дружбы ожидай.“
Герой, желаніе Царицы исполняя,
Возсѣлъ, и рѣчь свою почтительно склоняя,
Въ коротких все словахъ подробно объявилъ:
И какъ туда зашелъ, и кто такой онъ былъ;
И наконецъ сказалъ, что долгъ святый служенья
Зоветъ его на брань, зоветъ безъ замедленья.
„Ты ратовать идешь?“ Царица изрекла,
И злоба во очахъ ея видна была:
„О бѣдный человѣкъ! скажи, уже ли слава —
Сія губящая, хоть сладкая отрава —
Могла твой духъ и умъ собой воспламенить?
Уже ли жаждешь ты въ потомствѣ вѣчно жить?
Какая слѣпота! какое заблужденье!
Что слава, почести? — одно лишь обольщенье,
Ничтожная мечта и блескъ суетъ пустой!
Смотри: се, вешній мужъ съ поникшею главой,

Который съ юныхъ лѣтъ до позднія сѣдины
Бывъ жертвой зависти, гоненій злой судьбины,
Ко гробу взоръ вперилъ; внимай его ты стонъ:
„Увы! что наша жизнь? — минутный, слабый сонъ!“
И сей ничтожный сонъ, исполненный страданья,
Еще ли обращать въ безумныя желанья
Бездушныхъ почестей, а съ ними, и суетъ?
Что пользы отъ того? — могила все пожретъ!
И тотъ, кто громокъ былъ, сокрытый подъ землею,
Еще ли усладитъ шумящею молвою
Запертый смертію къ вниманію свой слухъ?
И самый идолъ сей — невѣрный часто другъ,
Быть можетъ, созоветъ на гробъ его безмолвный
И ложь и клевету, какъ мстящій врагъ и злобный!
Такъ, что жъ осталось намъ въ сей жизни пожелать? —
И менѣе заботъ, и менѣе страдать!
Повѣрь: оставь глупцамъ гоняться за мечтами,
Искать отличія, и вѣчно быть рабами —
Рабами подлыми пустыхъ, ничтожныхъ дѣлъ;
Ихъ осудилъ къ тому нещастный ихъ удѣлъ!
Оставь, и обратись къ безпечному покою!
Тамъ радости живутъ, хранимыя судьбою!
Тамъ щастіе во вѣкъ не знаетъ злыхъ препонъ!
Любить, любиму быть тамъ первый всѣмъ законъ!

И жизни путь твоей украсится цвѣтами!
И встрѣтишь смерть свою покойными очами!
Страшиться ли тому карающихъ Небесъ,
Кто не былъ никогда ни горести, ни слезъ
Причиною другимъ — столь часто произвольной?
Кто въ мирной тишинѣ, судьбой своей довольной,
Привыкъ любить людей какъ братьевъ, какъ родныхъ?
Мечь наказанія острится лишь на злыхъ!“
— „Но долгъ священнѣйшій отечества спасенья,“
Пожарской возразилъ: „не есть ли долгъ служенья?“

„*Отечество*? — увы! глупѣй что можетъ быть?
Вездѣ отечество, гдѣ намъ пріятно жить!
Не гордость ли одна сію любовь внушаетъ?
Не предразсудокъ ли твой разумъ омрачаетъ!
Привычка лишь влечетъ насъ къ родинѣ своей!
Разрушь ее, и ты, свободный отъ цѣпей,
Узришь тогда себя всея вселенной сыномъ;
Быть лучше мудрецомъ, чѣмъ глупымъ гражданиномъ.
Служить? — но за кого? не за толпу ль глупцовъ,
Или за собственныхъ, быть можетъ, злыхъ враговъ?
Гдѣ истина, скажи, законъ свой сохраняла?

Гдѣ зависть и вражда заслугъ не помрачала?
И тотъ, кто смерть встрѣчалъ за край родной въ бою,
Бѣжитъ, поруганный, склонить главу свою
Подъ сѣнь далекаго и чуждаго приюта!
Гдѣ жъ правда? гдѣ любовь? — награда: горесть люта!
Вотъ доблестнымъ глупцамъ разительный урокъ!
Его готовитъ всѣмъ всегда враждебный рокъ.
И такъ, забудь людей! забудь сей свѣтъ ничтожный!
Забудь и славы блескъ, столь пагубный и ложный!
Разрушь сомнѣнія, рожденныя мечтой!
Останься въ сихъ мѣстахъ! останься, будь со мной!
Здѣсь всѣ веселія, всѣ сердца услажденья
Твою украсятъ жизнь безъ бурь и возмущенья!
Ты будешь Божествомъ — вселенная твой храмъ!
Скажи, и все, твоимъ покорное словамъ,
Въ одно мгновеніе явится предъ тобою!
Ты будешь властвовать надъ самою судьбою,
И не узнаетъ ввѣкъ чело твое морщинъ!“
— „Но милая жена, но сынъ, мой юный сынъ,
Но кругъ друзей моихъ?“ — „какое заблужденье!
Помысли, призови на помощь разсужденье!
Ни слова ужь о томъ, что лютый смерти зѣвъ,
Всѣ жалобы твои и слезный токъ презрѣвъ,

Похититъ можетъ ихъ, какъ яростный губи-
тель,
Отъ сердца твоего въ могильную обитель —
Ни слова!... такъ судилъ превыспренній Тво-
рецъ!
И рано ль, поздно ли — смерть странствію
конецъ!
Но то себѣ представь, когда твоя супруга,
Ты въ коей зрѣть любилъ любовницу и друга,
Права супружнія другому подаритъ,
И ложе брачное измѣной осквернитъ!
Когда твой сынъ, иль дочь, взлелѣенны тобою,
За нѣжность всю твою холодною рукою
Уже безсильнаго и дряхлаго тебя
Ошвергнутъ, злобные, ругаясь, отъ себя!
Кто дастъ тебѣ пріютъ? кто дни твои спо-
коитъ?
Кто бѣдному тебѣ глаза на вѣкъ закроетъ,
И прахъ твой ороситъ горячею слезой?
Всѣ чужды! хладны всѣ, какъ камень гробовой!
Или друзья твои.... но гдѣ друзья прямые?
Любовь и дружество – лишь звуки словъ пустые!
Коль знатенъ, именитъ — то зависти пред-
метъ!
Коль бѣденъ, немощенъ — то въ мірѣ сердца
нѣтъ,
Которое бъ съ тобой твою судьбу дѣлило
И съ чувствомъ искреннимъ тебѣ въ отраду было!
Ты страждешь, мучишься, ліешь слезъ гор-
кихъ токъ;

Но къ страждущимъ еще люте́е злобный рокъ!
Вездѣ одна корысть — сей идолъ изваянный
Рукой преступною и кровью обліянный!
И ты, отверженный отъ братіи своей,
Какъ на брегу пустомъ, погибнешь межъ людей!
Вотъ жизни бѣдственной ужасная картина!
Вотъ обрекла къ чему васъ злобная судьбина!
О, лучше никогда не быть рожденну въ свѣтъ,
Или забыть его, гдѣ щастья сердцу нѣтъ!
Забудь, забудь его! и въ сей странѣ прелестной,
Сокрытой отъ всѣхъ, далекой, безъизвѣстной,
Ты рай себѣ найдешь въ объятіяхъ моихъ,
И не узнаешь ввѣкъ души страданій злыхъ!"
Герой въ глубокое мечтанье погрузился,
Боролся самъ съ собой, противился, клонился
И... уже длань свою къ Царицѣ простиралъ!
Вдругъ страшный, ярый громъ низпалъ и за-
звучалъ,
И пламя грозное отвсюду заблистало!
Царица, дѣвы, храмъ — все будто не бывало!
Кругомъ одинъ лишь лѣсъ, и мраченъ и дре-
мучь!
Лишь упренія звѣзда, сквозь грозныхъ, чер-
ныхъ тучь,
Какъ искра слабая, повременно мелькала!
Природа вся въ тиши таинственной молчала!
Пожарской въ трепетѣ, зря чудо надъ собой
Сидитъ на камени съ поникшею главой.
Раскаянье, тоска въ очахъ изображалась,

И возмущенная душа его терзалась.
„Гдѣ доблесть?“ мыслилъ онъ: „гдѣ сердца правота?
Гдѣ вѣры долгъ святой? гдѣ нравовъ чистота?
Увы, изчезло все! безумецъ, обольщенный
Мечтою ложною, и въ гибель вовлеченный,
Къ чему стремился я? чего, чего желалъ?
И такъ ли я къ себѣ довѣрье оправдалъ
Моихъ соотчичей, толико мнѣ любезныхъ,
И мной отринутыхъ, забытыхъ и презрѣнныхъ?
Гдѣ подвиги мои? гдѣ слава прежнихъ лѣтъ?
Гдѣ пламенной души священнѣйшій обѣтъ
Спасти отечество отъ золъ и поношенья,
Или, какъ жертвѣ пасть средь лютаго сраженья?

Гдѣ ты страдалица, мать Русскихъ городовъ,
Москва священная, добыча злыхъ враговъ?
Быть можетъ, не узрю верховъ твоихъ блестящихъ
И храмовъ, теремовъ, въ златыхъ лучахъ горящихъ!
Быть можетъ, въ сихъ мѣстахъ, безвѣстныхъ для людей,
Я буду пищею бродящихъ здѣсь звѣрей!“
Такъ сѣтовалъ Герой, въ мечтанья погруженный,
И взоръ кругомъ вращалъ, слезою омоченный —
Вездѣ лишь глушь и глушь, безмолвье, мракъ густой;

Но се, не вдалекѣ зритъ прямо предъ собой
Согбенна старика, о посохѣ бредуща,
И пѣснь хвалебную ко Господу поюща.
Герой за новую мечту то почиталъ;
Но старецъ подошелъ, и такъ къ нему вѣщалъ:
„О бѣдный человѣкъ! о жертва заблужденья!
Куда тебя влекли и духъ твой и сужденья?
Врагъ Бога и людей твой разумъ обольстилъ,
И ты, обманутый, уже погибшимъ былъ!
Я слышалъ, видѣлъ все; я былъ всему свидѣтель!..
О сколь къ тебѣ прещедръ и благостенъ Содѣтель!
Но время дорого; возстань, иди за мной!
Я выведу тебя ближайшею тропой!
Твой станъ не такъ далекъ, и утро чушь бѣлѣетъ;
Еще всѣ вои спятъ; ихъ сладкій сонъ лелѣетъ;
Ты будешь возвращенъ, невидимый никѣмъ,
И будетъ тайной то́, гдѣ былъ ты, и за чѣмъ.“
Подобно, какъ пловецъ, застигнутый грозою
Среди морскихъ пучинъ, покрытыхъ тмой ночною,
Мечтаетъ уже быть добычею валовъ —
И вдругъ тамъ зритъ вблизи чело родныхъ береговъ,
И яркой свѣтъ огней, горящихъ во спасенье:
Пожарской такъ, въ душѣ познавши упѣшенье,
Внималъ, приникнувши, симъ сладостнымъ словамъ!

Потóмъ встаетъ, и путь по старческимъ
стопамъ,
Полнъ вѣры и любви, безмолвно устрояетъ.
И старецъ рѣчь свою опять къ нему склоняетъ:
„Мой другъ! раскаянье есть Неба даръ святой!
Оно горячею, молитвенной слезой
Въ сей жизни бѣдственной кропитъ намъ путь
спасенья!
Гдѣ былъ, въ какой странѣ сынъ перспи,
прегрѣшенья
Безъ искушенія, и сердца золъ не зналъ?
Нигдѣ! но Царь небесъ намъ въ утѣшенье далъ
Посланника любви — на благость упованье!
Надѣйся — Онъ проститъ! неложное признанье
Да сниметъ черноту грѣховъ съ души твоей!
Будь добръ, будь церкви сынъ и родины своей!
Не вѣрь симъ пагубнымъ и ложнымъ умство-
ваньямъ —
Нещастныхъ мудрецовъ безумственнымъ меч-
таньямъ —
Что родина — ничто, что міръ — вездѣ
одинъ,
Что мудрый человѣкъ — повсюду гражданинъ!
Разрушь сію любовь, сіе души влеченье
Къ священной той странѣ, гдѣ ты познадъ
рожденье,
Гдѣ грудь ты матери нѣжнѣйшей принималъ,
Гдѣ ты, лелѣенный, въ утѣхахъ возрасталъ,
Гдѣ мило все тебѣ: и рощи, и долины,

И злачный брегъ рѣки, и горъ крутыхъ
стремнины,
Гдѣ сердце юное, способное любить,
Познало прелесть чувствъ — другимъ полез-
нымъ быть,
Разрушь, я говорю, и ярый духъ губитель
Возстанетъ надъ землей, всѣхъ бѣдствій по-
родитель!
Тогда погибнетъ все: и вѣра и законъ!
Вражда и ненависть безъ страха, безъ препонъ,
Повсюду смерть нося убійственной рукою,
Прольютъ слабѣйшихъ кровь обильною рѣкою!
Тогда прервется цѣпь всѣхъ нащихъ долж-
ностей,
Науки скроются отъ буйственныхъ людей!
Тогда отвергнетъ сынъ отца въ лѣтахъ пре-
клонныхъ,
Забудетъ брата братъ, друзей своихъ и кро-
ныхъ,
И міръ, исполненный всѣхъ лютыхъ бѣдъ и
золъ,
Преобразитъ себя въ плачевную юдоль!
Гражданство же, держа въ предѣлахъ долж-
ныхъ власти
Свободу нашихъ силъ, обуздываетъ страсти.
Не спорю прошивъ зла: оно есть между насъ;
Но зло не общее, не общій буйства гласъ!
Есть ненависть, вражда, коварство и хи-
щенье,

Забвеніе заслугъ, достоинства презрѣнье;
Но честный, мудрый мужъ, но добрый граж-
данинъ,
Все зло сіе презрѣвъ, до позднихъ лѣтъ единъ
Родной странѣ себя на службу посвящаетъ,
И щастливъ, если онъ ей благо доставляетъ!
Къ тому жъ и вѣры долгъ, сей долгъ любви
святой,
Небесной мудростью начертанный самой,
Не учитъ ли тебя сердечному смиренью,
Забвенію обидъ, безмолвному терпѣнью,
И всѣхъ враговъ твоихъ, какъ братію любить!
О, что сего святѣй, что краше можетъ быть!
Злодѣй не мщенія достоинъ — сожалѣнья!
Вотъ жизни правила! вотъ путь тебѣ спа-
сенья!
Иди, и знай, что тамъ, въ селеніяхъ небесъ,
Гдѣ нѣтъ ни злыхъ страстей, ни горести,
ни слезъ,
Награда за добро нетлѣнная витаетъ!
Здѣсь сѣмя брошенно, тамъ плодъ свой изра-
щаетъ!“
— „Кто ты, о мужъ святый?“ Пожарской
вопросилъ,
И съ робостью предъ нимъ чело свое склонилъ:
„Повѣдай мнѣ о томъ; да сердцемъ и устами
Благословлю тебя, и ввѣкъ почту мольбами!“
„Кто я, желаешь знать?“ сей старецъ рекъ
въ отвѣтъ:

„Но се уже востокъ въ румяный свѣтъ одѣтъ!
Здѣсь станъ твой; поспѣшай! вся спража въ усыпленьи —
Я Сергій!“... и Герой, въ безмолвномъ изумленьи
Повергшись долу ницъ, къ стопамъ его припалъ,
И мнилъ ихъ лобызать, и длани простиралъ;
Но старца болѣ нѣтъ! лишь свѣтлой полосою
Лежалъ воздушный путь высоко надъ землею.
Герой, въ смущеніи, съ растроганной душой,
Ко стану поспѣшалъ трепещущей стопой —
Пришелъ, незримъ никѣмъ, и, сномъ отягощенный,
Закрылъ свой слабый зракъ, слезою омоченный.

Конецъ седьмой Пѣсни.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

Уже по радужнымъ, безоблачнымъ путямъ,
Царь свѣта, давъ бразды ярящимся конямъ,
На высоту небесъ румяныхъ возносился;
Все ожило, и станъ военный пробудился.
Одинъ лишь Вождь покой въ объятьяхъ сна
вкушалъ.
Но Мининъ, полный думъ, къ нему въ шапперъ
предсталъ.
„Ты спишь?“ вѣщаетъ онъ: „силъ ратныхъ
предводитель,
Быть долженъ и отъ сна ихъ первой возбудитель;
Межъ тѣмъ уже весь станъ подвигся, восшумѣлъ,
И рѣзкій звукъ броней повсюду загремѣлъ.
Возстань, веди ихъ въ путь; къ походу все
готово!
Но наперед позволь сказать едино слово:
Не лучше ли тебѣ гонца къ Москвѣ послать?
Пусть онъ потщится тамъ, что нужно намъ,
узнать.
Что дѣлаетъ злой врагъ, въ какомъ онъ поло-
женьѣ,
Нейдетъ ли вновь къ нему изъ Польши вспо-
моженье?
Что Русскіе полки — каковъ ихъ въ брани духъ,

Въ раздорѣ ль межъ собой, иль держатъ брат-
скій кругъ?
Тогда откроется вѣрнѣй передъ тобою
Какъ нашу брань начать, какой идти стезею.
Предусмотрительность есть добрый другъ
вождей."
Покорный мудрости полезныхъ сихъ рѣчей,
Единаго отъ всѣхъ Пожарской избираетъ,
И въ должный путь къ Москвѣ поспѣшно от-
правляетъ.
Межъ тѣмъ военныхъ трубъ гремящій,
звучный гласъ
Похода возвѣстилъ полкамъ наставшій часъ.
Всѣ стройно двигнулись поспѣшными стопами,
И лѣсъ знаменъ завылъ надъ грозными рядами!
Ни мракъ сгущенныхъ тучь сводъ неба не
темнилъ,
Ни рѣзвый вѣтерокъ листа не шевелилъ.
Свѣтило дневное во всей красѣ сіяло,
И злачный долъ и холмъ лучами озлащало.
Казалось, ясный день по тверди голубой
Свой окончаетъ путь съ приятной тишиной.
Но се, далекихъ горъ верхъ гордый закурился,
И южный небосклонъ весь сумракомъ покрылся;
Еще минута, двѣ — и грозныхъ тучь чело
Багровыхъ рядъ бугровъ на небо вознесло.
Межъ тѣмъ, все паче тишь и въ рощахъ и
долинѣ!
Лишь вранъ, усѣвшійся скалъ голыхъ на вер-
шинѣ,

Смотря въ туманну даль докучливо кричалъ;
Лишь рѣзвый молній лучь изъ края въ край
леталъ,
И глухо слышалось тамъ грома грохотанье,
Какъ рощи трепетной въ день бурный завы-
ванье.
Померкъ смѣющейся природы свѣтлый видъ,
И будто пеленой былъ мрачною покрытъ!
Все въ мертвой тишинѣ таилось, и молчало,
И часа грозныхъ бурь пужливо ожидало. —
И вдругъ взвилася пыль клубящимся столбомъ,
Взревѣлъ ужасный вихрь, ударилъ ярый громъ,
И основаніе земли всей потреслося!
Широкою рѣкой вкругъ пламя разлилося,
И древній гордый боръ, склонясь на долъ,
завылъ!
Сгущенный ночи мракъ окрестность всю по-
крылъ!
И всюду слышались плачевныя стенанья,
Иль смерти яростной то́ были завыванья!
Древами, камнями покрылся рыхлый путь;
Ни воинъ двигнуться, ни конь не могъ ша-
гнуть!
Свирѣпый, страшный вихрь, какъ будто бы
руками,
Рвалъ копья и щиты и землю подъ ногами!
Дождь сливный, крупный градъ, смѣсившись
межъ собой,
Крутились и лились обильною рѣкой!

Весь строй недвижимъ сталъ, избитый, изумленный,
И, злобнымъ ужасомъ внутрь сердца пораженный,
Воззвалъ къ вождямъ своимъ въ сихъ ропщущихъ словахъ:
„Куда идти? нѣтъ силъ! тамъ смерть! тамъ грозный страхъ!
Тамъ насъ погибель ждетъ! знать суждено судьбами
Не намъ спасать Москву и въ бой вступать съ врагами.
Оставимъ подвигъ сей и замыслъ таковой!
Друзья! пойдемте вспять поспѣшною стопой!“
И строй готовъ ужь былъ мгновенно устремиться,
И въ бѣгство робкое постыдно обратиться.
Но вдругъ между рядовъ гласъ громкій зазвучалъ;
Ни самый вихрь его, ни громъ не заглушалъ!
Пожарской то гласилъ, съ подъятой вверхъ рукою,
И знакъ прещенія являлъ смятенну строю:
„Куда, о воины, стремитесь? и зачѣмъ?
Ни шагу! стой! крѣпись! пусть смерть и гибель всѣмъ!
Но благостенъ Творецъ; Онъ внемлетъ гласъ моленья —
И мы, здѣсь страждущи, свой узримъ часъ спасенья!“

И съ словомъ симъ съ коня на землю ставъ стопой,
Снимаетъ шлемъ съ главы почтительной рукой,
И съ теплой вѣрою ко Господу взываетъ:
„О Ты, Чья мощна длань все зиждетъ, управляетъ,
Предъ Кѣмъ обширный міръ и зданіе небесъ,
Отъ взора одного претительныхъ очесъ,
Въ ничто разрушится и въ прахъ преобразится,
Да благость вышняя Твоя теперь явится
Къ намъ, бѣдствующимъ здѣсь въ сей лютый, грозный часъ!
Услышь, молю, Отецъ! услышь мой скорбный гласъ!
Воззри, и виждь сіе всемѣстное смятенье!
Намъ гибель всѣмъ грозитъ! подай, подай спасенье!“
Герой умолкъ, и се, на Сѣверной странѣ
Вдругъ зрятъ всѣ всадника на скачущемъ конѣ.
Окрестъ его главы былъ солнца кругъ горящій;
Въ рукѣ жъ его сверкалъ широкій мечь блестящій,
Какъ пламя яркаго игривый, свѣтлый лучь.
Онъ правилъ прямо путь въ средину черныхъ тучь —
Притекъ, махнулъ мечемъ, и тучи встрепетали,
Всклубились, двигнулись, и быстро побѣжали!
Въ одно мгновеніе замолкнулъ грома трескъ,
И яркой молніи померкъ, сокрылся блескъ!
Еще ударъ, другой — и небо просіяло!
Не стало грозныхъ тучь, и всадника не стало!

Опять небесной сводъ разцвелъ въ красѣ своей!
И та же тишина средь горъ и средь полей!
Воздавъ Творцу мольбы съ сердечными слезами,
Всѣ двигнулись впередъ послушно за вождями.
И день тотъ миновалъ; и се уже другой
Клонился къ западу, когда передъ собой
Узрѣло воинство верхъ гордый и блестящій
Кремлевскихъ пышныхъ стѣнъ, въ златыхъ лучахъ горящій.
Всѣ, полны мрачныхъ думъ, съ слезами на очахъ,
Привѣтствуютъ Москву въ сихъ искреннихъ словахъ:
„О ты, царица, мать, отранъ Русскихъ украшенье,
Москва, престольный градъ, народовъ удивленье,
Привѣтствуемъ тебя, познавшая злой плѣнъ!
Да будетъ нашъ приходъ къ тебѣ благословенъ!
Да въ бранѣхъ сильный Богъ, невинныхъ защитель,
Преклонитъ взоръ къ тебѣ, и твой падетъ губитель!
Пожди, свободы часъ уже притекъ, насталъ,
И мечь изсунутый въ отмщенье заблисталъ!“
Такъ воины рекли, съ воздѣтыми руками,
И всѣ подвигнулись поспѣшными стопами,
Какъ волны быстрыя весной разлившихъ рѣкъ.
Но се ужь солнца свѣтъ на западѣ померкъ,
И западъ сумракомъ печальнымъ одѣвался;
Угрюмой ночи часъ съ безмолвьемъ приближался,

И горы дальныя покрылъ туманъ густой.
Еще пять верстъ пути лежало межъ Москвой
И грознымъ воинствомъ, пылавшимъ нетер-
пѣньемъ.
Пожарской, ратныхъ дѣлъ водимый разу-
мѣньемъ,
Походъ остановить приказъ немедля далъ,
А между тѣмъ гонца къ себѣ съ извѣстьемъ
ждалъ.
И вотъ сей посланный, въ пыли и утомленный,
Является къ нему въ шатеръ уединенный.
„Какую вѣсть несешь?“ Герой къ нему речетъ.
И посланный держалъ такой ему отвѣтъ:
— „Нещастная Москва въ развалинахъ ды-
мится;
Коварный сопостатъ въ стѣнахъ ея гнѣздится.
Хотя и потерпѣлъ онъ множество утратъ;
Но силами теперь и воинствомъ богатъ:
Сапега новыя доставилъ вспоможенья.
Дружины жъ Русскія, странъ многихъ опол-
ченья,
Пришедшія къ Москвѣ противъ враговъ на бой,
Не видя дружества, приязни межъ собой,
Ни пользы отъ трудовъ, ни должнаго успѣха,
(Вездѣ одинъ уронъ! вездѣ одна потѣха!)
Оставили свой станъ, и кто куда хотѣлъ,
Направили стопы въ обширный нашъ предѣлъ!
Одинъ лишь Трубецкой остался предъ стѣнами
Нещастныя Москвы съ немногими полками!

Но топъ же въ нихъ раздоръ, но топъ же духъ крамолъ,
Родитель погубный всѣхъ нашихъ люпыхъ золъ!
Развратъ всѣхъ обуялъ; и вѣры долгъ священный,
И клятвенный обѣтъ, отъ всѣхъ уже презрѣнны!
Для нихъ начальствія могущественна власть,
Ничто, какъ, мнятъ они, жестокость, иль напасть.
Ничтожная корысть и злобныя хищенья
Удерживаютъ ихъ однѣ отъ отступленья.
Заруцкій, люпый змѣй, начальникъ Козаковъ,
Не сынъ отечества, но тайный другъ враговъ,
Безумно ослѣпясь сіяніемъ короны,
Повсюду сѣялъ зло и ставилъ всѣмъ препоны.
Вступивъ съ Мариной въ бракъ, онъ чаялъ симъ путемъ
Вѣрнѣе досягнуть престола, чѣмъ мечемъ;
Но видя Русскихъ странъ возставше ополченье,
И хитрыхъ замысловъ своихъ уничтоженье,
И все разрушеннымъ, къ чему душей горѣлъ,
Бѣжалъ, и скрылъ себя Азійскихъ странъ въ предѣлъ.
Святитель Гермогенъ, страдалецъ сей почтенный (1),
Гонимый злобными, цѣпями удрученный,
Жизнь въ заточеніи мучительно скончалъ.

Напрасно надъ его главою мечь блисталъ!
Напрасно люпый врагъ всѣ истощалъ пре-
щенья,
Да властью онъ своей нарушитъ ополченья!
Сей старецъ отвѣчалъ съ неробкою душой:
„Благословляю всѣхъ на подвигъ сей святой!“
Межъ тѣмъ злой Сигизмундъ, коварствомъ
ухищренный,
И славолюбіемъ жестоко ослѣпленный,
Мечтая Русскихъ странъ владыкой грознымъ
быпь,
И власть руки своей повсюду наложитъ,
Воздвигъ несмѣтну рать на помощь осаж-
деннымъ
Соотчичамъ своимъ, еще непобѣжденнымъ.
Подобно, какъ весной во время талыхъ водъ,
Разливщись отъ снѣговъ, разрушивъ всякъ
оплотъ,
Свирѣпая рѣка въ долины выступаетъ,
Реветъ, и все съ собой, что встрѣтитъ,
увлекаетъ,
Такъ грозна рать сія, въ стремленіи своемъ,
Жжетъ нивы тучныя, иль топчетъ ихъ ко-
немъ.
Повсюду путь ея покрытъ опустошеньемъ,
Убійствомъ, грабежемъ, насильствомъ и хи-
щеньемъ!
Хоткѣвичь ей глава. Онъ спѣшною стопой
Ведетъ ее къ Москвѣ дорогою одной;

И завтра, можетъ быть, съ своими знаменами.

Явится рать сія предъ нашими стѣнами.“ (2)
Едва лишь рѣчь свою сей посланный скончалъ,
Мгновенно смутный шумъ во станѣ слышимъ сталъ.

„Что тамъ?“ Пожарской рекъ; но се уже толпою
Явились воины подъ бронею стальною.
„Кто вы? почто пришли?“ Герой ихъ вопросилъ.

„Нашъ вождь, Князь Трубецкой“ — такъ всякъ изъ нихъ гласилъ (3):
„Зоветъ тебя къ себѣ съ пришедшими полками
Стать въ таборѣ одномъ, и дружно вмѣстѣ съ нами
Идти противъ враговъ, и дать имъ люты бой.
Скажи, о храбрый вождь! какой отвѣтъ намъ твой?“

Пожарской отвѣчалъ: „скажите Трубецкому:
(Излишнія слова намъ тратить по пустому).
Я въ станъ къ нему нейду, хотя и старѣ онъ!
Что нужды до того; священнѣйшій законъ
Спасти отечество отъ бѣдъ и злыхъ мученій,
Дороже для меня всѣхъ личныхъ отношеній!
Скажу вамъ искренно: межъ вами лишь раздоръ,
Крамолы и вражда, и зависти укоръ!

Въ васъ нѣтъ любви прямой ; одинъ развратъ
владѣетъ
Сердцами вашими, и зло повсюду сѣетъ.
Васъ буйство ко всему преступному влечетъ;
Нещастный Ляпуновъ тому въ примѣръ идетъ.
Ни слова о себѣ ! боюсь за ополченье :
Быть можетъ , и оно познаетъ развращенье !
Быть можетъ . . . и тогда погибнетъ край
родной !
И слава Русская померкнетъ предъ Литвой !
И такъ, я все сказалъ ; идите къ Трубецкому,
Скажите вы ему , чтобъ гласу внявъ святому
Любви къ отечеству , раздоръ весь отложилъ,
И мнѣ сподвижникомъ во брани лютой былъ.
А вы , сражаяся какъ должно со врагами ,
Вы явитесь опять Отечества сынами.
Прошедшее ничто ; его не возвратить.
Заслугой новою все можно зло покрыть.
Раскаянье сердецъ такая жъ добродѣтель !
И кто между людей проступковъ несодѣтель?
Къ тому жъ припомните : Россія ваша мать !
Она питаетъ васъ ; ее ль не защищать ?
Когда же край родной познаетъ зло плѣненья,
Тогда не узрите и вы себѣ спасенья.
Ступайте ! ночь близка ! заутро трубный
глаєъ ,
Быть можетъ , воззоветъ противъ враговъ
всѣхъ насъ !“
По семъ пришедшіе поспѣшно обратились ,
И съ бранью шумною изъ стана удалились (4).

Межъ тѣмъ Князь Трубецкой, забавъ роскошный другъ,
На ложѣ возлежалъ въ кругу стоявшихъ слугъ
Подъ сѣнью пышнаго, богатаго намета,
И ждалъ чрезъ посланныхъ покорнаго отвѣта.
И се, уже они предстали предъ него.
„Какой, друзья, успѣхъ приказа моего?“
Князь вопрошаетъ ихъ съ улыбкою надменной:
„Пожарской будетъ ли ко мнѣ въ мой станъ военной?“

— „О, нѣтъ!“ ихъ былъ: „напрасенъ, тщетенъ трудъ!
Полки Пожарскаго къ тебѣ въ твой станъ нейдутъ!
И самъ сей гордый Князь предъ многими вождями
Честь нашу очернилъ поносными словами —
Онъ насъ отечества врагами называлъ!
Убійствомъ, грабежемъ, разбоемъ попрекалъ!
И будто черезъ насъ, и нашимъ нерадѣньемъ,
Крамольной завистью, враждами, развращеньемъ
Москва теперь въ плѣну, и всѣ надъ ней бѣды!
Какой укоръ для насъ! что злѣй сей клеветы?
Не мы ли, Князь, съ тобой во брани подвизались?
Не мы ли со врагомъ безтрепетно сражались?
Когда всѣ прочіе оставили сей градъ,
Бояся, можетъ быть, и боя и утратъ,
Не мы ль тогда одни остались съ тобою

Въ защиту странъ родныхъ предъ плѣнною
Москвою?
Но все сіе ничто; вотъ бѣдственный позоръ!
Пожарской рекъ еще, что любишь ты раз-
доръ!..“ (5).
„Довольно!“ Князь прервалъ со взоромъ разъ-
яреннымъ:
„Довольно! знаю все, какъ тварямъ, сполъ
презрѣннымъ,
За честь мою, мой самъ мнѣ должно отомстить!
Ступайте! одному теперь мнѣ нужно быть;
Уже и небеса ночною тмой покрылись!“
Когда же изъ шатра его всѣ удалились,
Тогда объялъ его, казалось, злобный духъ:
То мраченъ, недвижимъ, то вскакивалъ онъ
вдругъ,
И по шатру бродилъ прерывными шагами;
То, съ взоромъ плачущимъ, онь всплескивалъ
руками;
То къ персямъ трепетнымъ ихъ крѣпко при-
жималъ;
Боролся самъ съ собой, и тако размышлялъ:
„Вотъ честь искомая! вотъ славы достоянье!
Бояринъ, старшій вождь... и терпитъ по-
руганье (6)!
И отъ кого? — о, стыдъ! отъ младшаго во всемъ,
Которой, возгордясь въ безуміи своемъ,
Возмнилъ быть равенъ мнѣ, и дерскими словами
Ругаться надо мной, моими сѣдинами!

Могу ль я то снести? могу ли то забыть?
Въ презрѣньи Трубецкой не можетъ жизнь влачить!
Что скажутъ обо мнѣ? что сдѣлалось со мною?
Какой поносною и гнусной клеветою
Мою и честь и санъ повсюду очернятъ!
Того ли я искалъ? такихъ ли мнилъ наградъ?
Вотъ почесть лестная отечеству служенья!
Служи, кровь проливай, и жди лишь поношенья.
Къ тому же сей гордецъ, еще во юныхъ дняхъ (7),
Мечтаетъ о себѣ первѣйшимъ быть въ вождяхъ!
Мечтанье ложное!... Но если надъ врагами
Побѣду онъ возметъ коварными судьбами?
Кто знаетъ, можетъ быть, онъ въ гордости своей,
При глупой ревности къ нему его друзей,
Простретъ и далѣе преступное желанье?..
Нѣтъ, дерзкой юноша! готово наказанье!
Я знаю какъ тебя въ пути остановить!
Убійство чуждо мнѣ! убійцей подло быть!
Но способъ есть другой, и ты сіе познаешь,
Когда противъ враговъ бой лютый проиграешь!
Тогда, ты самъ собой во мнѣніи людей
Падешь, продерзостный, и съ гордостью своей!“
Такъ Трубецкой мечталъ, и сномъ отягощенный,
Закрылъ свой смутный зракъ, печалью омраченный.

И ночь сія прошла; и се румяный
свѣтъ
Авроры юныя на востокѣ ужь цвѣтетъ,
И улыбнулася печальная природа.
Вдругъ трубный громкій гласъ наставшаго
похода
Во станѣ дремлющемъ повсюду зазвучалъ!
И воинъ воспрянулъ, и бодрый конь заржалъ.
Полки, устроившись немедленно рядами,
Подвигнулись къ Москвѣ широкими стопами.
Уже сей древній градъ, престольный градъ
Царей,
Предсталъ предъ ратными въ обширности
своей.
Напрасно взоръ искалъ предѣла сей громады!
Тамъ храмы, терема, тамъ длинныя ограды
Сливалися вдали съ туманной синевой!
А здѣсь, надъ быстрою, прозрачною рѣкой,
Какъ гордый великанъ, Кремль дивный вели-
чался,
И златомъ блещущимъ торжественно вѣн-
чался.
Уже воители вступили за врата. . .
И что жъ представилось? повсюду пустота!
Повсюду мрачное, могильное молчанье!
Лишь изрѣдка неслось плачевное стенанье
Блуждающихъ гражданъ между пустыхъ домовъ!
Вездѣ одинъ лишь слѣдъ свирѣпства злыхъ
враговъ!

Тамъ отаи хищныхъ птицъ, не пуганныхъ рукою,
Летали, веселясь, иль жадно межъ собою
Дѣлили смрадной трупъ поверженныхъ людей!
А здѣсь, священный храмъ, безъ оконъ, безъ дверей,
Поруганный рукой безумныхъ сопостатовъ,
Вмѣщалъ въ себѣ приютъ ползущихъ змѣй и гадовъ!
Москва! Москва! скажи, что сдѣлалось съ тобой?
Какой враждебною, карательной судьбой
Твое величіе и слава помрачилась?
Куда дни свѣтлые, краса твоя сокрылась —
Когда передъ тобой и льдистый Океанъ,
И Обь и Енисей — весь край полночныхъ странъ,
И яростный Кавказъ, колѣна преклоняли,
И предъ владычицей своею трепетали?
Гдѣ время то, скажи, когда побѣдный строй,
Кипчатскія орды повергши предъ собой,
Велъ въ торжествѣ къ тебѣ Царей, Царицъ плѣненныхъ;
Когда изъ многихъ странъ, обширныхъ, отдаленныхъ,
Послы съ покорностью текли къ твоимъ стѣнамъ,
И дань богатую несли къ твоимъ стопамъ (8);
Когда Британія и Римъ превознесенный,

И Персскія страны, и Кесарь, столь над-
менный,
Искали дружесшва къ себѣ швоихъ сыновъ,
И блескомъ, пышностью лишь посланныхъ
даровъ,
Ревнуя межъ собой, старались отличиться?
О, сколь должна была собою ты гордиться!
И та ли ты теперь, столь чшимая врагомъ?
Гдѣ швой блестящій мечь? гдѣ тотъ могу-
щій громъ,
Которой поразилъ потомковъ Тамерлановъ,
И въ трепетѣ держалъ кичливыхъ Оттo-
мановъ?
Гдѣ длань та грозная, владычица племенъ,
Безстрашныхъ Рыцарей водившая во плѣнъ (9)?
Увы! померкъ твоей блескъ славы свѣтозарной!
Литовскихъ бѣдныхъ странъ пришелецъ злой,
коварной,
Въ минуту бѣдственныхъ раздоровъ и крамолъ,
Припекъ, какъ люшый змѣй, и швой поверглъ
престолъ!
Но есть защитникъ швой, и близокъ часъ
спасенья!
Пожди, и минется година золъ, терпѣнья!

Пожарской, всѣхъ впреди, съ нахмурен-
нымъ челомъ,
Казалося, ковалъ отмщенья ярый громъ.

Все войско въ тишинѣ, съ поникшею главою,
Текло ему во слѣдъ медлительной стопою,
И града бѣлаго подъ пышною стѣной,
Вблизи Арбатскихъ врать раскинуло станъ
свой (10).
Забывъ походъ и трудъ и силъ изнеможенье,
Всѣ дружно принялись устроить укрѣпленье.

Конецъ осьмой Пѣсни.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Уже румянный свѣтъ Аврориныхъ лучей
Полнеба осіялъ, и мракъ ночныхъ тѣней
Надъ дальною горой едва бѣгущій зрѣлся.
И се Кремлевскихъ стѣнъ верхъ гордый загорѣлся
Предъ солнцемъ утреннимъ; весь градъ возсталъ отъ сна,
И пробудилася печальна тишина.
Повсюду шумъ потекъ; но тотъ ли шумъ веселый
Когда окрестныхъ мѣстъ народъ, оставя селы,
Бѣжалъ другъ другу слѣдъ на торжища толпой,
Неся съ собой свой прудъ, иль въ пищу плодъ земной,
И пѣсни радости повсюду раздавались;
И всѣ въ безпечности покоемъ наслаждались?
Увы, теперь не то! лишь злобныхъ крикъ враговъ,
Съ Кремлевскихъ слышенъ стѣнъ, какъ люотый вой волковъ,
Попавшихъ дерзостно въ губящую засаду!
А здѣсь, какъ средь пустынь ведущія ограду,
Дружины Русскія скликались межъ собой!
Вездѣ лишь слышенъ стукъ по звонкой мостовой

Отрядовъ скачущихъ для строгаго надзора!
Какой плачевный видъ для сердца и для взора!
Пожарской опершись на свой булатной мечь
Казалось, размышлялъ, и ждалъ кровавыхъ
сѣчь.

Аврамій Палицынъ и Мининъ близь стояли,
И мрачныхъ, грозныхъ думъ его не прерывали.
Онъ наконецъ речетъ: „Друзья! коварный
врагъ
Москву цвѣтущую повергъ во плѣнъ и прахъ,
И сей священный градъ въ развалинахъ ды-
мится!
Но тщетенъ мечь его! но тщетно онъ гор-
дится!
Тамъ стѣны лишь однѣ; отечество все въ
насъ!
Мы живы, и готовъ отмщенья грозный часъ!
Пока еще цѣпей неволи нѣтъ позорной,
До тѣхъ Россія поръ пребудетъ ввѣкъ сво-
бодной!
Я жаждою горю летѣть въ кровавый бой!
Гдѣ грозна рать сія, воздвигнута Литвой?
Что медлитъ гордый вождь, Хоткѣвичь име-
нитый?“
Но се гонецъ, въ пыли и потомъ весь покрытый,
Предсталъ къ Пожарскому и такъ ему речетъ:
„Хоткѣвичь близь Москвы; смотри: се онъ
грядетъ!
Се лѣсъ его знаменъ тамъ вѣетъ надъ горою!

Я видѣлъ самъ его; подъ бронею златою
На пышущемъ конѣ онъ гордо разъѣзжалъ,
И знакъ рукой своей къ Москвѣ рѣкѣ давалъ.
Конечно, правитъ путь съ вершинъ горы Поклонной (1)
Туда, гдѣ храмъ стоитъ, зовомый, Обыденной (2)."
Едва сей посланный свою окончилъ рѣчь,
Въ рукѣ Пожарскаго блеснулъ мгновенно мечь.
„Друзья!" онъ возопилъ: „спѣшите ополчиться!
Уже къ намъ близокъ врагъ! пойдемъ, пойдемъ сразиться!"
Весь станъ при сихъ словахъ, какъ море, воскипѣлъ,
И звукъ оружія повсюду загремѣлъ.
Всѣ стали въ грозный строй. Пожарской на конѣ
Ведетъ полки свои поспѣшно къ той странѣ,
Гдѣ быстрая рѣка полкруга образуетъ,
И пышный монастырь въ водахъ своихъ рисуетъ (3),
Да пресѣчетъ врагу открытый тамо путь,
И до Кремля не дастъ по брегу досягнуть.
Межъ тѣмъ несмѣтное Литовцевъ ополченье,
Презрѣвъ овраги, рвы и быстрыхъ водъ стремленье,
Все бросилося вплавь, и берегъ застоналъ!
Хоткѣвичь, всѣхъ впреди, походомъ управлялъ,

И первый съ гордостью, неробкою стопою,
На сушу вывелъ рать отважно за собою.
Сколь храбръ, неустрашимъ, столь многихъ
и вождей
Считалъ въ полкахъ своихъ подъ властью онъ
своей:
Свентецкій, Бугославчь, Загорскій и Снядецкій
И съ ними яростный, безтрепетный Хлопец-
кій (4);
Всѣ мужи славные, испытанны въ бояхъ,
Для коихъ смерть ничто, и чуждъ, незнаемъ
страхъ (5)!
Всѣ жаждутъ въ бой летѣть, всѣ къ подви-
гамъ стремятся,
И громкой почестью себя украсить льстятся.
Уже Пожарской Князь оставилъ за собой
Арбатъ, Пречистенку, и свой устроилъ строй
Отъ берега Москвы до берега другаго (6),
Какъ вдругъ гонецъ бѣжитъ отъ Князя Тру-
бецкаго
Съ прошеньемъ помощи ему на случай дать,
Да съ боку надъ врагомъ онъ будетъ промы-
шлять (7).
Герой, чуждаяся въ душѣ своей сомнѣнья,
И злобнаго посмичь немогши ухищренья,
Изъ войска своего пять сотенъ конныхъ далъ;
Межъ тѣмъ изъ строя въ строй скакать онъ
продолжалъ.
Какой Геройской видъ! какая величавость!

Во взорахъ пламенныхъ сіяла грозна радость!
Въ рукѣ жъ его сверкалъ булатный, острый
мечь,
И черный конскій хвостъ вился созади плечь.
Все войско въ тишинѣ Героемъ любовалось,
И, смерти страхъ забывъ, безпечно наслаждалось.
Но се, уже приспѣлъ и грозный битвы
часъ; (8).
Герой предъ войскомъ сталъ, и такъ возвысилъ
силъ гласъ:
„Друзья! соотчичи! притекъ нынъ день щастливый,
Когда познаетъ врагъ, столь злобный, горделивый,
Отмщенье грозное карательной руки;
Мужайтеся, и въ прахъ падутъ его полки!
Не вы ль за родину святую ополчились,
За вѣру, за законъ ко брани устремились?
Не вы ли поклялись надъ прахами отцовъ
Имъ въ жертву принести свою послѣдню
кровь?
Не вы ли слезный токъ, рыдая, проливали,
Когда о бѣдствіяхъ отечества внимали?
Уже ль забудете священный вашъ обѣтъ
Тогда, какъ долгъ всѣхъ насъ рѣшительно
зоветъ
Иль пасть, иль побѣдить, и грозными мечами
Честь нашу возвратить, попранную врагами?

Смотрите: тамо Кремль — престолъ и домъ
Царей,
Съ вершины гордыя поруганной своей,
Взираетъ къ вамъ, друзья, и пребуетъ отмщенья!
Умремъ, коль рокъ велитъ; нѣтъ мертвымъ посрамленья!
Но что вѣщаю я? Всесильный Царъ небесъ
Преклонитъ благостный къ намъ взоръ Своихъ очесъ. . .
Мы страждемъ, бѣдствуемъ, за вѣру поборая,
Мы жизни не щадимъ, отечество спасая;
Мы правы, и его отмщенья сильный громъ
Падетъ, губительный, надъ яростнымъ врагомъ!
Дерзайте, о друзья! да съ вѣрой въ Провидѣнье
Ударимъ на враговъ! погибель и отмщенье!“
— „Ура!“ по всѣмъ полкамъ отгрянулъ звучный гласъ:
„Отмщенье! смерть врагу! Господь предводитъ насъ!“
По сихъ словахъ весь строй поспѣшною стопою
На встрѣчу полетѣлъ ко вражескому строю.
Гремящій барабанъ и рѣзкій звукъ броней,
И трубъ военныхъ трескъ, и ржаніе коней,
И крики грозные немолчно раздавались,
И сердцу въ страшную гармонію сливались.

Хоткѣвичь, между тѣмъ, какъ ярый,
гладный волкъ,
Скакалъ и тамъ и здѣсь, и свой смѣшенный
полкъ
Спѣшилъ устроивать вдоль берега рядами,
И озирался вкругъ кровавыми очами,
И такъ ко воинству съ надменностью вѣщалъ:
„Друзья! сподвижники! се, славный день на-
сталъ,
Когда украсимся вновь славою блеспящей —
Всегда намъ вѣрною, повсюду насъ водящей!
Что значитъ рать сія ничтожная враговъ? —
Не рать — но скопище трусливыхъ пришле-
цовъ!
Пойдемъ! разсѣимъ ихъ! прогонимъ въ даль-
ны степи!
Или неволи злой наложимъ тяжки цѣпи!“
Вѣщалъ, махнулъ мечемъ, и вмигъ шумящій
строй
Пустился въ слѣдъ ему отважно въ люпый бой.
Какъ тучи грозныя, чреватыя громами,
Гонимы въ небесахъ противныхъ бурь кри-
лами,
Летятъ, сшибаются, другъ друга сильно
прутъ,
Льютъ рѣки огненны, колеблются, ревутъ,
И міру трепетну грозятъ опустошеньемъ:
Такъ оба воинства, пылая равнымъ рвеньемъ,
Уставивъ копій рядъ и остріе мечей,

При громѣ мѣдныхъ жерлъ, подъ блескомъ
опъ огней,
Сразились межъ собой, и все вкругъ задро-
жало,
Лѣсъ ближній заревѣлъ, и небо запылало!
Какое зрѣлище! какой ужасный видъ!
Тамъ мечь съ рукой, тамъ шлемъ раздро́блен-
ный лежитъ!
Тамъ всадникъ палъ съ коня, пронзенный
сквозь стрѣлами!
Тамъ стонетъ глухо конь подъ тяжкими сто-
пами;
А здѣсь, съ пылающимъ отъ ярости челомъ,
Стремится воинъ въ слѣдъ за раненнымъ
врагомъ,
И дланью досягнуть желая сопостата,
Становится на грудь поверженнаго брата.
Повсюду кровь течетъ шумящею рѣкой!
Смерть люта́я бѣжитъ, ярясь, изъ строя въ
строй,
И стелетъ ратниковъ вокругъ себя грядою!
Дымъ черный ввыспрь поплекъ, и будто пе-
леною
Поля воздушныя надъ войсками покрылъ,
И солнца яркій свѣтъ собою затемнилъ!
Казалось, мрачна ночь на небѣ воцарилась,
И торжествомъ своимъ надъ яснымъ днемъ
гордилась!
Лишь пламя бранное, летая тамъ и тамъ,

Сіяло, грозное, по шлемамъ и щипамъ!
Лишь слышенъ вопль и крикъ и стоны пора-
женныхъ,
И грохотъ мѣдныхъ жерлъ, къ убійству
устремленныхъ.
Какъ быстрая волна, сторонъ обѣихъ рать,
Иль двигнется впередъ, иль въ тылъ течетъ
опять!
То вдругъ утихнетъ все, то грянетъ съ но-
вымъ трескомъ!
То ляжетъ все во мракъ, то озарится блес-
комъ!
О вѣкъ, минувшій вѣкъ, покрытый вѣч-
ной тмой,
Къ тебѣ взываю я: раскройся предо мной!
Да громко возвѣщу, восторгомъ окриленной,
Героевъ подвиги во слухъ всея вселенной!
Гагаринъ, храбрый вождь, на правой
сторонѣ,
Сквозь копья, рядъ мечей, на яростномъ конѣ,
Врубился первый въ строй, и сильною рукою,
По грудамъ мертвыхъ тѣлъ, путь ширилъ
предъ собою.
Все падало предъ нимъ, иль обращалось въ бѣгъ;
Страхъ грозный обуялъ сердца Литовцевъ
всѣхъ!
Но се, мгновенно вождь, подъ бронею бле-
спящей,
Явился межъ толпы бѣгущей и шумящей.

„Куда, о робкіе?“ во гнѣвѣ онъ воззвалъ,
И блещущимъ мечемъ по воздуху махалъ:
„Гдѣ ваше мужество? о стыдъ! о поношенье!
Одинъ лишь дерзостный все гонитъ ополченье!
Смотрипие: — симъ мечемъ несу за васъ я
месть;
Паду, иль возвращу потерянну вамъ честь!“
То былъ Хлопецкій вождь, и съ словомъ симъ
стрѣлою
Пустился, пламенный, бія коня пятою;
Едва могъ слѣдовать за нимъ летящимъ глазъ!
Конь встрѣтился съ конемъ, и оба пали
въ разъ!
Герои, вставъ съ земли, еще съ люпѣйщимъ
жаромъ
Стопы свои стремятъ, и яростнымъ ударомъ
Разятъ другъ друга въ грудь, и яркій свѣта лучь
Отъ стали побѣжалъ, какъ блескъ громовыхъ
тучь!
Земля изрытая дрожитъ подъ ихъ ногами!
То ставятъ щитъ къ щиту, то грозными мечами
По шлемамъ пламень льютъ, и быстро вкругъ
блестятъ!
Гагаринъ, наконецъ, вонзаетъ свой булатъ
Въ плечо прошивника; кровь хлынула рѣкою!
Но врагъ, еще люпѣй, могучею рукою
Разитъ его во шлемъ, и шлемъ съ главы ниспалъ;
Но мечь надъ головой лишь только пробѣжалъ!
Уже, лишенны силъ, едва Вожди ступаютъ,

И рѣже мечь блеститъ, и рѣже поражаютъ;
Уже Сарматъ и Россъ на землю пасть готовъ:
Какъ скачетъ вдругъ толпа свирѣпая враговъ,
И храбрыхъ витязей мгновенно разлучаетъ,
Стремится далѣе, и бой возобновляетъ.

Хованской, между тѣмъ, съ дружиною своей,
На лѣвой сторонѣ, гдѣ смерть еще люпѣй
Рукой губительной несла опустошенья,
Стоялъ, какъ грозный мысъ средь бурныхъ водъ стремленья,
И мощной дланію Литовцевъ отражалъ.
Напрасно Бугославъ всѣ силы напрягалъ
Сломить сего вождя, и, гнѣвомъ распаленный,
Стремитъ въ Хованскаго свой дротикъ изощренный;
Ударъ ужаснѣйшій; щитъ твердый сквозь пробитъ,
И бокъ уязвленный весь кровію покрытъ.
Какъ левъ, невѣрною пораненный стрѣлою,
Яростся, и ловца въ тылъ гонитъ предъ собою:
Такъ Русской витязь сей, весь пламень, грозный гнѣвъ,
Отбросивъ гордо щитъ, и раны боль презрѣвъ,
Стремится ко врагу, и громко такъ взываетъ:
„Отмщу за честь мою; мнѣ мечь не измѣняетъ!“
И съ словомъ симъ ударъ удару шлетъ во слѣдъ,
И тамъ и здѣсь разитъ, повсюду смерть несетъ.
Уже не видитъ врагъ ни въ чемъ себѣ защиты,

И твердый шлемъ его и латы сквозь пробиты.
Еще ударъ, и мечь изъ рукъ врага упалъ!
И врагъ весь въ трепетѣ, израненный, бѣжалъ.

А тамъ, Загорскій вождь, съ отборною дружиной,
Всю ярость изощрялъ надъ Русскихъ войскъ срединой.
Толпа толпѣ во слѣдъ, одна другой люпѣй,
Стремились дерзостно на копья, рядъ мечей.
Какъ море бурное, изрытое буграми,
Колеблется, реветъ, и ярыми волнами
Въ прибрежный валъ твердынь, вздымаясь, злобно бьетъ;
Но валъ стоитъ, и водъ назадъ громады шлетъ:
Такъ Русскихъ строй Дворянъ, недвижимый, безстрашный,
Литовцевъ отражалъ напоръ въ бою ужасный,
И трупы мертвые клалъ грудой предъ собой.
Плещееевъ, храбрый вождь, могучею рукой,
Какъ горныхъ водъ потокъ, долинъ опустошенье,
Повсюду смерть носилъ и злобнымъ пораженье.

Пожарской, между тѣмъ, леталъ и здѣсь и тамъ —
Вездѣ, гдѣ только смерть являлася очамъ,
Вездѣ, гдѣ бой люпѣй свирѣпствовалъ межъ рапныхъ!

Подъ тучей пуль и стрѣлъ, сквозь рядъ мечей булатныхъ,
Какъ ярый богъ войны, враговъ онъ поражалъ,
И мѣрилъ взоромъ все, и всѣмъ распоряжалъ.
Повсюду Мининъ съ нимъ. Средь общаго смятенья,
Средь всѣхъ ужасовъ кроваваго сраженья,
Онъ хладенъ и рѣшимъ и дальновиденъ былъ (9),
Давалъ Вождю совѣтъ, и жизнь его хранилъ.
Но что тамъ зритъ мой взоръ? между рядовъ смѣшенныхъ,
Межъ тысячи мечей, къ убійству устремленныхъ,
Какъ будто осѣненъ незримою рукой,
Аврамій Палицынъ непрепетной стопой
Течетъ изъ края въ край, и молитъ рать борцевъ
Спасти отечество отъ яростныхъ Литовцевъ.
Уже свѣтило дня съ лазуревыхъ небесъ
Склонялось въ заревѣ за дальный, мрачный лѣсъ,
И войско Русское вдругъ стало колебаться;
Враги же злобные еще люттѣй стремятся.
Пожарской, гибель зря, возвысилъ голосъ свой:
Да рать вся спѣшится! и ярый, грозный бой
Еще ужаснѣе въ рядахъ возобновился;
Но врагъ потерь своихъ нимало не страшился;
Тамъ вмѣсто одного являлось десять вдругъ!

Казалось, поборалъ имъ злобный ада духъ!
Уже ослабщія Россійскихъ странъ дружины
Готовы были пасть подъ дланью злой судьбины. . .
Что жъ дѣлалъ Трубецкой? онъ на Донскихъ поляхъ
Спокойно пребывалъ тогда въ своихъ шатрахъ (10),
И видя Русскихъ войскъ въ бою изнеможенье,
Питалъ въ душѣ своей постыдно утѣшенье,
И мнилъ, что всѣ падутъ подъ вражеской рукой;
Столь подлой зависти покоренъ былъ душой!
Но сотни тѣ, что взялъ къ себѣ онъ предъ сраженьемъ,
Прещеніе его отвергнувши съ презрѣньемъ,
Пустились, грозныя, на бой прощивъ враговъ;
Туда же пошекли дружининъ, Межековъ,
Козловъ и Коломнинъ, Козацки Атаманы (11) —
И хищные враги, какъ плотоядны враны,
Разимые отъ нихъ, колеблются, бѣгутъ!
Все войско ожило, всѣ смерть и гибель шлютъ
Въ тылъ рати вражеской, спремящейся позорно!
Напрасно вождь ея противился упорно;
Напрасно удержать ее еще желалъ;
Все тщетно! грозный страхъ всѣхъ въ бѣгствѣ погонялъ!

Дружины Русскія, окончивъ пораженье,
Воздали Господу сердецъ благодаренье.
Наутро, солнца лучь когда едва блестѣлъ,
Хоткѣвичь рать свою опять на бой повелъ.
Межъ тѣмъ, какъ часть одна къ Москвѣ рѣкѣ спускалась,
Другая по горамъ на право простиралась (12).
Пожарской, видя то, подвинулся назадъ,
И сталъ близь берега, лѣсной гдѣ нынѣ рядъ (13).
Въ то время, какъ сей вождь готовился къ сраженью,
Возсталъ и Трубецкой; по вражьихъ войскъ движенью
Онъ могъ угадывать, что врагъ къ нему идетъ,
И что онъ въ таборахъ сраженья не минетъ.
Блестящею толпой отвсюду окруженный,
Красивъ и величавъ, и гордостью надменный,
На пышущимъ конѣ онъ тихо разъѣзжалъ,
И въ Лужникахъ большихъ со всею ратью сталъ (14).
Хоткѣвичь, между тѣмъ, отважно приближался —
И се, съ обѣихъ странъ предъ войскомъ показался.
Какъ тучи грозныя, одна другой во слѣдъ,
Текутъ, ширяются, и кроютъ солнца свѣтъ:
Такъ шумные полки несмѣтныхъ силъ Литовскихъ
Простерлись средь полей обширнѣйшихъ Московскихъ.

Вдругъ громы грянули, и воздухъ застоналъ!
Изъ края въ край полковъ огнь вспыхнулъ,
заблисталъ!
Все небо тучами багровыми покрылось,
И солнце, поблѣднѣвъ, во мракъ густой со-
крылось!
Вездѣ ярится смерть, и жадною рукой
Кладетъ, свирѣпая, тѣлъ груды за собой!
Повсюду крикъ и вопль, и раненныхъ стенанье,
И ржаніе коней, и воиновъ взыванье!
Черкасской яростный съ дружиною своей
Врубился первый въ строй средь копій и мечей,
И дланью моцною, громовой какъ стрѣлою,
Все рушилъ, поражалъ, и гналъ все предъ собою.
Во слѣдъ ему текли Мансуровъ, Левашовъ —
Два мужа славные, каратели враговъ,
И съ равнымъ рвеніемъ булатными мечами
Между Липовскими носили смерть рядами.
Вотще Свентецкій вождь бѣгущихъ собиралъ,
Вотще просилъ, грозилъ, и въ бой ихъ обращалъ;
Все устремилось вспять, ища себѣ спасенья!
Но сей безстрашный вождь, средь общаго
смятенья,
Скорѣе восхотѣлъ смерть лютую принять,
Чѣмъ мѣсто уступить, и со стыдомъ бѣжать.
Съ преломленнымъ мечемъ, съ открытою главою,
Еще боролся онъ съ побѣдною толпою;
Но палъ, какъ гордый дубъ съ вершины горъ
падетъ,

И за собой древа другія въ слѣдъ влечетъ.
Немного далѣе: съ мечемъ окровавленнымъ,
Съ брадой всклокоченной, со взоромъ разъяреннымъ,
Кутумовъ тамъ скакалъ, и въ вражескихъ рядахъ,
Какъ духъ губительный, носилъ и смерть и страхъ.
Хованской, между тѣмъ, отмщеніемъ пылая,
И люто́й раны боль во гнѣвѣ презирая,
Межъ смѣшенныхъ рядовъ Бугослача искалъ —
Увидѣлъ, закипѣлъ и съ яростью напалъ.
Напрасно копій рядъ и рядъ мечей блестящихъ
Возсталъ противъ него въ рукахъ враговъ грозящихъ;
Все тщетно! грозною, могучею рукой
Онъ рушитъ всякъ оплотъ мгновенно предъ собой,
И свой булатной мечь во грудь Вождя вонзаетъ,
И бездыханнаго на землю повергаетъ.
А тамъ, какъ ярый левъ межъ стаи робкихъ псовъ,
Плещеевъ, храбрый вождь, леталъ между враговъ,
И устилалъ свой путь бездушными тѣлами!
То поражалъ мечемъ, то конь топталъ ногами!
Но грозный смерти часъ ударилъ для него:
Стрѣла свиститъ, бьетъ въ грудь — и нѣтъ вождя сего!
Гагаринъ, зря сіе, весь яростью пылаетъ,

И къ Дмитріеву такъ, полнъ горести, вѣщаетъ:

„Мой другъ! Плещеевъ палъ! да остріемъ мечей
Пойдемъ отмстить врагу! пусть кровью онъ своей
Заплатитъ намъ за кровь храбрѣйшаго межъ нами!
Заплатитъ дорого, клянусь въ томъ Небесами!“
И съ словомъ симъ Вожди, опидавъ конямъ бразды,
Летятъ стремительно во вражески ряды,
И мощною рукой несутъ опустошенья,
И нѣтъ отъ нихъ врагамъ караемымъ спасенья.
Въ то время, какъ успѣхъ здѣсь лаврами вѣнчаль,
Хоткѣвичь за рѣкой, гдѣ Трубецкой стоялъ,
Терзалъ ряды полковъ, и кровью, какъ струями,
Багрилъ Донски поля, и мялъ все подъ ногами.
Пожарской, зря сіе, взялъ полкъ сторожевой,
И полетѣлъ туда, гдѣ былъ свирѣпѣй бой —
Притекъ; но въ тотъ же мигъ разимые врагами
Полки Козацкіе поспѣшными стопами,
Смѣшавшись межъ собой, ударилися въ бѣгъ.
Хоткѣвичь, съ радостью взирая на успѣхъ,
Еще къ Пожарскому отважнѣй устремился,

И смятъ его съ полкомъ въ душѣ надеждой
льстился.
Пожарской, какъ герой, какъ дивный полубогъ,
Какъ избавленія отечества залогъ,
Съ безтрепетнымъ челомъ Хоткѣвича встрѣ-
чаетъ,
И цѣлые ряды мгновенно повергаетъ!
Подобно, какъ скала, надежный стражъ бре-
говъ,
Смѣется ярости бунтующихъ валовъ,
И влагу пѣнную дробитъ вокругъ стопами:
Такимъ казался сей герой между врагами!
Онъ, въ грозномъ мужествѣ, могучею рукой
Разитъ, и въ прахъ кладетъ тѣлъ грудыпредъ собой!
Напрасно туча пуль и туча стрѣлъ перна-
тыхъ
Шумитъ надъ головой, и рядъ мечей подъя-
тыхъ
Ударъ губительной на грудь его стремитъ;
Сама страшится смерть, и далѣ прочь бѣ-
житъ.

Межъ тѣмъ Литовскихъ силъ другое от-
дѣленье
Направило свое отважное стремленье
Туда, гдѣ валъ укрѣпъ храмъ Божій окру-
жалъ (15),
И рать Козацкую немногую вмѣщалъ.
Какъ волки гладные, бѣгущіе ко стаду,

Ярятся, и летятъ съ размаху чрезъ ограду:
Такъ злобные враги, презрѣвъ и валъ и ровъ,
Вскакали дерзостно, и слабыхъ Козаковъ,
Какъ жертву мщенія, нещадно поразили,
И знамя Польское мгновенно водрузили.
Аврамій, зря сіе, въ душѣ вострепеталъ,
И въ таборъ къ Козакамъ немедля поспѣшалъ.
„Друзья!“ вѣщаетъ онъ: „къ чему сіе киченье,
Сей духъ крамолъ, вражды, и ратныхъ дѣлъ
презрѣнье?
Теперь ли время намъ считаться межъ со-
бой (16)?
Тогда, какъ Русскихъ кровь струится тамъ
рѣкой,
Вы здѣсь въ бездѣйствіи спокойными очами
Взираете на насъ, караемыхъ врагами!
И скоро, можетъ быть, строй Русской весь
падетъ,
И врагъ оставшихъ въ плѣнъ постыдно по-
влечетъ!
Чшо нужно вамъ, друзья? скажите безпри-
творно;
Быть лучше искреннимъ, чѣмъ мысль питать
позорно!
Не деньги ли? — казна обители святой
Вся вамъ принадлежитъ, клянуся въ томъ
душой (17)!
Возьмите! — лишь свое отечество спасите!
Тамъ знамя Польское воздвигнуто! — воззрите!

Туда, друзья мои! туда зоветъ васъ честь!
Летите, и врагамъ несите грозну месть!“
Вѣщалъ, и будто огнь всѣхъ души проникаетъ;
Восторгъ кипитъ въ сердцахъ, и гнѣвъ въ очахъ пылаетъ;
Всѣ вспрянули, текутъ, и старецъ имъ во слѣдъ
Благословеніе съ святой молитвой шлетъ.
О старецъ доблестный! упѣшься, гласъ нелестный
Моленья твоего идетъ въ чертогъ небесный!...
Какъ яростный потокъ, сервавшись съ высоты,
Стремится въ низкій долъ, и силой быстроты
Мгновенно предъ собой преграды разрушаетъ:
Такъ грозна рать сія къ укрѣпамъ притекаетъ...
Укрѣпы, рядъ мечей и пуль свинцовыхъ градъ —
Все тщетно! все ничто! отмстители летятъ,
Презрѣвъ и страхъ и смерть, — и все вдругъ побѣжало!
И знамя Польское къ стопамъ съ позоромъ пало!
Межъ тѣмъ все люта брань изъ края въ край текла,
И цѣлые ряды, то тамъ, то здѣсь, рвала.
Но се, мгновенно рать со берега крутаго
Стремится чрезъ рѣку до берега другаго —

То Мининъ строй дворянъ велъ быстро за
собой,
И въ бокъ притекъ врагамъ, и мощною рукой
Понесъ межъ ихъ полковъ повсюду пораженье.
Какъ ярый, лютый вихрь, въ губительномъ
стремленьѣ,
Падетъ на древній боръ, и боръ реветъ,
прещитъ,
И гордыхъ сосенъ рядъ исторгнутыхъ ле-
житъ:
Такимъ сей зрѣлся вождь, и съ нимъ сей строй
разящій (18) —
Не строй, но громъ небесъ, отмщеніе носящій!
При семъ Пожарской вдругъ всѣмъ войскамъ
повелѣлъ
Ударить на врага, и врагъ отопелъ!
Тѣснимый, смѣшанный, не зря себѣ спасенья,
Онъ въ бѣгъ ударился отъ грозна пораженья,
И стана своего за валъ крутой спѣшилъ,
И въ станѣ обрѣсти себѣ защиту мнилъ;
Все тщетно! валъ поникъ предъ Русскими
орлами,
И знамя Русское воздвиглось надъ шапрами!
Хоткѣвичь все забылъ, забылъ и честь и
стыдъ,
И побѣжалъ туда, гдѣ путь въ Литву лежитъ.
Еще карателя, пылая грознымъ мщеньемъ,
Желали вдаль летѣть за вражьимъ ополче-
ньемъ,

Но мудрый, храбрый Вождь то дѣлать во-
спретилъ,
И такъ ко воинству побѣдному гласилъ:
„*Друзья! двухъ радостей въ одинъ день не*
бываетъ!
Уже и безъ того врага страхъ погоняетъ (19).“

Конецъ девятой Пѣсни.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

Едва лишь солнца лучь наутро заблисталъ,
Хоткѣвичь отъ Москвы поспѣшно побѣжалъ
Безъ пушекъ, безъ знаменъ, съ разбитыми полками,
И устилалъ свой путь бездушными тѣлами.
Гдѣ воинство сіе? гдѣ рать богатырей,
Мечтавшихъ дерзостно въ надменности своей
Возстать владыками надъ Русскою страною? —
Ихъ кости гложетъ песъ! ихъ гордость подъ пятою!

Но, ахъ, не весь еще отверженъ былъ позоръ!
Еще врагъ оскорблялъ сыновъ Россіи взоръ,
Шатаясь на стѣнахъ Кремлевскихъ возвышенныхъ,
И отъ чела твердынь, отважно взгроможденныхъ,
Еще онъ бранію и смертію грозилъ,
И въ мужествѣ своемъ увѣренъ твердо былъ.
Напрасно предлагалъ Пожарской съ увѣщаньемъ
Къ стопамъ мечь положить, и ложнымъ упованьемъ
На щастливой успѣхъ свой разумъ не прельщать;

Напрасно! люпый врагъ дерзалъ лишь угро-
жать!
И мѣдныхъ жерлъ кругомъ обставившись рядами,
Ругался злобно онъ надъ Русскими полками.
Почто же не летятъ отважною стопой
На приступъ ко врагу, и мстящею рукой
Священный Кремль отъ рукъ злодѣевъ не спа-
саютъ?
Почто въ бездѣйствіи дружины пребываютъ?
Увы! Князь Трубецкой какъ будто возропталъ,
Зачѣмъ съ полкомъ своимъ противъ враговъ
воспалъ.
Забывъ и Русскихъ честь и бранные успѣхи,
Тщеславья жалкій рабъ, среди постыдной нѣги,
Не мыслилъ болѣ онъ о брани и дѣлахъ!
Полки жъ Пожарскаго, умаленны въ бояхъ,
Не въ силахъ были стать противъ укрѣпь вы-
сокихъ,
Обширныхъ, гордыхъ стѣнъ и водныхъ рвовъ
глубокихъ.

Часы крылатые невидимо летятъ,
Дни быстрые текутъ; дружины жъ все стоятъ!
И мѣсяцъ ужь прошелъ; и вопъ другій въ исходѣ:
Какъ пала грозна вѣсть въ смущеннымъ вдругъ
народѣ,
Что самъ злой Сигизмундъ, въ отмщеніе за
стыдъ,
Съ великимъ воинствомъ къ Москвѣ уже спѣ-
шитъ;

Чшо кровью поклялся онъ, клятвами богатый,
Загладить тяжкія Хопкѣвича утраты.
Но гордой Трубецкой сей вѣсти не внималъ,
И къ приступу спѣшить не мыслилъ, не мечталъ!

Аврамій Палицынъ, бѣды предвидя новы,
Рѣшился побѣдить вражды всѣ злобны ковы,
И къ Трубецкому въ станъ немедленно течетъ,
И такъ вождю сему безъ робости речетъ:
„Внемли словамъ моимъ нелестнымъ, непритворнымъ:
Я сердца не черню хотѣніемъ позорнымъ!
Одна лишь истина предметъ священный мой,
И истину пришекъ вѣщать я предъ тобой!
Я злобы не страшусь, и гнѣвъ твой, и прещенья,
Ничтожны для меня; страшусь лишь Провидѣнья!
И что осталось мнѣ въ преклонныхъ сихъ лѣтахъ?
Моя обитель — гробъ! надежда — въ небесахъ!
Отрекшись всѣхъ суетъ и міра обольщеній,
Чуждаяся страстей и злобныхъ искушеній,
Еще я жилъ, дышалъ любовію святой
Къ блаженству общему, попранну днесь войной,
И Неба не дѣлилъ съ отеческой страною!
Могу ли не вѣщать безстрашно предъ тобою,
Что ты, о гордый Князь! отечество забылъ,
И имя Трубецкихъ безчестьемъ очернилъ!

Къ чему сія вражда? сей злобный духъ киченья?
Уже ль милѣй тебѣ страны родной спасенья
Ничтожной гордости блескъ пышный, но пустой?...
Пожарской, ты речешь, почто передъ тобой,
Предъ старшимъ какъ вождемъ, главы не преклоняетъ,
И строгой должности порядокъ нарушаетъ?
А буйство, а развратъ, а хищность Козаковъ?
Ни слова, гордый Князь! — тамъ вопитъ Ляпуновъ!
Но пусть виновны мы, виновны ли другіе?
Виновна ли Москва? Се храмы, зри, святые,
Се Кремль съ возвышенной, блестящею главой,
Стоятъ поруганны разбойничьей рукой, —
Стоятъ, и требуютъ защиты и отмщенья!
А ты, полнъ гордыхъ думъ, преступнаго киченья,
На ложѣ возлежишь, и склабишь подло взоръ!
Уже ль душѣ твоей чуждъ совѣсти укоръ?
Скажи, съ какимъ челомъ предъ ликомъ ты священнымъ
Въ молитвахъ припадешь, и съ сердцемъ озлобленнымъ,
Возможешь ли Творца во благо умолять?
Скажи, какой рукой ты станешь прижимать
Жену и милыхъ чадъ къ груди своей коварной?
Страшись, отечества о сынъ неблагодарной!
Все чуждо для тебя! повсюду ты пришлецъ!

И мстителенъ къ тебѣ раздра́женный Творецъ!
И домъ твой — не приютъ! шамъ вопитъ
преступленье!
Ты жертва злой тоски! съ тобой все поно-
шенье!
Но что вѣщаю я? меня объемлетъ спрахъ!
Пойду! ещеестть намъ Заступникъ въ небесахъ!“
— „Постой, о мужъ святый!“ Князь Тру-
бецкой взываетъ,
И къ старческой рукѣ главу свою склоняетъ:
„Твой гласъ, священный гласъ, до сердца мнѣ
проникъ!
Я вижу днесь мой грѣхъ: онъ тяжекъ и великъ!
Иду, спѣшу на брань! да кровью и дѣлами
Заглажу свой позоръ, сражаясь со врагами!“
Наутро двигнулись со всѣхъ сторонъ
полки,
И протянулися отъ береговъ рѣки
Кругомъ обширныхъ спѣнъ и грозныхъ укрѣ-
пленій,
И ждали отъ вождей на приступъ повелѣній.
Межъ тѣмъ отважный Струсъ, то здѣсъ, то
тамъ бродилъ (1),
И къ бою рать свою устроивать спѣшилъ.
Вдругъ громы грянули, и башни потря-
слися!
Огни съ обѣихъ странъ, какъ молніи, зажглися,
И черный дымъ взвился надъ рапными сполъ-
бомъ!

Стенанье, вопль и крикъ неслись тогда кругомъ!
Пожарской, братъ Вождя губительной рукою
Свинцовый сыпалъ градъ, какъ тучу, предъ
собою,
И съ высоты укрѣпъ враговъ рядами рвалъ,
Иль стѣны ядрами разилъ и колебалъ.
Казалось, самый адъ разверзся подъ стопами,
И пышутъ небеса кровавыми огнями!
Пожарской, главный вождь, страхъ презря
смерти злой,
Вездѣ отважности примѣръ давалъ собой:
То робкихъ ободрялъ, то раннее стремленье
Удерживалъ другихъ, во благо и спасенье!
Гагаринъ дерзостный съ дружиною своей,
Подъ тучей пуль и стрѣлъ, средь тысячи
смертей,
Безстрашно бросился къ стѣнамъ Кремля вы-
сокимъ,
Стоящимъ по горѣ за воднымъ рвомъ глубо-
кимъ —
И ровъ за нимъ изчезъ! онъ мощною рукой
Вздымаетъ лѣстницу мгновенно предъ собой!
Сподвижники его, пылая равнымъ рвеньемъ,
Летятъ во слѣдъ ему къ врагамъ съ ожесто-
ченьемъ!
Щиты поверхъ главы, мечи устремлены,
И уже близъ зубцовъ высокія стѣны:
Какъ вдругъ шумящею, клокочущей рѣкою,

Смола, возженная злохитрою рукою,
Съ громадой твердыхъ тѣлъ стремится отъ
враговъ —
И пали лѣстницы со всею ратью въ ровъ!
Гагаринъ, невредимъ средь множества погиб-
шихъ,
За дерзкій подвигъ свой смерть люту полу-
чившихъ,
Встаетъ, и остальныхъ опять на бой зоветъ;
Но се, Пожарской Князь къ нему мгновенно
шлетъ
Съ приказомъ отступить; да храбростью
безплодной
Не рушится въ полкахъ войны порядокъ
должной.
Какъ къ стаду робкому пасущихся овецъ
Стремится ярый, левъ; но встрѣтивъ наконецъ
Стрегущихъ пастырей рядъ копій изощренный,
Реветъ, и тихо въ лѣсъ идетъ уединенный:
Таковъ Гагаринъ былъ; онъ медленной стопой
Въ обратный путь течетъ, и въ ярости рукой
Еще грозитъ врагамъ, сидящимъ за стѣнами,
И ставитъ рать свою съ другими въ рядъ
полками.
На лѣвой же странѣ у Воскресенскихъ вратъ,
Гдѣ съ чистой вѣрою сыны Россіи чтятъ
Ликъ Бога Матери, точащій изцѣленье (2),
Еще свирѣпѣе казалось тамъ боронье.

Ударъ удару въ слѣдъ, за громомъ громъ гре-
митъ,
И гордый верхъ стѣны весь трупами покрытъ!
Но врагъ безъ трепета смерть грозную встрѣ-
чаетъ,
И дланью мощною рать Русскихъ отражаетъ.
Напрасно, страхъ презрѣвъ, отважною стопой
Хованской, славный вождь, дружину велъ
на бой,
И тщился досягнуть верховъ стѣны зубчатой;
Все возвращалось вспять, и съ новою утратой.
Межъ тѣмъ Князь Трубецкой, презрѣвъ
и смерть и страхъ,
На пышущемъ конѣ леталъ въ своихъ полкахъ!
Съ челомъ безтрепетнымъ, подъ тучей пуль
свистящихъ,
Подъ блескомъ мѣдныхъ жерлъ, безъ умолку
гремящихъ,
Онъ воиновъ своихъ на приступъ ободрялъ,
И грознымъ мужествомъ ихъ души оживлялъ.
Вездѣ, гдѣ брань лютѣй, онъ тамъ всегда
являлся,
Искалъ опасностей, въ опасности кидался,
И жизни не щадилъ въ сей славный битвы часъ!
Повсюду слышался его призывный гласъ!
Повсюду мечь его, силъ вражескихъ каратель,
Блисталъ средь мглы густой, какъ славы
указатель!
Пылая рвеніемъ, неробкою стопой

Полки его текли во слѣдъ ему на бой.
Громъ пушекъ, ружей трескъ, на мигъ не умолкали;
И башни гордыя главами помовали.
Ужь стѣны кровію покрылися враговъ,
И Русскихъ храбрый строй уже близь ихъ верховъ:
Какъ вдругъ Никольскихъ вратъ затворы разрѣшились,
И злобные враги мгновенно устремились!
Толпа толпѣ во слѣдъ, волнуяся, текутъ,
И гибелью грозятъ, и смерть въ рукахъ несутъ.
Но храбрый Трубецкой, съ Козацкими полками,
Спѣшитъ на встрѣчу къ нимъ, и грозными мечами
Ихъ цѣлые ряды кладетъ къ своимъ стопамъ,
Тѣснитъ, и гонитъ всѣхъ обратно ко вратамъ.
Напрасно удержать враги его мечтали;
Влетѣлъ какъ ярый вихрь, и всѣ препоны пали!
Въ тожъ время самое, съ дружиною своей,
Хованской бьетъ врата, и рушитъ ихъ съ верей.
Всѣ, полны радости, отважными стопами,
Стремятся града внутрь за злобными врагами,
И груды мертвыхъ тѣлъ безчисленныхъ лежатъ;
Остатки же враговъ укрыться въ Кремль спѣшатъ (3).

Пожарской яростный, въ жару и испу-
пленьѣ,
Летитъ къ стѣнамъ Кремля, и кличетъ опол-
ченье:

„Сюда, друзья, за мной! сюда зоветъ васъ честь!
Несите на враговъ и смерть и огнь и месть!
Пусть все разрушится! пусть все падетъ
предъ нами!
Дерзайте! нѣтъ врагу спасенья за стѣнами!“
Межъ тѣмъ, какъ онъ взывалъ, блеснулъ
мгновенно свѣтъ;
Величаственна тѣнь съ высотъ небесъ течетъ,
И стала передъ нимъ, и такъ къ нему вѣщаетъ:
„Постой! куда тебя стремленье увлекаетъ,
О витязь дерзостный? здѣсь домъ Царей твоихъ!
Здѣсь въ храмахъ Божіихъ почіетъ прахъ
Святыхъ!
Смирися, гордый вождь, и сердцемъ и душою!
Не оскверни Святынь убійственной рукою!
Уже ль забылъ теперь, что́ прежде въ стра-
хѣ чтилъ?
Пусть злобные враги. . . знать такъ Творецъ
судилъ!
Но скоро, скоро часъ настанетъ избавленья —
Когда, безъ грознаго и люпаго сраженья,
Враги главы свои преклонятъ предъ тобой!
Надѣйся! Царь небесъ надъ Русскою страной!“
Смущенный, трепетный Пожарской вопро-
шаетъ:
— „Кто ты, священна тѣнь? кто мной по-
велеваетъ?“ —
„Я тотъ Великій Князь, что при Донскихъ
струяхъ

Полки Мамаевы повергъ, разсыпалъ въ прахъ!
Я градъ сей сорудилъ, отъ варваровъ забра́ло (4),
И славѣ Русскихъ странъ я первый далъ начало!“
Вѣщалъ, и къ небесамъ мгновенно воспарилъ.
Пожарской вспять потекъ, и рать остановилъ.
„Друзья!“ вѣщаетъ онъ: „сдержите жаръ спремленья!
Здѣсь тайна царствуетъ святаго Провидѣнья!“
По сихъ словахъ замолкъ повсюду брани громъ;
Лишь рать, блюдя врага, обстала Кремль кругомъ.

Когда затихнетъ все, и мѣсяцъ величавой
Возстанетъ въ сумракѣ надъ дальною дубравой,
И свѣтъ свой разольетъ въ померкшихъ небесахъ:
Тогда является на дремлющихъ стѣнахъ
Призра́къ ужаснѣйшій, со впалыми щеками,
Съ главой поникшею, чуть зрящими очами;
И бродитъ медленно невѣрною стопой
Изъ края въ край стѣны, отъ башни до другой!
И слышатся его печальныя стенанья,
Какъ жертвы лютаго, несноснаго страданья!
Казалось, самый адъ, воззря на ликъ его,
Смягчилъ бы ярость всю свирѣпства своего!
То былъ ужасный гладъ. Онъ жадными руками (5)
Искалъ умершихъ тѣлъ, гніющихъ за зубцами,

И воплемъ горестнымъ весь воздухъ напол-
нялъ:
„О Сигизмундъ! почто ты жалости не внялъ?
Почто оставилъ насъ въ семъ грозномъ за-
точеньѣ?
Спрашись, о гордый Царь! есть мститель —
Провидѣнье!“

Проходятъ дни, и се четвертый наступилъ,
И солнца юнаго лучь небо озарилъ:
Вдругъ знамя бѣлое воздвиглось надъ стѣною;
Врата отверзлися, и медленной стопою (6),
Печальны, трепетны, враги толпой идутъ,
И въ знакъ повинности мечи свои кладутъ.
Какой воспоргъ въ душахъ! какое восхищенье!
Дружины Русскія, воздавъ благодаренье
Творцу всевышнему, спасителю отъ бѣдъ,
Текутъ во внутрь Кремля вождямъ своимъ во
слѣдъ (7).
Но чтожъ представилось, увы, предъ ихъ
очами?
Тамъ храмы Божіи поруганны врагами!
Тамъ свѣтлый домъ Царей и пустъ и мраченъ
былъ!
Тамъ мертвыя тѣла изрыты изъ могилъ
Для утоленія мучительнаго глада;
Се звѣрства лютаго достойная награда!
Вожди немедля шлютъ гонцовъ по всѣмъ
градамъ,
Да съ чистой вѣрою явятъ ко Небесамъ

Сыны отечества за странъ родныхъ спасенье
Неложное сердецъ и дуть благодаренье;
Да спѣшной всѣ стопой въ престольный градъ
идутъ,
И на престолъ Царя согласно изберутъ.
И се, народъ течетъ шумящими толпами:
Бояре и Князья, владѣльцы надъ землями,
И Кремль едва ихъ могъ въ стѣнахъ своихъ
вмѣстить!
И судятъ, рядятъ всѣ, кому на Царствѣ
быть.
Аврамій Палицынъ, явясь среди народа,
Вѣщалъ: „Настала днесь желанная свобода!
Разбитый, злобный врагъ изъ Русскихъ странъ
бѣжитъ;
Побѣда жъ намъ покой и щастіе даритъ.
Друзья! намъ нуженъ Царь! да общими устами
Теперь мы изберемъ единаго надъ нами!
Я знаю, многіе, льстясь ложною мечтой,
Къ сей громкой почести взоръ устремляютъ
свой.
Гордясь имуществомъ и предками своими,
Безъ собственныхъ заслугъ, заслугами чужими
На Царственный престолъ мнятъ путь себѣ
открыть,
И духомъ бѣдные, въ вѣнцѣ кичатся быть.
Не польза общая, не чувство доброй славы;
Но роскошь, прихоти, ничтожныя забавы,
Но мысль позорная всѣхъ казнью устрашать,

Самимъ же гордецамъ безъ казни пребывать —
Вотъ мыслей ихъ предметъ! вотъ ихъ сер-
децъ желанья!
Прочь новыя бѣды и новыя страданья!
Намъ нуженъ тотъ въ Цари, кто искренней
душей
Чтитъ вѣру и законъ, и чуждъ всѣхъ злыхъ
страстей;
Кто благо общее всему предпочитаетъ,
И въ щастіи другихъ свое предполагаетъ;
Кто добръ, лишь для добра, не для молвы
пустой;
Кто любитъ истину, для истины самой —
И сей великій мужъ, друзья, теперь предъ
вами!
Вотъ онъ — Пожарской Князь! да судъ вы
дайте сами:
Не онъ ли жизнь свою всю службѣ посвятилъ,
Труды, опасности для васъ переносилъ?
Не онъ ли, ранами во брани уязвле́нный,
Возсталъ, забывъ болѣзнь, за отчій край
священный?
Не онъ ли, наконецъ, сей мощною рукой
Разсыпалъ въ прахъ полки Литовцевъ предъ
собой,
И спасъ отечество отъ бѣдствій и плѣненья?
Ему довлѣетъ честь! ему благодаренья!
Съ побѣдою вѣнецъ онъ вмѣстѣ получилъ;
Побѣдой же Творецъ его благословилъ!

О, кто противъ сего возстанетъ между нами?
Кто можетъ, дерзостный, идти въ споръ съ
Небесами?

И такъ, Соотчичи! долгъ за долгъ воздадимъ:
Да Царственный вѣнецъ украсится днесь имъ!“
— „Да будетъ онъ Царемъ!“ вдругъ звучны
восклицанья
Отвсюду понеслись, какъ грома грохотанья:
„Не нашъ, не нашъ то́ даръ! онъ самъ все
приобрелъ!
Онъ жизнь намъ возвратилъ! онъ спасъ род-
ной предѣлъ!“
По семъ, шумящею и радостной толпою,
Бояре и Князья, и всѣ шекупъ къ Герою,
И пали передъ нимъ, и молятъ восприять
Вѣнецъ отъ ихъ руки и Царствомъ управлять.
Спокоенъ, важенъ, тихъ, Пожарской къ нимъ
вѣщаетъ:
„Сіяніе вѣнца меня не ослѣпляетъ!
Я щастливъ, если могъ спасти свой край
родной;
Спасать же намъ его, есть долгъ всѣхъ насъ
святой!
Я славой не кичусь; но то́, что́ ощущаю,
На всѣ отличія и троны не смѣняю.
Богатый доблестью Пожарской гражданинъ,
Въ вѣнцѣ Царей своихъ — бѣднѣйшій властe-
линъ!

Съ вѣнцемъ теряю все! мой подвигъ и слу-
женья,
Тогда уже ничто, и нѣтъ мнѣ услажденья!
И такъ, о Граждане! совѣтъ пріймите мой,
Совѣтъ безхитростный: есть юноша младой,
Котораго судьба для трона сохранила.
Познайте вы Царя въ лицѣ днесь Михаила!
Романовъ родомъ онъ и родственникъ Ца-
рей (8).
Да пріймета онъ вѣнецъ ко благу всѣхъ людей!“
Вѣщалъ, и весь народъ, безмолвный, изумлен-
ный,
Вперилъ къ нему свой взоръ, слезою омоченный;
Пожарской Божествомъ казался имъ въ тотъ
часъ!
И вдругъ со всѣхъ сторонъ раздался звучный
гласъ:
„Великій, дивный мужъ! какое выраженье
Возможетъ изъяснить душъ нашихъ изу-
мленье?
Нѣтъ, нѣтъ! не смертный ты! ты выше
всѣхъ людей!
Отвергнуть тронъ, вѣнецъ, забыть всю
власть страстей —
Кто могъ бы то явить? кто могъ бы не
прельститься,
И трона властелинъ, отъ трона устраниться?
Желаніе жъ твое для насъ законъ святой!
Пусть будетъ Михаилъ, назначенный тобой,

Царемъ надъ Русскими великими странами!
Да родъ его во вѣкъ хранится Небесами!“

Таковъ совѣта былъ столь щастливый конецъ;
Казалось, благость всю явилъ тогда Творецъ
Съ восшествіемъ на тронъ младаго Михаила:
Вражда свой пламенникъ на вѣки потушила;
Любовью, вѣрою обставился престолъ;
Заря взошла отрадъ, година скрылась золъ.
Пожарской съ Мининымъ, примѣръ всея вселенной,
Стяжали доблестьми вѣнецъ себѣ нетлѣнной.
Аврамій же, любя безбурный, тихій кровъ,
Отвергнувъ почести, чуждаясь всѣхъ даровъ,
Въ обитель мирную, опять уединился,
И о странѣ родной ко Господу молился.

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПѢСНЬ I.

(1). Ударилъ колоколъ призывный, вечевой.

Во время Республиканскаго правленія въ Великомъ Новгородѣ народныя собранія назывались *Вечами.* Для повѣстки сихъ собраній употребляли тогда особенный колоколъ, который по сему и назывался *Вечевымъ.* Великій Князь Іоаннъ III Васильевичь, взявъ въ 1477 году Новгородъ, уничтожилъ Вечу, и сей славный колоколъ приказалъ отправить въ Москву. Авторъ позволяетъ себѣ думать, что вечевой колоколъ опять могъ быть въ употребленіи во время мятежей и междуцарствія. Къ тому жъ и все то, что только служитъ къ украшенію описываемаго предмета, есть уже позволительно въ Поезіи.

(2). Одоевской возсталъ . . . .

Бояринъ Князь Иванъ Никитичь Одоевской, бывшій въ то время въ Новгородѣ. Изъ Исторіи не льзя видѣть подлинно, имѣлъ ли тогда сей Бояринъ управленіе надъ Новогородскою областію, или токмо по случаю тамъ находился: ибо въ *лѣтописи о мятяжахъ* сказано только слѣдующее: *Въ Новѣ городѣ бывшу въ тѣ поры Боярину Князь Ивану Никити-*

чу Одоевскому, а Воеводѣ Василью Иваноеичу Бутурлину.“ А по сему, Гнъ Малиновской, въ своихъ біографическихъ свѣдѣніяхъ о Князѣ Пожарскомъ, несправедливо называетъ сего Боярина Воеводою.

(3). Ахъ, сколько видѣли злодѣевъ надъ собой.

Т. е. Самозванцевъ. Ихъ было счетомъ восемь, какъ то:

1). Разстрига, Гришка Отрепьевъ, внукъ Изамятни Отрепьева, жителя города Галича, и находившагося въ числѣ дѣтей Боярскихъ (*), былъ по крещенію нареченъ Яковомъ. Отецъ же его назывался Богданомъ. Сей самозванецъ, показавъ слишкомъ рано способности ума своего, былъ посланъ въ Москву для наученія грамотѣ. *Лѣтописи* говорятъ, что *грамота дадеся ему не отъ Бога, но дiаволу сосудъ учинися, и бысть зѣло грамотенъ.* Можетъ быть, увлекаемый симъ превосходствомъ предъ другими, и желая отличить себя на поприщѣ духовномъ, онъ постригся въ монашескій чинъ, и получилъ имя Григорья; но судьба приготовляла другое ему назначеніе. Шатаясь по разнымъ обителямъ, онъ влачилъ всюду съ собою развратъ, буйство и своеволіе; и наконецъ, странная и дерзкая мысль вскружила ему

(*) Дѣти Боярскіе были родъ конной Ландмилиціи. Они владѣли пожалованною каждому изъ нихъ частію земли, не платя при томъ никакихъ податей; но вмѣсто того, по наряду, долженствовали быть всегда готовыми на службу конную въ полномъ вооруженіи и съ запасомъ на цѣлое лѣто. Дѣтьми же Боярскими они назывались потому, что во время сраженія всегда были при Боярахъ, составляли ихъ стражу, и предъ глазами ихъ сражались.

голову, и онъ захотѣлъ назваться Царевичемъ Димитріемъ, сыномъ Царя Іоанна Грознаго, спасеннымъ будто бы отъ убіенія въ городѣ Угличѣ. Казалось, все споспѣшествовало ему въ семъ отважномъ предпріятіи: и невѣжество тогдашнихъ временъ, и довольно необыкновенное сходство, которае дала ему природа съ убіеннымъ Царевичемъ. Сей слухъ не замедлилъ дойдти до Царя Бориса, которой, вмѣсто того, чтобъ велѣть повѣсить, приказалъ сослать его для усмиренія въ Соловецкую обитель; но по глупости и оплошности другихъ, а можетъ быть, и по намѣренію, Гришка избѣжалъ сего заключенія, и удалился въ Польшу. Тамъ поселился онъ въ домѣ Пана Вишневецкаго, и разными хитростями умѣлъ увѣрить всѣхъ Поляковъ, что онъ есть истинный сынъ Царя Іоанна Грознаго. Вся Польша приняла въ семъ дѣлѣ живѣйшее участіе; но не по любви къ справедливости, а единственно по враждебному расположенію къ Россіи, которой при семъ случаѣ льстилась надеждою нанести жесточайшія раны, что и исполнила на самомъ дѣлѣ. Разстрига, получивъ себѣ въ спомоществованіе и деньги и войско, обѣщалъ за то Польшѣ, въ знакъ своей благодарности нѣсколько Россійскихъ областей, а Пану Мнишку, Воеводѣ Сендомирскому, какъ первѣйшему своему патрону и благодѣтелю, изъявилъ свое столь лестное намѣреніе — взять дочь его Панну Марину себѣ въ супруги. Донскіе Козаки также съ своей стороны не замедлили оказать ему свою помощь, единственно изъ мщенія къ Царю Борису, которой не любя ихъ своевольства и грабежей, и желая вездѣ водворить тишину и порядокъ,

приказывалъ поступашь съ ними не слишкомъ благосклоннымъ образомъ. Но какъ бы то ни было, Гришка умѣлъ обольстить и прочихъ, и даже вся Россія мнила видѣть въ семъ Разстригѣ истиннаго Царевича Димитрія. Все къ нему бѣжало и предавалось, и буйной мятежъ свирѣпствовалъ повсюду. Наконецъ, Царь Борисъ отравленъ ядомъ, все семейство его предано поруганію и убійству, и Разстрига въ богатой каретѣ, запряженной бѣлыми конями, вступилъ торжественно въ Москву. Но скоро открылось заблужденіе, и даже самые тѣ, которые знали сей обманъ, и споспѣшествовали къ Гришкину возвышенію, принуждены были раскаяваться въ своемъ намѣреніи. Поруганіе Святыни и храмовъ Божіихъ, неуваженіе отечественныхъ нравовъ и обычаевъ, развратъ, буйство и нечестіе поразило ужасомъ сердца всѣхъ добрыхъ и недобрыхъ, и все возстало на сокрушеніе сего тирана. Онъ палъ, и гнусный прахъ его, который конечно не могъ очиститься и отъ огня, сожженъ и развѣянъ по вѣтру.

2). Петрушка. Настоящее имя его *Илья Васильевской.* Сему злодѣю дали существованіе такіе жъ злодѣи, Терскіе Козаки, и назвали его Царевичемъ Петромъ, сыномъ Царя Ѳеодора Іоанновича. Повсюду, куда только сіи разбойники ни проникали, вездѣ оставляли слѣды неимовѣрной жестокости. Казалось, всего болѣе устремлялись они на пагубленіе Дворянъ. Князья: Черкасской, Буйносовъ, Тростенской, Долгорукой, Щербатой, Пріимковъ-Ростовской, Дворяне: Бушурлинъ, Плещеевъ, Измайловъ, Воейковы, Пушкинъ, Барятиневъ, Сабуровъ, и многіе другіе, преданы были ужаснымъ мученіямъ: ихъ вѣшали, рас-

пинали, топили, бросали съ верху башенъ, кололи, и все то надъ ними дѣлали, что только можетъ придумать самое ожесточенное звѣрство. Царь Василій Іоанновичь Шуйской, ополчась противъ сихъ враговъ, разбилъ Петрушку, взялъ его въ плѣнъ, и велѣлъ повѣсить.

3). Андрюшка Нагой. Кто такой, и откуда, не извѣстно. Исторія объ одномъ его только товарищѣ, Алешкѣ Рукинѣ, сохранила намъ память, что онъ былъ — Московской подъячій. Должно думать, что и Андрюшка Нагой былъ такого же разбора. Поляки, зная свое дѣло, не замедлили и сего самозванца подкрѣпить своимъ вспомоществованіемъ. Вмѣстѣ съ нимъ они также, какъ и Петрушка, производили ужасныя опустошенія и жестокости. Волненіе жъ умовъ было въ то время столь велико, что Россія, казалось, принимала тогда всѣхъ разбойниковъ съ отверстыми объятіями, и Андрюшка Нагой, вмѣстѣ съ Польскими войсками, не замедлилъ явиться предъ стѣнами Москвы. Его также называютъ *Воромъ Тушинскимъ*, по селу *Тушину*, находящемуся отъ Москвы въ 12 верстахъ, гдѣ онъ имѣлъ свой станъ, и куда стекались къ нему со всѣхъ сторонъ бродяги и предатели. Ето было въ царствованіе Царя Василья Іоанновича Шуйскаго, который, тщетно употребляя всѣ свои силы на пораженіе сего врага и Поляковъ, его помощниковъ, былъ наконецъ принужденъ оставить престолъ и насильственно постричься въ монахи. Тогда открылось со всѣмъ другое: Поляки недумали уже помогать Андрюшкѣ, имѣя единственно въ намѣреніи приобщить Россію къ владѣнію коварнаго Короля своего, Сигизмун-

да III. и умыслили предать смерти сего самозванца; но Андрюшка бѣжалъ, и скрылся въ Калужскіе предѣлы; но не могъ укрыться отъ судьбы, карающей злодѣянія. Онъ былъ убитъ Княземъ Урусовымъ.

4). Ѳедька. Кто такой, и откуда, также не извѣстно. Донскіе Козаки, которые производили съ нимъ ремесло свое, т. е. грабежъ и опустошенія, величали его Царевичемъ, сыномъ Царя Ѳеодора Іоанновича, и привезли его къ Андрюшкѣ, какъ племянника; но у злодѣевъ родства нѣтъ: Андрюшка тотчасъ велѣлъ предать его смерти, и тѣмъ кончилось небольшее поприще славныхъ подвиговъ сего новаго самозванца.

5). Осиновинъ. Сей называлъ себя сыномъ Царевича Іоанна.

6). Лавръ, или Лаврентій, назывался сыномъ Царя Ѳеодора Іоанновича.

7). Имя сего самозванца не извѣстно; именовалъ же онъ себя Августомъ, сыномъ Царя Іоанна Васильевича.

Сіи три самозванца возникли въ Астраханѣ. Донскіе Козаки, желая выслужиться у Андрюшки Нагова, Осиновина повѣсили на Волгѣ, а двухъ послѣднихъ привезли съ собою въ Тушино, гдѣ Андрюшка велѣлъ и сихъ послѣднихъ повѣсить.

8). Сидорка, дьяконъ Московской изъ за рѣки Яузы. Его называютъ *Псковскимъ воромъ*, потому, что онъ въ семъ городѣ распространилъ владычество свое подъ именемъ Царевича Димитрія; но наконецъ былъ схваченъ тамошнимъ Воеводою Княземъ Хованскимъ и Плещеевымъ и отправленъ скованной въ Москву, гдѣ, вѣроятно, получилъ себѣ достойное возмездіе.

(4). Борисъ вамъ, Шуйской вамъ тому въ примѣръ идетъ.

Здѣсь должно разумѣть не душевныя ихъ качества, или дѣла ихъ; но то состояніе, въ которомъ оба они родились: ибо рѣчь единственно идетъ о томъ, что сколь было бы опасно избрать въ Цари изъ числа гражданъ, неимѣющихъ на то законнаго права.

(5) Ісидоръ Іерархъ и власти съ нимъ идутъ
Отъ алтарей святыхъ съ иконой и крестами.

Благочестивые предки наши имѣли обыкновеніе во всѣхъ, хотя не много важныхъ, случаяхъ, прибѣгать всегда къ помощи Святыни, чему очень много примѣровъ въ нашей Исторіи. Приведемъ тому хотя одинъ. Вотъ подлинныя слова изъ лѣтописи о мятежахъ, касательно избранія на Царство Бориса Ѳеодоровича Годунова: „*Патріархъ Іовъ учини соборъ со всѣми властьми, и призвахъ себѣ Бояръ и всѣхъ православныхъ Христіянъ, и уговорися съ ними итти съ честными Крестъ и святыми Иконами и со всенароднымъ множествомъ въ Новодѣвичій Монастырь милости и спросити у Великой Государыни Александры, чтобъ имъ Государыня пожаловала дала на Царство брата своего Бориса Ѳеодороевича; и на сырной недѣлѣ во вторникъ взяша честные Кресты и святыя Иконы и образъ Пречистыя Богоматери Владимірскія, ея же написа Богогласный Евангелистъ Лука, и со всемъ множествомъ народа пріидоша въ Новой Монастырь дѣвичей и пѣша молебны, и молиша Царицу Александру на многъ часъ, дабы пожаловала дала на царство брата своего.*“

(6) Послы назначены; они, приявъ веленья,
Текутъ, покорные, въ Стокгольмъ безъ замедленья.

Новогородцы, сами ли по себѣ, или происками де-ла Гардія, начальствовавшаго тогда вспомогательнымъ Шведскимъ войскомъ, призваннымъ по найму Царемъ Васильемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ, отправили отъ себя пословъ предъ самымъ почти освобожденіемъ Москвы отъ Поляковъ къ Карлу IX. для испрошенія сына его Филиппа на престолъ Русскаго Государства. Карлъ былъ согласенъ; но требовалъ, чтобъ сей выборъ подтвержденъ былъ всѣми чинами Государства. Изъ Исторіи видно, что доблестный Князь Пожарской, истинный сынъ отечества, отвергнулъ съ презрѣніемъ сіе намѣреніе Новогородцевъ.

(7) Въ доспѣхахъ война, нося при бедрахъ мечь.

Хотя въ семъ посольствѣ главное лице игралъ Юрьевской Архимандритъ Никандръ; но Поема, не Исторія, и я не разсудилъ за благо посылать такъ далеко святаго отца для переговоровъ,

(8) Отъ струй Хвалынскихъ водъ. . . .

Т. е. Каспійскихъ. Въ старину сіе море называлось у насъ Хвалынскимъ.

(9) Рудольфъ и Сигизмундъ, ревнуя межъ собою,
Спремятся хитростно надъ Русскою страною
Иль брата своего, иль сына зрѣть Царемъ.

Рудольфъ II. Римской Императоръ. Іосифъ Грегорій, Имперскій Посланникъ, также предлагалъ Россіи избрать на Царство Ерц-Герцога Максимиліана, брата Цесаря; но Максимиліанъ отъ сего отказался, какъ и прежде сего отказался отъ Польской Короны. Рудольфъ, не отлагая своего намѣренія, продолжалъ съ Россіею свои переговоры касательно сего предмета въ пользу одного изъ своихъ племянниковъ.

Сигизмундъ III. Король Польскій. Сей злоковарной Государь, желая нанести Россіи смертоносныя раны, и отторгнуть отъ нее нѣсколько для себя областей, всѣми силами вспомоществовалъ Самозванцамъ; но видя ослабленіе Россіи, и успѣхи собственныхъ войскъ своихъ, онъ домогался о возведеніи на престолъ Русской сына своего Владислава, въ чемъ уже многіе и были согласны, и Владислава начали именовать Царемъ. Но не довольствуясь симъ, и простирая далѣе свои намѣренія, онъ возмечталъ покорить себѣ всю Россію, и присоединить ее къ своему Королевству.

(10) Твой сынъ же, Государь! повѣрь, намъ любъ и милъ.

Можетъ быть слово *любъ* нѣкоторымъ и не понравится; но я нарочно, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, употребилъ сіе старинное слово, желая по возможности сколько нибудь приближиться къ выраженіямъ того вѣка.

(11) Пусть будетъ онъ Царемъ и вождемъ нашимъ силъ.

Русскіе Великіе Князья, а потóмъ и Цари, имѣли обыкновеніе сами предводительствовать войсками, если имъ въ томъ что либо не препятствовало.

(12) Къ тому жъ и вѣры долгъ, есть долгъ для насъ священный.

Русскіе, какъ нынѣ, такъ и прежде, всегда были сáмымъ усерднымъ народомъ къ вѣрѣ и ко всякой святынѣ. Но за всемъ тѣмъ, терпимость различныхъ вѣроисповѣданій была главнѣйшею и отличительною чертою ихъ дрбраго сердца и характера. Межъ тѣмъ, какъ Италія, Франція, Гиспанія, Англія,

Германія, и почти вся Европа, за одно токмо несогласіе въ мнѣніяхъ, а часто и за различное толкованіе текстовъ Священнаго Писанія, повсюду проливали кровь рѣками, опустошали цѣлыя области, терзали, мучили, предавали другихъ всѣмъ возможнымъ истязаніямъ (*), между тѣмъ, говорю я, добродѣтельный житель Русскихъ странъ принималъ всякаго къ себѣ безъ различія, кто бы онъ ни былъ, Лютеранинъ ли, Кальвинистъ ли, и даже съ самимъ Татариномъ дѣлилъ дружелюбно свою хлѣбъ-соль.

(13) Есть Богъ для насъ земной. . . .

Рускіе, привыкши любить Царей своихъ, и по нынѣ называютъ ихъ богами земными. Ето не мое, но общее выраженіе.

(14) . . . . . и нашъ священный санъ.

Послы во всѣ времена и у всѣхъ народовъ почитались особами неприкосновенными.

(15) . . . . . и въ нѣгѣ утопалъ.

Конечно сія черта въ изображеніи Царя Іоанна Грознаго покажется нѣсколько новою; но тотъ, кто знаетъ, что сей Царь былъ женатъ на семи женахъ, и что многимъ отцамъ и мужьямъ подавалъ случай къ ропоту, попъ, безъ сомнѣнія, будетъ согласенъ со мною: ибо нѣга, есть неразлучная подруга любовныхъ наслажденій.

(*) Между безчисленными примѣрами жестокости гоненія за различное мнѣніе въ вѣрѣ, одна уже булла Инокентія VIII. доказываетъ, до какой степени простиралось сіе ненавистное ожесточеніе, и въ которой между прочимъ сказано: „Haeréticos armis insurgant, eosque velut aspides venenosos conculcent, et ad sanctam exterminationem adhibeant omnes conatus.“

(16) Межъ тѣмъ, какъ Ѳеодоръ звонилъ въ колокола.

Ето основывается на исторической истинѣ. Добродушный Царь Ѳеодоръ, въ прибавокъ ко многимъ ничтожнымъ своимъ занятіямъ, любилъ также иногда звонить въ колокола въ Чудовомъ Монастырѣ.

(17) И робкой Богомолъ, и дерзкой изувѣръ.

Многіе безъ всякаго различія полагаютъ за одно и *суевѣръ* и *изувѣръ*, понимая подъ симъ именемъ такого человѣка, который преданъ излишней и ложной набожности. (Superstitio). Но изувѣръ, по мнѣнію моему, есть тотъ, который, не уважая вѣры, пренебрегаетъ всѣ правила, предписываемыя ею. Даже самая Етимологія сего слова убѣждаетъ меня въ семъ предположеніи: ибо слово *изувѣръ* составлено изъ двухъ реченій, т. е. изъ предлога *изъ* и имя существительнаго *вѣра*, а по сему и обозначаетъ такого человѣка, который выходитъ *изъ вѣры вонъ*. Если не ошибаюсь, то и Гнъ Мерзляковъ, гдѣ то въ своихъ сочиненіяхъ, или переводахъ, помѣстилъ сіе слово точно въ такомъ же значеніи.

(18) Димитрій, братъ Царя, жизнь бѣдственно скончалъ.

Царевичь Димитрій Іоанновичь, сынъ Царя Іоанна Грознаго и родной братъ Царя Ѳеодора Іоанновича, находившійся тогда на удѣлѣ съ матерію своею въ городѣ Угличѣ. Будучи еще осьми лѣтъ, онъ безжалостно преданъ закланію злодѣями Волоховымъ, Битяговскимъ и Качаловымъ, людьми низкаго происхожденія. Современныя Лѣтописи и народное преданіе обвиняютъ еще и по нынѣ въ томъ Бориса Годунова. Святыя мощи сего Царевича опочиваютъ здѣсь въ Москвѣ въ Архангельскомъ Соборѣ.

(19) И такъ, съ кончиною Димитрія младаго,
Ужь болѣ не было преемника другаго
Престола Русскаго, и добрый Ѳеодоръ,
Чрезъ восемь лѣтъ потóмъ, закрылъ на вѣкъ свой взоръ.

Съ кончиною Царя Ѳеодора Іоанновича пресѣклось и Рюриково поколѣніе, владѣвшее въ Россіи 736 лѣтъ.

(20) Народъ, при вѣсти сей, со всѣхъ сторонъ толпами
Потекъ въ Престольный градъ поспѣшными стопами,
Для совѣщанія кого избрать Царемъ.

Вотъ подлинныя слова изъ *Лѣтописи о мятежахъ* о тогдашнемъ избраніи Царя на Царство: „*Царствующаго же града Москвы Бояре и все воинство, и всего Государства Московскаго всякіе люди ото всѣхъ градовъ и вѣсей сбирахуся людіе, и посылаху къ Москвѣ на избраніе Царское. Бояре же и воинство и вси людіе собирахуся къ Патріарху Іову, и моляху его, яко бы избрати на Царство. Патріархъ же и всѣ власти со всею землею совѣтоваевъ, и положа совѣтъ межъ собою, чтобъ посадити на Московское государстео Царя Ѳеодора Іоанновича Шурина, Бориса Ѳеодоровича Годунова, видяще его при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ праведное и крѣпкое правленіе къ земли и показавшаго къ людямъ ласку великую.*“ Здѣсь сочинитель *Лѣтописи*, сколько ни неблаговолитъ къ Борису Годунову; однако невольнымъ образомъ отдаетъ ему справедливость, и нигдѣ не говоритъ ни слова, чтобъ Годуновъ происками своими домогался до; обладанія престола, хотя послѣ и прибавляетъ, какъ обыкновенно то́ дѣлаютъ недоброжелатели, что *сердце его и мысль на то давно*

желаше; однако все ето не означаетъ никакого преступленія со стороны Бориса: ибо очень легко можно желать чего либо, и не быть преступникомъ. Борисъ, еще не вѣнчаясь Царскимъ вѣнцемъ, полетѣлъ съ многочисленнымъ войскомъ своимъ на отраженіе Крымскаго Хана, и однимъ только ополченіемъ привелъ его въ трепетъ и покорность. Послѣдствія же сего избранія видѣть можно изъ пятаго выше сего приведеннаго, примѣчанія и изъ самаго текста Поемы.

ПѢСНЬ II.

(1) Страны Персидскія, кичливой Оттоманъ,
Имперецъ и Сарматъ, Римлянинъ и Британъ
Предъ скипетромъ его главу свою склоняли,
И сильнаго Царя дарами ублажали.

Подъ симъ должно разумѣть иностранныхъ пословъ, которые въ различныя времена являлись къ Царю Борису съ богатыми дарами, какъ то: отъ славной Елизаветы, Королевы Англинской, отъ Климента VIII, Папы Римскаго, отъ Абасса, Шаха Персидскаго, отъ Римскаго Императора, отъ Оттоманской Порты, отъ Польскаго Короля, и отъ многихъ другихъ сосѣдственныхъ земель. Новогородскіе послы также могли бы нѣчто упомянуть Карлу IX и о Шведскомъ Королевичѣ Густавѣ, который за честь себѣ поставилъ служить въ повелѣніяхъ Царя Бориса, если бы не знали они, что неприлично напоминать другимъ о ихъ уничиженіи.

(2) Онъ новое вводилъ повсюду учрежденье.

Кромѣ того, что Царь Борисъ старался образовать войско свое на Европейской манеръ, и имѣлъ уже около себя регулярную гвардію, одно сіе доказываетъ его стараніе къ образованію и охоту къ улучшенію, что онъ хотѣлъ во всемъ Государствѣ обрить всѣмъ бороды, между тѣмъ какъ почти во всей Европѣ не знали еще сего обыкновенія.

(3) Ученыхъ собиралъ, и ихъ хранилъ покой.

Царь Борисъ, стараясь объ улучшеніи своего Государства, выписывалъ отвсюду съ великими издержками, какъ ученыхъ, такъ и всякаго разбора художниковъ и ремесленниковъ, также и молодыхъ Россіянъ отправлялъ въ чужіе краи, для наученія и собранія полезнѣйшихъ свѣденій. Дѣтямъ же своимъ далъ такое воспитаніе, которому и въ наши времена можно позавидовать.

(4) То троны раздавалъ, то въ плѣнъ водилъ Царей.

Царь Борисъ возвелъ на Царство Касимовское Урусъ Махмета, или, какъ называетъ *Лѣтопись* Бурмамета. Войско же его, разбивъ Сибирскаго Царя Кучума, возвратилось въ Москву съ нѣсколькими плѣнными Царицами и Царевичами.

(5) И Русская земля низъ края въ край покрылась Тѣлами мертвыми караемыхъ людей.

Сей ужасный гладъ начался съ 1601, и продолжался почти три года. Сперва шли проливные дожди, а потомъ ранній морозъ побилъ весь хлѣбъ, и уничтожилъ всю надежду земледѣльцевъ на пропитаніе. Лѣтописець, описывая тогдашнія бѣдствія народа, говоритъ, что *такая жъ бысть бѣда, что отцы дѣтей своихъ мѣтаху, и мужіе женъ*

своихъ метаху жъ, и мроша людіе, яко и въ прогнѣванія Божіи такъ не мроша въ повѣтріе моровое. Бысть же гладъ три годы. Царь же Борисъ, видя такое Божіе прогнѣваніе, повелѣ мертвыхъ людей погребати въ убогихъ домѣхъ *и учреди людей къ тому, кому бъ трупы сбирати.*

(6) Несчетны милости обильно изливалъ.

Царь Борисъ, кромѣ того, что повелѣлъ, какъ изъ Низовыхъ странъ, лежащихъ при Волгѣ, такъ и изъ сосѣдственныхъ Европейскихъ Государствъ, навести со всевозможною поспѣшностію множество хлѣба для продовольствія страдавшихъ тогда отъ глада областей, раздавалъ еще ежедневно неимовѣрное количество денегъ.

(7) Онъ строилъ зданія, града крѣпилъ оградой.

Царь Борисъ, желая соединить благодѣянія свои съ общественной пользою, завелъ повсюду государственныя работы, на границахъ Сибири выстроилъ и укрѣпилъ городъ Мангазею, а въ Москвѣ провелъ длинную стѣну около такъ называемаго Бѣлаго Города, гдѣ нынѣ простираются булевары, также воздвигнулъ и высокую колокольню *Иванъ Великой*, на которой, какъ на монументѣ Борисовыхъ благодѣяній и славы, сохраняется еще и по сіе время надпись его имени.

(8) За то злой карою Господь насъ посѣтилъ.

Въ старинномъ Лѣтописцѣ, которой, вмѣстѣ со многими любопытными и рѣдкими рукописями, во время нашествія Французовъ, у меня въ Москвѣ погибъ, между прочимъ сказано было, что Господь посѣтилъ насъ симъ бѣдствіемъ за то, что *Борисъ, въ киченіи гордости своей, хотѣлъ увѣдати всю*

Русскую землю и изобразить на малой хартіи всѣ рѣки и горы, коимъ нѣсть числа. Здѣсь должно разумѣть Географическую Ландкарту, которую Царь Борисъ, еще первый, приказалъ сдѣлать со всего государства.

(NB. Остатки сихъ рукописей, состоящіе въ одинадцати толстыхъ книгахъ, имѣлъ я щастіе не въ давнемъ времени представить отъ себя въ Библіотеку Архива Государственной Иностранной Коллегіи).

(9) Насъ Русскихъ приобщить къ его Липинску стаду.

Между прочими дерзкими обѣщаніями, Гришка Отрепьевъ также далъ слово Клименту VIII, Папѣ Римскому, ввести въ Россію Латинское Богослуженіе. Сего Папу несправедливо называютъ нѣкоторые наши Историки *седьмымъ*; ибо Климентъ VII. умеръ 26 Сентября 1534; Климентъ же VIII, преждебывшій Папскій Легатъ въ Польшѣ, гдѣ весьма много показалъ усердія къ Римско-Католической Религіи, былъ избранъ Папою 30 Января 1592, и управлялъ святымъ своимъ престоломъ по 5 Марта 1605. Сверхъ того замѣтно еще изъ иностранной Исторіи, что въ началѣ сего года Гришка Отрепьевъ присылалъ отъ себя двухъ духовныхъ особъ, для представленія своей покорности означенному Папѣ Клименту VIII, и для дальнѣйшихъ по сему переговоровъ.

(10) Дни друга своего пресѣкъ отравой злой.

Нѣкоторые думаютъ, что Царь Борисъ Ѳеодоровичь самъ себя отравилъ ядомъ, и что, по выходѣ изъ за спола, умеръ въ скоромъ времени. Весьма забавное мнѣніе! если бы Царь Борисъ предполагалъ самъ окончить жизнь свою; то конечно не для чего бы было

ему обѣдать, или ужинать. Другіе жъ, на противъ того, полагаютъ, и гораздо вѣроятнѣе, что Петръ Басмановъ, которой за мужественную оборону Новгорода-Сѣверска-го былъ возведенъ Борисомъ на первую степень почестей, отравилъ его ядомъ въ кушаньѣ: ибо по послѣдствіямъ оказалось, что онъ измѣнилъ и юному, нещастному Царю Ѳеодору, котораго столь щедро надѣлила Природа всѣми завидными дарами своими, и которой, казалось, единственно восшелъ на престолъ для того, чтобъ показать, что ни достоинства душевныя, ни умъ, ни доброта сердца — однимъ словомъ: ничто въ мірѣ не можетъ смягчить судьбу злую и коварную. Наконецъ Петръ Басмановъ былъ наперстникомъ Разстриги.

(11) Такъ кончилъ жизнь Борисъ. . . .

Царь Борисъ Ѳеодоровичь умеръ 5 Апрѣля 1604. Царствовалъ съ небольшимъ семь лѣтъ, и былъ погребенъ сперва въ Архангельскомъ соборѣ близъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, а потомъ прахъ его перемѣстили въ Варсонофьевской Монастырь, наконецъ въ Троицкую Сергіеву Обитель, гдѣ ничтожная и малая палатка скрываетъ тлѣнные остатки того, кто нѣкогда сіялъ величествомъ и славою. Несвѣдущій, или предубежденный путешественникъ, проходя мимо сего убогаго памятника, или не подозрѣваетъ, что тутъ истлѣваютъ кости великаго человѣка, или обременяетъ память его ненавистными проклятіями. О, какъ легко очернить имя того, надъ гробомъ котораго молчитъ беззащитное оправданіе!

(12) Семейство все Царя предалъ въ снѣдь злыхъ смертей.

Царица Марія, супруга Царя Бориса Ѳеодоровича, была удавлена, также и юный, прелестный Ѳеодоръ кончилъ жизнь свою бѣдственнымъ образомъ. Вотъ что въ *Лѣтописи о мятежахъ* сказано о ихъ смерти: „*Царицу жъ Марію тѣ убійцы удавиша того же часа; Царевича жъ* (тогда уже Царя) *многій часъ давиша, якожъ не по младости въ тѣ поры далъ ему Богъ мужество. Тѣ же ихъ злодѣи ужасошася, яко единъ съ четыръми боряшся.*‘ О прекрасной Ксеніи въ томъ же Лѣтописцѣ сказано только: „*Царевну же Ксенію постригоша и сослаша во Владиміръ въ Дѣвичій Монастырь.*“ Изъ чего заключить должно, не выдумано ли то постыдное приключеніе, будто бы случившееся со Ксенію, единственно злонамѣренными людьми изъ ненависти къ роду Годунова, которое повторяется нынѣ почти всѣми нашими Историками? Ибо не для чего бы было писателю *Лѣтописи о мятежахъ* умалчивать объ ономъ происшествіи — тѣмъ болѣе, что и самый сей писатель, какъ по замѣтно, нигдѣ неоказываетъ своего благоволенія Годунову. Къ тому же еще должно прибавить, до чего не простирается гнусное желаніе мщенія и злоба людей ожесточенныхъ, людей, незнающихъ ни совѣсти, ни справедливости, и коихъ желѣзныя сердца заклепаны неразрушимо для всѣхъ чувствованій добродѣтели! а между тѣмъ, обыкновенные Историки, сіи неугомонные будильники вѣковъ протекшихъ, и усердные крикуны прежнихъ лжей и напраслины, не думая ни мало о истинѣ, а можетъ быть, и насмѣхаясь надъ нею, повторяютъ одинъ за другимъ въ слѣдъ такія вещи, коими всякой благонамѣренной

человѣкъ долженъ гнушаться. Но думаютъ ли они объ ономъ? не знаю. Бѣдныя дѣти скупой для нихъ природы, и жалкіе рабы желанія авторской славы, они довольствуются тѣмъ, что пишутъ, и что бредни ихъ печатаютъ. Историкъ, по мнѣнію моему, долженъ быть столько же справедливъ, какъ и одинъ изъ семи Греческихъ мудрецовъ. Но ето, видно, не возможно, и Аристотель сказалъ весьма справедливо: Calamum in mente potius, quam in atramento tingendum est.

(13) Князь Шуйской всѣхъ впереди съ мечемъ и со крестомъ

Князь Василій Іоанновичь Шуйской, изъ поколѣнія Князей Суздальскихъ, раздраженъ будучи звѣрскими поступками Самозванца, и скорбя о бѣдствіяхъ своего отечества, рѣшился возстать на сего ненавистнаго тирана предъ самымъ почти тѣмъ временемъ, когда сей извергъ хотѣлъ сдѣлать ложное празднество, будто бы для изъявленіе радости по случаю женидьбы своей на Маринѣ, привлечь какъ Бояръ, такъ и весь народъ въ Кремль, и стрѣлять по нихъ изъ пушекъ. Князь Шуйской въ самую полночь созываетъ къ себѣ въ домъ нѣкоторыхъ Бояръ и чиновниковъ, извѣстныхъ по любви своей къ отечеству, также и вѣрныхъ своихъ служителей, говоритъ имъ о всѣхъ жестокостяхъ Самозванца и о предстоящей всѣмъ погибели, проситъ, убѣждаетъ, и всѣ единодушно поклялись: или отмстить, или умереть. Мгновенно по всему городу составились вооруженныя толпы народа, ударили въ набатъ, и всѣ спремглавъ устремились въ Кремль. Князь Шуйской, держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой мечь, первый отважно стремится къ

Красному Крыльцу, гдѣ Польская стража хотѣла еще противиться; но тщетно! она пала. Самозванецъ, предчувствуя грозную невзгоду, ищетъ спасенія своего въ бѣгствѣ, и бросается вонъ изъ окна; но поврежденная нога не позволяетъ ему бѣжать, и онъ попадается въ руки отмстителей. Напрасно хотѣлъ еще увѣрить, что онъ есть истинный сынъ Царя Іоанна грознаго. Является Царица Марѳа, и объявляетъ, что одинъ покмо страхъ смерти заставилъ ее признать его своимъ сыномъ. Мгновенно мечь поражаетъ злодѣя, и трупъ его, пролежавъ три дни на лобномъ мѣстѣ, былъ преданъ сожженію. Петръ Басмановъ, истинный другъ въ злодѣяніяхъ Самозванцу, также былъ убитъ, и раздѣлилъ съ нимъ обще позорное мѣсто.

(14) Марина же съ отцемъ чудесною судьбой
Средь общей гибели спаслась отъ смерти злой.

Они взяты были подъ стражу. При заключеніи мирнаго договора Царя Василья Іоанновича Шуйскаго съ Поляками Марина отправлена была опять въ Польшу, съ условіемъ, чтобъ не приставать къ *Тушинскому вору*; но для злодѣевъ нѣтъ ничего священнаго. Забывъ данное свое слово, она не преминула явиться къ сему Самозванцу, котораго потомъ величала прежнимъ своимъ супругомъ. Когда же сей Самозванецъ былъ убитъ, то она вышла за мужъ за Заруцкаго, и не переставала помышлять о будущемъ своемъ возвышеніи.

(15) Народъ, зря съ торжествомъ Отрепьева конецъ,
Мгновенно Шуйскому вручилъ Царей вѣнецъ.

Народъ и нѣсколько Бояръ, восхищенные симъ событіемъ, и видя столь славный под-

вигъ Князя Шуйскаго, на четвертый день, по убіеніи Разстриги нарекли сего Князя Царемъ на Русское Царство. Доблестный, храбрый, прямодушный, онъ обѣщалъ Россіи щастливые дни; но, будучи возведенъ на престолъ съ нѣкоторыми ограничиніями, онъ не могъ распоряжаться какъ бы того хотѣлъ, и сіи-то условія, быть можетъ, были главнѣйшею причиною, какъ его собственныхъ, такъ и всѣхъ послѣдующихъ бѣдствій отечества. Даже самая его клятва, при воспріятіи вѣнца Царскаго, не иное что было, какъ насиліе со стороны Бояръ. Напрасно здравомыслящіе граждане при семъ случаѣ хотѣли удержать его отъ сего условія, яко нарушающаго величіе Царскаго сана, и небывалаго въ Русской землѣ; но онъ былъ долженъ покориться необходимости. Многіе иолкуютъ о сей клятвѣ, и всякой по своему. Не считаю за нужное входить здѣсь съ ними въ споры и доказательства, зная, что человѣческому самолюбію всего дороже свои мнѣнія.

(16) И многихъ, такъ какъ онъ злодѣевъ породилъ.

Т. е. Самозванцевъ. Смотри первой пѣсни примѣчаніе третіе.

(17). Царь Шуйской все забылъ; лишь не забылъ любить!

Царь Василій Іоанновичь въ самое смутное время вступилъ въ супружество съ прекрасною Княжною Марьею Петровною Буйносовою, дочерью Боярина Князя Петра Ивановича Буйносова, и, казалось, съ симъ бракомъ забылъ все: тронъ, отечество, и ни мало не помышлялъ о той грозѣ, которая сбиралась уже надъ его головою.

(18). Пожарской и Скопинъ . . . . .

Скопинъ, Князь Михаилъ Васильевичь Шуйской, родной плѣмянникъ Царя Василья Іоанновича Шуйскаго. Прозваніе Скопина получилъ онъ отъ современниковъ своихъ, какъ за неусыпное свое стараніе о благѣ общественномъ, такъ и за великіе свои воинскіе подвиги, въ ознаменованіе того, что онъ былъ *Скопителемъ* Русскаго Государства. Но сей Герой, предъ которымъ все трепетало и обращалось въ бѣгъ, и на раменахъ котораго, казалось, лежало все спасеніе отечества, долженъ былъ встрѣтить участь самую бѣдственную. Между тѣмъ, какъ увѣнчанный блистательными побѣдами, онъ возвращался въ Первопрестольный градъ, и когда восхищенный народъ съ радостными слезами бѣжалъ ему во срѣтеніе и, осыпая похвалами, именовалъ его отцемъ отечества, рука коварная, рука родныхъ его, приготовляла ему въ тайнѣ конецъ злополучнѣйшій. Напрасно де ла Гардіе, любя и почитая его, представлялъ о угрожающей ему опасности; великая душа его чуждалась всякаго подозрѣнія. Наконецъ онъ былъ отравленъ ядомъ. Даже въ семъ злодѣяніи обвиняютъ и Царя Василія; но Царь Василій, не Борисъ Годуновъ!

Князь Димитрій Михайловичь Пожарской, Герой Поемы, происходилъ отъ поколѣнія Князей Стародубскихъ, ведущихъ родъ свой отъ Великаго Князя Владимірскаго Всеволода Юрьевича. Онъ родился въ 1578. Кончилъ же дни свои въ 1642. Будучи еще пятнадцати лѣтъ, онъ вступилъ на поприще славы, и въ продолженіи жизни своей повсюду отличалъ себя блистательными подвигами. Въ нещастное Царствованіе Царя Василія Іоанновича Шуй-

ского и во время злополучнаго междуцарствія, онъ неоднократно поражалъ враговъ отечества, и удивлялъ всѣхъ непоколебимымъ своимъ мужествомъ. Будучи прямодушенъ, чуждъ зависти и пагубнаго духа крамолъ, онъ съ одинаковымъ рвеніемъ продолжалъ всегда свою службу. Любя одну токмо истину, онъ готовъ былъ пожертвовать за нее своею жизнею. Когда бунтующій и яростный народъ окружилъ его со всѣхъ сторонъ въ Зарайскѣ, и требовалъ его покорности Самозванцу, и когда уже мечь блисталъ надъ его головою, онъ отвѣчалъ безтрепетно: „*Умру, но не измѣню!*“ и злодѣи, пораженные симъ величествомъ души его, усмирились, и пали къ ногамъ его. При полученіи жъ извѣстія, что Царь Василій низведенъ съ престола, и что нещастная Москва отдана Полякамъ, онъ полетѣлъ къ ней на помощь; но уже было поздно. Поляки водворили повсюду свое владычество, и Первопрестольный градъ сей, при его приближеніи, объятъ уже былъ изъ края въ край весь пламенемъ. Герой, презрѣвъ всѣ ужасы и страхъ смерти, скачетъ по пылающимъ улицамъ съ вѣрною своей дружиной, и всюду поражаетъ враговъ; но тѣснимый со всѣхъ сторонъ ихъ множествомъ, онъ укрѣпляется на Лубянкѣ близъ своего дома, и чрезъ цѣлые два дни, подъ густымъ дымомъ, несущимся отъ свирѣпствующаго окрестъ пожара, онъ сражается неутомимо, и всѣ усилія враговъ дѣлаетъ тщетными; но наконецъ, весь израненный и полмертвый, падаетъ на руки храбрыхъ своихъ сподвижниковъ, которые, приявъ на рамена сей священный залогъ будущаго спасенія отечества, устремляются въ средину враговъ, очищаютъ путь себѣ ме-

чами, и удаляются въ Сергіеву обитель. Весь народъ, рыдая, бѣжалъ въ слѣдъ за Героемъ, и, воздѣвъ трепещущія руки свои, умолялъ разгнѣванныя Небеса о сохраненіи жизни сего храбраго защитника отечества (*). Изъ Сергіевой обители перевезли его въ Нижегородскіе предѣлы, гдѣ, подъ кровомъ отеческимъ врачуя раны свои, еще не переставалъ онъ помышлять о спасеніи родины своей, столь ему драгоцѣнной. Въ то время, когда Нижегородцы, возбужденные убѣжденіями Иноковъ священной Сергіевой обители, спѣшили вооружаться на брань, и когда Мининъ, представъ предъ сего Героя, призывалъ его къ восприятію начальствія надъ ополченіемъ, тогда онъ, хотя еще болѣзненный и изнеможенный, но пылая ревностію и любовію къ отечеству, презрѣлъ незакрытыя еще раны свои, и грозно возсталъ на священный сей подвигъ. Исторія освобожденіи Москвы всѣмъ извѣстна. Радостный народъ, восхищенный и изумленный великими его подвигами, единодушно умолялъ его къ восприятію вѣнца Царскаго; но доблестный Герой, будучи выше всѣхъ троновъ и всѣхъ возможныхъ почестей, отклонилъ отъ себя сіе предложеніе и нарекъ на Царство младаго Михаила Романова. По-восшествіи на тронъ сего юнаго Царя, Князь Пожарской, награжденный за подвиги свои Боярствомъ, не переставалъ оказывать отечеству весьма важныя услуги, какъ на поприщѣ воинскихъ дѣлъ, такъ и на поприщѣ гражданской службы. Я не хочу упоминать

(*) При семъ случаѣ *Лѣтопись о мятежахъ* говоритъ что, *якоже убо съ Москвы до самыя Яузы не видяху снѣга, всѣ идяху людіе.*

здѣсь о тѣхъ горькихъ непріятностяхъ, которыя долженъ былъ испытать сей великій и безсмертный мужъ со стороны злобной зависти и несправедливости. Любопытные могутъ о семъ читать въ прекрасной книгѣ: Біографическія свѣдѣнія о Князѣ Пожарскомъ, сочиненной съ совершеннымъ безпристрастіемъ Господиномъ А. Ѳ. Малиновскимъ.

(19). Царь войско все свое съ побѣдой распустилъ.

По взятіи Тулы и въ плѣнъ Петрушки, Царь Василій Іоанновичь сдѣлалъ большую ошибку, распустивъ все войско свое по домамъ, когда еще въ самое то время другой злодѣй Андрюшка свирѣпствовалъ въ Украинскихъ городахъ и грозилъ новой погибелью Россіи.

(20) Одинъ лишь мирный кровъ обители святой,
Гдѣ Сергій опочилъ. . . . . .

Сія священная обитель, основанная преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ, находится на большомъ Архангелогородскомъ трактѣ въ 63 верстахъ отъ Москвы, и славна не только Богоугодными дѣлами великаго своего основателя, но примѣрною любовію къ отечеству. Между тѣмъ, какъ все падало предъ злодѣями, или предавалось имъ, одна сія обитель, среди всѣхъ золъ и потрясеній, пребывала непоколебимою, подобно грозной, священной скалѣ, недоступной нечестивцамъ. Отвсюду многочисленныя толпы нещастныхъ жертвъ изгнанія стекались въ мирныя ея стѣны. Она врачевала ихъ раны, она утѣшала ихъ въ скорьбяхъ, она надѣляла ихъ послѣднимъ кускомъ своего хлѣба, и самая Москва, злополучная страдалица, зрѣла въ ней своего Ангела утѣшителя — однимъ словомъ: все Государство, казалось, опиралось

на одну токмо смиренную сію обитель. Неутомимая въ святыхъ своихъ подвигахъ, она повсюду разсылала отъ себя грамоты, просила, умоляла всѣхъ сыновъ отечества не оставить своимъ защищеніемъ бѣдствующую, погибающую Россію, и священный огнь восторга, казалось, нисшелъ съ небесъ по призывному ея гласу, и оживилъ всѣхъ души новой силою и новымъ рвеніемъ — и Россія спасена. Непостижимымъ Небесамъ, невзирающимъ ни на лица, ни на состояніе, угодно было избрать въ посредники избавленія, хотя ничтожнаго именемъ, но великаго душею — Козьму Минина.

(21) Съ престола свѣтлаго былъ въ келью низведенъ.

Царь Василій Іоанновичь Шуйской былъ низведенъ съ престола въ 1610 по приговору нѣкоторыхъ Бояръ, желавшихъ, для прекращенія бѣдствій отечества, возвести на его мѣсто Польскаго Королевича Владислава, и тѣмъ спасти Россію отъ угрожавшей ей совершенной погибели. Какъ Царь Василій, такъ и прекрасная его супруга Марія, были потомъ насильственнымъ образомъ разлучены и пострижены въ иноческій чинъ. Наконецъ сей злополучный страдалецъ былъ отвезенъ въ Польшу, гдѣ и окончилъ бѣдственные дни свои въ тяжкой неволѣ.

(22) . . . . . Правдивый Ляпуновъ.

Думный Дворянинъ Прокофій Ляпуновъ. Нѣкоторымъ, а можетъ быть и многимъ, покажется довольно страннымъ, что я къ имени Ляпунова придаю названіе *правдивый*. Въ Исторіи нашей, по большой части, представленъ онъ не съ весьма выгодной для него

стороны. Болѣе всего обвиняютъ его въ соучастіи о низведеніи съ престола Царя Василія Іоанновича Шуйскаго. Но если вникнуть со вниманіемъ въ происшествія того времени, то ясно откроется, что Ляпуновъ имѣлъ въ семъ дѣлѣ, не злое, но доброе намѣреніе: ибо Царь Василій въ то время былъ не иное что, какъ одна токмо тѣнь Царская. Безъ власти, безъ силы, ненавидимый многими, оставленный почти всѣми, онъ занималъ престолъ однимъ только своимъ именемъ; бѣдствія же часъ отъ часу умножались, и совершенная погибель грозила всему государству. Что жъ оставалось дѣлать въ семъ случаѣ? сражаться за Царя, какъ и священный долгъ повелеваетъ; но кто могъ, или хотѣлъ тогда за него сражаться? Большая часть гражданъ, или предалась Самозванцу, или была слаба возстать на сей достославной подвигъ. И развѣ мало вѣрные сыны отечества проливали во бранѣхъ своей крови? Но коварной судьбѣ не угодно было увѣнчать примѣрныя ихъ усилія щастливымъ успѣхомъ, и все клонилось къ паденію. Вотъ что въ Лѣтописи о мятежахъ сказано о низведеніи Царя Василія: „*Бысть въ лѣто* 7118, *мѣсяца Іюня, что на Москвѣ на Царя Василія пришло мнѣніе великое, и начаша Бояре съѣзжатися и съ воровскими полками сговариваться, чтобъ они отстали отъ Тушинскаго; а мы де всѣ отстанемъ отъ Московскаго Царя Василья. Тушинскіе же воры лестію имъ сказаша, что отстанемъ и выберемъ собча Государя.*“ И далѣе: „*По сведеніи же Царя Василья, начаша Бояре владѣти, и начаша посылати къ Тушинскимъ людямъ, чтобъ они Тушинскаго вора поймали; а мы де*

уже Царя Василья съ Царства ссадили.“ Что изъ сего можно заключить, какъ не одно токмо желаніе спасти любезное свое отечество? Къ томужъ Ляпуновъ въ то время въ Москвѣ не находился; а если и изъявилъ на то свое согласіе, то послѣ, и никогда не былъ первымъ *зачинщикомъ*. Чтожъ касается до негодованія, какое оказывалъ онъ противъ Царя Василья Іоанновича во время его царствованія, то онъ имѣлъ къ тому справедливую причину — слабое его правленіе и смерть Героя Скопина, въ которой всѣ тогда вообще обвиняли Царя Василія. А по сему и самое сіе негодованіе, была не личность, но истинная его любовь и приверженность къ отечеству. Но положимъ: если бы и было что любо сказано о немъ не въ его пользу; то кто поручится, что сочинитель какой нибудь Лѣтописи имѣлъ довольно просвѣщенія и даже способовъ, для соблюденія вездѣ истины и безпристрастія? Мы живемъ теперь въ вѣкѣ гораздо просвѣщеннѣйшемъ; но сколько иногда распространяется между нами слуховъ совершенно ложныхъ и несправедливыхъ? Надобно смотрѣть на дѣла людей, а не на умозаключенія Историковъ, которые весьма часто, желая блеснуть здравымъ своимъ сужденіемъ, выводятъ изъ дѣлъ такія послѣдствія, которыя никогда не суіцествовали, и никому не приходили въ голову. Такъ-то все идетъ въ свѣтѣ! одинъ скажетъ, другой повторяетъ, а третій радъ божиться, что ето правда. Но не первый ли Ляпуновъ возсталъ въ защищеніе своего отечества? не по его ли гласу вездѣ составились дружины? Говорятъ, что онъ былъ высокомѣренъ, гордъ; но сіе высокомѣріе, сія гордость, не иное

что было, какъ желаніе водворить въ войскѣ порядокъ и должную воинскую подчиненность, которая никакъ уже не могла нравиться людямъ, приобыкшимъ къ своеволію и наглостямъ. Всего же болѣе защищаетъ Ляпунова противъ всѣхъ дѣлаемыхъ ему упрековъ, его бѣдственная, но славная кончина. Когда разкрашныя и хищныя толпы Козаковъ, которыхъ Ляпуновъ старался унять буйство и разбойничество, окружили его со всѣхъ сторонъ и готовы уже были поразить невинную свою жертву; тогда Ржевской, личный и не примиримый врагъ Ляпунова, прибѣгаетъ съ поспѣшностію, и такъ взываетъ къ злодѣямъ: „*Я врагъ Ляпунову; но онъ другъ вѣры, другъ правды и земли Русской. Или исторгну его изъ злодѣйскихъ вашихъ рукъ, или умру съ нимъ. Страшитесь! Богъ взыщетъ съ васъ неповинную кровь!*“ Послѣ сего я молчу, и отдаюсь на судъ всякаго.

(23) И первый возгласилъ всеобще ополченье.

Стараніемъ Ляпунова мгновенно составились повсюду дружины, а начальниками оныхъ были: Князь Димитрій Тимоѳеевичь Трубецкой въ Калугѣ, и при немъ Атаманъ Заруцкой съ своими Донскими Козаками; Князь Василій Мосальской и Измайловъ во Владимірѣ; Ляпуновъ въ Рязанѣ; Князь Ѳеодоръ Козловской въ Романовѣ. Всѣ сіи дружины поспѣшно и единодушно двинулись къ Москвѣ, разбили совершенно Сапегу по тридневномъ ужасномъ боѣ, и очистили всю Москву, исключая Кремля и Китая. Но вскорѣ и сіе могло бы случиться, если бы буйственные Козаки не испортили всего дѣла. Они грабежемъ, насиліемъ и убійствомъ выводили всѣхъ изъ терпѣнія. Нещастный Ляпуновъ,

которой хотѣлъ привести ихъ къ послушанію, учинился жертвою ихъ ярости. Сочинивъ подложную грамоту, въ коей будто бы Ляпуновъ приказываетъ побивать всѣхъ Козаковъ, они съ воплемъ и ругательствомъ окружили сего вождя и требовали отъ него въ томъ отвѣтственности. Безстрашный Ляпуновъ отвѣчалъ имъ: „*Не правда! грамота подписана злодѣйскою рукою! но да будетъ воля Божія! готовъ умереть, а злодѣйства не потерплю.*“ и палъ подъ ихъ ударами. Послѣ чего, какъ начальники, такъ и дружины, видя столь ужасное злодѣяніе Козаковъ, оставили Москву и розошлися, всякъ по своимъ домамъ. Одинъ Князь Трубецкой остался съ нѣкоторымъ количествомъ войска и Козацкими полками.

(24). И смерть сихъ двухъ враговъ столь славно примѣряетъ.

Иванъ Ржевской, будучи непримиримымъ врагомъ Ляпунову, но видя, что онъ погибаетъ отъ звѣрства лютыхъ Козаковъ, бросился спасти его, и палъ вмѣстѣ съ нимъ подъ ударами сихъ изверговъ. Я не знаю, кому изъ нихъ должно болѣе удивляться: тому ли, кто своей доблестію и любовію къ отечеству могъ восторжествовать надъ злобою непримиримаго врага своего? или тому, который, забывъ всѣ личныя свои отношенія и враждебныя чувствованія, пожертвовалъ жизнію, для спасенія своего врага, единственно изъ любви къ отечеству и одной справедливости? по мнѣнію моему, какъ тотъ, такъ и другій, въ семъ случаѣ оба велики. Тѣла ихъ положены въ одинъ гробъ. Мысль превосходная!

ПѢСНЬ III.

(1) . . . . . .
И духъ свой испускалъ съ смиреньемъ и мольбой.

Все сіе описаніе, есть еще слабое подобіе того бѣдственнаго состоянія, въ которомъ тогда находилось любезное наше отечество. Вотъ какъ о семъ повѣствуетъ Авраміи Палицынъ въ книгѣ своей о осадѣ Троицкаго Монастыря: *Премѣнишася тогда жилища человѣческая на звѣрская: дивіи бо, не кроткое естество, медвѣди и волки, и лисицы и зайцы на градская и пространная мѣста пришедше, такожде и птицы отъ великихъ лѣсовъ на велицей пищѣ на трупѣ человѣческомъ вселишася; . . . и крыхуся тогда человѣцы въ дебри непроходимыя и въ чащи темныхъ лѣсовъ, и въ пещеры невѣдомыя, и въ водѣ между кустовъ отдыхающе, и плачущеся къ Содѣтелю, дабы ночь сихъ постигла, и поне мало бы отдохнути на сусѣ: но ни въ ночь, ни въ день бѣгающимъ не бѣ покоя и мѣста ко скрытію; и вмѣсто луны многіе пожары поля и лѣса освѣщеваху нощію, и никому же не мощно бяше двигнутися отъ мѣста своего: человѣкъ бо ожидаху аки звѣрей отъ лѣсовъ исходящихъ.“* и пр.

(2) Не твой ли Іоаннъ, сей сильною рукой.

Царь Іоаннъ Васильевичь Грозный, знаменитый своими завоеваніями и учрежденіями.

(3) Хоть посѣщу жезломъ, и гнѣвъ мой излію
За вся грѣхи твоя. . . . . и пр.

Всѣ сіи выраженія заимствованы мною изъ Священныхъ нашихъ книгъ. Должно признаться, что Славенскія реченія много придаютъ важности слогу, хотя выспренность онаго состоитъ не въ наружной оболочкѣ, а въ идеяхъ.

(4) И нарекутъ его царемъ твоихъ пѣвцовъ.

т. е. Ломоносова. Здѣсь говорится о немъ единственно въ отношеніи къ Елизаветѣ; слѣдственно не должно меня обвинять въ томъ, что я не упоминаю о прочихъ великихъ людяхъ.

(5) Такъ, въ сей обители, средь братіи смиренной,
Былъ старецъ и умомъ и святостью почтенной —
Аврамій Палицынъ.

Аврамій Палицынъ, Келарь Троицкаго Монастыря, знаменитый въ нашей Исторіи примѣрною своей любовію къ отечеству и святыми подвигами милосердія. Въ злополучное время плѣненія Москвы отъ Поляковъ, презирая всѣ опасности и страхъ смерти, онъ неутомимо доставлялъ страждущимъ ея жителямъ и пропитаніе и нужныя, по возможности, пособія. Въ стѣнахъ же мирныя своея обители онъ врачевалъ раненныхъ и недужныхъ, и утѣшалъ скорбящихъ сладкимъ упованіемъ вѣры на святой промыслъ Вездѣсущаго. Даже самые ужасы сраженія не могли остановить его рвенія. Въ незабвенное время спасенія отечества, забывъ и преклонныя лѣта свои и старческое свое состояніе, онъ послѣдовалъ за Героемъ Пожарскимъ, и въ самомъ грозномъ пылу люттѣйшей брани, какъ хранимый незримою рукою Всемогущаго, онъ безбоязненно протекалъ ряды воиновъ, и умолялъ ихъ не ослабѣвать въ своемъ мужествѣ. Когда же коварные Козаки оставили постыд-

но поле сраженія и скрылись въ свои таборы, и когда начиналъ уже торжествовать Хотькѣвичь; тогда онъ, какъ вѣщатель священнаго глагола, поспѣшилъ къ симъ бунтовщикамъ, и обратилъ ихъ къ своей должности. Въ послѣдствіи даже возмогъ восторжествовать надъ непреклонною гордостію Князя Трубецкаго, когда сей, послѣ пораженія враговъ, не хотѣлъ болѣе подвизаться во брани, и не шелъ на приступъ къ осажденнымъ въ Кремлѣ Полякамъ, требуя себѣ покорности Героя Пожарскаго; тогда Аврамій, презирая всѣ опасности, происходившія отъ буйства Козаковъ, пошелъ къ Князю Трубецкому и, такъ сказать, отторгъ его отъ злобнаго намѣренія ненависти и киченія гордости. Слѣдствіемъ сего было примиреніе обоихъ сихъ вождей и взятіе Кремля. Онъ также много участвовалъ, съ согласія Героя Пожарскаго, въ избраніи на царство младаго Михаила, и, отвергнувъ всѣ дары и отличія, удалился опять подъ мирный кровъ тихія своея обители, ожидая себѣ награды — не здѣсь — но *тамъ*, гдѣ у подножія престола Всевѣчнаго исписаны всѣ наши дѣянія.

ПѢСНЬ IV.

(1) „Сбирайтесь, о друзья!“ такъ Мининъ возглашалъ.

Козьма Мининъ, по прозванью Сухорукой, Нижегородской Гражданинъ, преждебывшій воинъ, а попóмъ занимавшійся мяснымъ

торгомъ (*), будучи движимъ увѣщаніями Сергіевой обители, и увлекаемый чувствованіемъ собственнаго своего сердца, онъ первый возгласилъ въ Нижнемъ Новгородѣ ополченіе. Вотъ слова его: „*Буде намъ похотѣть помочи Московскому Государстеу, ино намъ не пожалѣти животоевъ своихъ; да не токмо животоевъ своихъ не пожалѣть, и дворы свои продать и жены и дѣти закладывать и бити челомъ, кто бъ вступился за истинную православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ.*“ Весь народъ при сихъ словахъ, какъ двигнутый непостижимою силою, отвѣтствовалъ ему громкими восклицаніями. Всѣ воспрянули къ оружію, и всякъ спѣшилъ принести въ даръ отечеству даже послѣднее свое достояніе. Но Мининъ, не довольствуясь симъ, взялъ отъ всѣхъ запись въ томъ смыслѣ, что, въ случаѣ нужды, никто не будетъ жалѣть ни женъ, ни дочерей своихъ и станутъ ихъ закладывать для вспомоществованія ратному дѣлу, и съ сею записью стремится къ Князю Пожарскому, находившемуся тогда въ своей вотчинѣ, во 120 верстахъ отъ Нижняго Новгорода, для излѣченія полученныхъ имъ въ бою ранъ, и убѣждаетъ сего вѣрнаго сына отечества къ восприятію начальства надъ возстающимъ ополченіемъ. При семъ извѣстіи всѣ Нижегородцы единогласно восклицали: „*онъ любъ*

(*) Не за излишнее почитаю сдѣлать здѣсь нѣкоторое замѣчаніе. Не думаю, чтобъ Мининъ, будучи прежде вонномъ, могъ сидѣть въ лавкѣ и продавать мяса по фунтамъ; но вѣроятнѣе всего, что онъ скупалъ и продавалъ изъ барышей скотину, такъ какъ и нынѣ то дѣлаютъ по городамъ и деревнямъ отставные солдаты.

намъ! мы хотимъ его!“ и спѣшили становишься подъ его знаменами. Минину же поручили собраніе и храненіе всей воинской казны, что́ почиталось въ то время весьма важнымъ. Въ незабвенный день избавленія Россіи сей великій мужъ показалъ блистательный примѣръ храбрости. Въ самомъ пылу сраженія онъ приходитъ къ Герою Пожарскому, и проситъ себѣ сколько нибудь конницы. Герой отвѣчалъ ему: „*возьми, кого хочешь!*“ Мининъ беретъ три дворянскія роты, бросается съ ними въ рѣку, переплываетъ, и съ быстротою молніи нападаетъ на Поляковъ. Страхъ и ужасъ, казалось, предшествовалъ предъ симъ побѣднымъ строемъ. Поляки, разстроенные, поражаемые, ударились въ бѣгство — и побѣда осталась на нашей сторонѣ. Мининъ также не мало участвовалъ въ примиреніи Князя Трубецкаго съ Княземъ Пожарскимъ, и ко взятію Китая и Кремля. По возшествіи на престолъ Михаила, Мининъ осыпанъ былъ милостями сего Монарха, возведенъ въ дворянское достоинство, съ чиномъ *Думнаго Дворянина* (*), и по прехлѣтнемъ еще служеніи опять возвратился на свою родину — въ Нижній Новгородъ, гдѣ вскорѣ окончилъ славные дни свои въ 1616 году, и былъ погребенъ въ Каѳедральномъ Преображенскомъ Соборѣ вмѣстѣ съ Велико-Княжескимъ родомъ. И по нынѣ еще ежегодно въ Недѣлю Православія безсмертное имя сего незабвеннаго мужа упоминается на панихидахъ. Петръ Великій, во время своего похода въ Персію, проѣзжая чрезъ Ниж-

(*) Чинъ Думнаго Дворянина отвѣтствовалъ нынѣшнему чину Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.

ній Новгородъ, захотѣлъ видѣть то мѣсто, гдѣ погребены бренные остатки Минина, и, преклонясь до земли величественнымъ челомъ своимъ предъ симъ священнымъ прахомъ, изрекъ сіи достопамятныя слова: „*на семъ мѣстѣ погребенъ свободитель и спаситель отечества.*“

ПѢСНЬ V.

(1) Ступай къ Заруцкому. . . .

Заруцкой, Атаманъ Донскихъ Козаковъ. Будучи болѣе врагомъ, нежели защитникомъ Россіи, онъ съ буйственными полками своими производилъ повсюду грабежъ, убійства, и цѣлые города предавалъ раззоренію, единственно изъ одной токмо гнусной корысти. Между прочими его злодѣяніями и доблестный Ляпуновъ также учинился жертвою его звѣрства. Но, не довольствуясь симъ, Заруцкой захотѣлъ еще устроить пагубу надъ Княземъ Пожарскимъ. Будучи уже женатъ на Маринѣ, и простирая далѣе преступныя свои намѣренія, онъ отправилъ въ Ярославль двухъ козаковъ съ приказаніемъ убить Князя Пожарскаго; но не получа въ томъ желаемаго успѣха, и будучи изобличенъ въ своемъ умыслѣ, убѣжалъ въ Коломну, откуда, взявъ свою жену Марину, устремился со многими Козацкими полками къ Астраханѣ, которую также раззорилъ, какъ и всѣ города, чрезъ кои проходилъ сей бѣшеный нечестивецъ. Но, наконецъ, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ

былъ пойманъ, привезенъ въ Москву и посаженъ на колъ; Марина же окончила позорные дни свои въ темницѣ, а сынъ ея, прижитый ею съ Гришкою Отрепьевымъ, былъ повѣшенъ.

(2) Въ то время въ градѣ семъ Пожарекой устроялъ Воинскихъ дѣлъ снарядъ. . . . . .

Князь Пожарской, на походѣ своемъ къ Москвѣ, долженъ былъ для нѣкоторыхъ весьма важныхъ причинъ остановиться въ Ярославлѣ, о чемъ можно читать въ *дополненіяхъ къ дѣяніямъ Петра Великаго* во второмъ томѣ стр. 286, 287 и 289. а между тѣмъ старался приумножить войско свое ратными людьми, и привести все въ надлежащій порядокъ. Въ одинъ день, когда онъ выходилъ изъ *съѣзжей избы* для осмотра артилеріи (*), и когда любопытный народъ вокругъ его тѣснился, вдругъ Козакъ Стенька, посланный отъ Заруцкаго, расталкиваетъ народъ, бросается къ Герою, и мнитъ поразить его ножемъ въ животъ; но праведнымъ Небесамъ угодно было спасти чудеснымъ образомъ жизнь сего знаменитаго мужа, и Козакъ, промахнувшись, ранилъ въ ногу другаго Козака Романа, который тогда велъ подъ руку Князя Пожарскаго. Народъ, ожесточенный симъ злодѣйскимъ умысломъ, хотѣлъ растерзать сего изверга; но Пожарской — простилъ его.

(3) Въ обитель мирную, гдѣ прахъ отца священный Покоится въ гробу. . . . .

(*). Артиллерія въ старину называлась у насъ *большимъ снарядомъ*, а начальникъ надъ оною именовался *Воевода отъ снаряда*.

Отецъ Героя, Князь Михаилъ Ѳеодоровичь Пожарской, былъ погребенъ въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ Монастырѣ. Хотя не извѣстно по Исторіи, гдѣ положены бренные остатка знаменитаго его сына; но по всему вѣроятію должно заключить, что и прахъ Освободителя Россіи покоится въ томъ же Монастырѣ. См. о семъ одинадцатое примѣчаніе въ книгѣ: *Біографическія свѣденія* о Князѣ Пожарскомъ, гдѣ между прочимъ сказано, что рука невѣжды сдвигнула съ мѣста, покрывавшій его камень, и изгладила начертанное на немъ имя незабвеннаго. Но тѣнь Пожарскаго должна утѣшиться: изваянный образъ его, вмѣстѣ съ образомъ Минина, сіяетъ теперь въ металлѣ на великолѣпной Московской площади, и служитъ предметомъ сладкихъ слезъ умиленія, проливаемыхъ признательными Россіянами въ память незабвенныхъ заслугъ сего безсмертнаго спасителя отечества.

ПѢСНЬ. VI.

(1) Уже сподвижники Пожарскаго въ дѣлахъ
Далеко за собой оставили въ лѣсахъ
Стоящій Переславль. . . . . .

Переславль-Залѣскій, уѣздный городъ Владимірской Губерніи, находится на большомъ Архангелогородскомъ трактѣ и отстоитъ отъ Москвы во 120 верстахъ, а отъ Троицкаго Монастыря въ 65.

(2) Тогда седьмый ужь часъ царь свѣта протекалъ.

По нынѣшнему счисленію *переой часъ по полудни.* Русскіе, въ старину, какъ и всѣ почти древніе народы, раздѣляли сутки на двѣ равныя половины, изъ коихъ одна принадлежала ко дню, а другая къ ночи; самыя же сіи половины подраздѣлялись еще каждая на четыре равныя части, изъ коихъ ночныя назывались у Римлянъ Vigiliae, excubiae, т. е. *стражами.* Счисленіе первой половины начиналось вмѣстѣ съ наступленіямъ дня, т. е. по нашимъ часамъ съ седьмаго часа и оканчивалось шестымъ часомъ послѣ полудня; слѣдственно нынѣшній двѣнадцатый часъ назывался у нихъ шестымъ, а шестой послѣ полудня двѣнадцатымъ.

(3) То врагъ грядетъ на насъ! . . . . .

При семъ случаѣ нѣкоторые могутъ сказать мнѣ, что я погрѣшаю противъ истины: ибо Князь Пожарской долженъ былъ знать, что ето не непріятельское войско, а Русскія дружины, идущія къ нему для соединенія, когда онъ самъ прежде сего сказалъ.

Межъ тѣмъ, пошлемъ теперь по всѣмъ градамъ
гонцовъ —
Да помощь намъ явятъ поспѣшно на враговъ!
Да всѣ, поборствуя, на брань вооружатся,
И на пути къ Москвѣ со мной соединятся.
(Пѣснь 8. ст. 62.)

Но я прошу читателей дать мнѣ позволеніе отступать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ Исторической *правды*, и необходимой *ложью* украшать нѣсколько мою Поему. Къ тому жъ, статься можетъ, что и я погрѣшаю самъ противъ себя симъ извиненіемъ: ибо въ тогдашнія времена почти вся Россія была на-

полнена или непріятельскими войсками, или скопищами собственныхъ своихъ злодѣевъ.

(4) Кутумовъ ихъ ведетъ. . . . . .

Кутумовъ, начальникъ пришедшихъ на помощь Юртовыхъ Татаръ, ведшій родъ свой по прямой линіи отъ Пророка Могаммеда.

(5) Вдругъ воинство все зритъ шамъ прямо предъ собою

Хоругви вѣющи, иконы и кресты,
И въ черныхъ мантіяхъ отшельниковъ ряды,

Когда Князю Пожарскому надлежало съ войскомъ своимъ двигнуться отъ Троицкаго монастыря, тогда Діонисій, Архимандритъ онаго монастыря, взявъ святыя иконы и кресты, вышелъ со всемъ соборомъ на гору Волкушу, или Валкушу, недалеко отстоящую отъ сей обители, для благословенія и окропленія святой водою сего воинства. Вдругъ ужасный вихрь возсталъ со стороны Московской, и суевѣрное воинство, полагая въ томъ для себя худое предзнаменованіе, оробѣло, и не рѣшалось идти далѣе; но когда стали прикладываться къ Иконамъ Св. Троицы и Сергія Чудотворца, и когда Архимандритъ Діонисій возгласилъ: „*Богъ съ вами, и Великій Чудотворецъ Сергій да поможетъ постояти и пострадати вамъ за истинную православную хрістіянскую вѣру!*“ тогда во мгновеніе ока вѣтръ перемѣнился въ попутный, и столь сильно дулъ, что едва конные могли держаться на лошадяхъ. Сей вѣтръ продолжался даже до самаго пораженіи и бѣгства непріятеля. Обстоятельство сіе переставлено мною на другое мѣсто.

ПѢСНЬ VII.

Вся сія пѣснь не иное что́, какъ епизодъ, употребленный мною единственно для показанія, сколь ложны и ничтожны умствованія Софистовъ предъ истиннымъ ученіемъ вѣры, и предъ *пользою* гражданскихъ постановленій, и что нѣтъ ничего святѣе нелицемѣрной приверженности къ своему отечеству. А по сему и надѣюсь я, что всѣ сіи сужденія не суть излишни въ такомъ случаѣ, когда дѣло идетъ о спасеніи отечества. Къ томужъ и свойство Поемы даетъ позволеніе дѣлать подобныя отступленія по различнымъ на то причинамъ, о которыхъ объясняться здѣсь не почитаю я за нужное.

ПѢСНЬ VIII.

(1). Святитель Гермогенъ . . . . . .

Патріархъ Гермогенъ, преждебывшій Казанскій Митрополитъ, и возведенный на Патріаршескій Престолъ въ 1606 году, стяжалъ себѣ безсмертное имя безпримѣрною любовію своей къ отечеству и рѣдкою возвышенностію духа. Когда Прокофій Ляпуновъ воззвалъ всѣхъ къ ополченію, и когда Михаилъ Салтыковъ и Литовцы принуждали сего Святителя приложить руку свою къ грамотѣ, повелѣвающей

Ляпунову распустишь дружины и покориться Сигизмунду, Королю польскому; тогда онъ, несмотря на всѣ ужасы смерти и угрозы, отвѣтствовалъ безбоязненно: „*Если Король Польской отпуститъ на престолъ Русскаго Царства своего сына, если дозволитъ ему принять вѣру православную, и если выведетъ изъ Москвы Литовцевъ; тогда я подпишу грамоту и дозволю приложить къ ней руки духовнымъ и боярамъ. Но вы хотите цѣловать крестъ Королю, а не сыну его; не благословляю писать сей грамоты; отвергаю ее; проклинаю тѣхъ, которые ее подпишутъ. Не запрещу Прокофью Ляпунову ополчаться за Москву; благословляю вѣрныхъ воиновъ умереть за вѣру и защитить отечество.*“ Раздраженный симъ отвѣтомъ Михаилъ Салтыковъ бросился съ ножемъ на Папріарха. Гермогенъ, осѣняя ножъ крестнымъ знаменіемъ, воскликнулъ: „*Да будетъ крестное знаменіе противъ ножа, и да будетъ проклятъ измѣнникъ!*“ Когда уже раздались повсюду громкія восклицанія вѣрныхъ сыновъ отечества: „*Освободимъ Москву! Умремъ за вѣру!*“ Тогда опять Салтыковъ и Литовцы приступили къ Гермогену съ бранью и угрозами, и требовали отъ него, чтобъ онъ повелѣлъ разойтися войскамъ и нейти къ Москвѣ; но сей великій мужъ, презирая всѣ опасности, угрожавшія его жизни, отвѣчалъ съ неустрашимостію симъ злодѣямъ: „*Прикажу, если измѣнникъ Салтыковъ и Литовцы выдутъ изъ Москвы; а если нѣтъ, то благословляю ихъ умереть за вѣру. Не могу слышать нечестиваго пѣнія, не могу видѣть поруганія храмовъ Господнихъ. Готовъ принять смерть съ вѣрными сынами*

церкви и отечества.“ Послѣ чего злодѣи заключили его въ темницу и обременили оковами. Но ни оковы, ни жестокость заключенія — однимъ словомъ: ничто не могло поколебать его мужества. Презирая всѣ ругательства и нахальства враговъ ожесточенныхъ, онъ только проливалъ слезы о бѣдствіяхъ Россіи, и умолялъ Творца Всемогущаго о его всесильномъ заступленіи. При полученіи извѣстія, что Князь Пожарской подвигся съ ополченіемъ изъ Нижняго Новгорода на освобожденіе Москвы, злодѣи опять притекли съ угрозами къ сему непоколебимому страдальцу, и тщились вынудить отъ него повелѣніе о воспрещеніи ополченію идти къ Москвѣ; но все было тщетно! Гермогенъ отвѣчалъ имъ, какъ и прежде: „*Благословляю воиновъ, ополчившихся на освобожденіе Москвы! да поразитъ гнѣвъ Божій измѣнниковъ отечества!*“ Послѣ чего ожесточенные злодѣи обрекли сего великаго мужа на жертву глада. Съ твердостію духа, превышающею всѣ силы человѣческія, онъ скончалъ достославные дни свои 17 Февраля 1612 года. Священный прахъ его покоится въ Чудовомъ Монастырѣ, въ церквѣ Архистратига Михаила.

(2) И завтра, можетъ быть, съ своими знаменами
Явится рать сія предъ нашими стѣнами.

Читатели увидятъ изъ послѣдствія, что вѣстникъ ошибся: Хоткѣвичь, не *завтра*, а *послѣзавтра* появился съ войскомъ своимъ предъ Москвою; но вѣстника въ семъ случаѣ винить не должно: онъ не могъ знать чужихъ мыслей, и судилъ единственно по *видимому*; къ тому жъ и самъ говоритъ не утвердительно, а *можетъ быть*.

(3) „Нашъ вождь, Князь Трубецкой!“ такъ всякъ изъ нихъ гласилъ.

Я нарочно употребилъ сіе выраженіе: *такъ всякъ изъ нихъ гласилъ*, единственно для показанія чрезъ то буйства и своеволія сихъ присланныхъ отъ Князя Трубецкаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать замѣтить читателю, до какой степени въ полкахъ сего вождя простиралась неподчиненность и неуваженіе къ старшимъ себя.

(4) И съ бранью шумною изъ стана удалились.

И сія строка также мною поставлена по вышеприведенной причинѣ.

(5) „Пожарской рекъ еще, что любишь ты раздоръ“

Какъ сіе выраженіе, такъ и весь разсказъ посланныхъ, нѣсколько увеличены противъ словъ Князя Пожарскаго. Обыкновенно огорченные и не совсѣмъ честные люди для возбужденія въ другихъ негодованія любятъ увеличивать вещи.

(6) Бояринъ, старшій вождь . . . . .

Князь Трубецкой былъ тогда уже Бояриномъ, а Князь Пожарской еще Стольникомъ.

(7) Къ тому же сей гордецъ, еще во юныхъ дняхъ.

Въ то время Князю Пожарскому не болѣе было 34 лѣтъ. Нѣкоторымъ, статься можетъ, покажется, что сіе лѣта уже не молодыя; но въ старину думали совсѣмъ иначе, чѣмъ нынѣ, когда еще не было у нихъ *стариковъ въ двадцать лѣтъ*.

(8) Послы съ покорностью текли къ твоимъ стѣнамъ

И дань богатую несли къ твоимъ стопамъ.

Между прочими и послы сильнаго Болгарскаго Царства, покорившагося на вѣчное подданство Россіи.

(9) Безстрашныхъ Рыцарей водившая во плѣнъ.
Рыцарей Тевтоническаго Ордена.

(10) Вблизи Арбатскихъ вратъ раскинуло станъ свой

Еще прежде сего были отправлены изъ Ярославля Княземъ Пожарскимъ два сильные отряда — одинъ подъ начальствомъ Князя Пожарскаго-Лопаты, двоюроднаго брата Героя, а другой подъ начальствомъ Воеводъ Михаила Дмитріева и Ѳедора Левашева, съ приказаніемъ спать первому у Тверскихъ, а послѣднимъ у Петровскихъ воротъ. По пришествіи сего войска къ Москвѣ, Заруцкой, видя всѣ злобныя свои намѣренія уничтоженными, и будучи изобличенъ въ умышленіи на жизнь Князя Пожарскаго, снялъ съ себя личину, и напалъ съ Козацкими своими полками на брата сего Героя; но, будучи совершенно разбитъ, принужденъ бѣжать и скрыться. Причина, по которой не упоминаю я въ своей Поемѣ о сихъ происшествіяхъ, будетъ объяснена въ *общихъ примѣчаніяхъ*.

ПѢСНЬ IX.

(1) Конечно правитъ путь съ вершинѣ горы Поклонной.

Гора подъ Москвою, чрезъ которую лежитъ большая Смоленская дорога.

(2) Туда, гдѣ храмъ стоитъ, зовомый, Обыденной.

Церковь Пр. Иліи, близъ Москвы рѣки и на лѣвомъ берегу по ея теченію.

(3) И пышный монастырь въ водахъ своихъ рисуетъ
Новодѣвичій монастырь на лѣвомъ берегу Москвы рѣки.

(4) Свентецкій, Бугославъ, Загорскій и Снядецкій.
И съ ними яростный, безспрепетный Хлонецкій.

Всѣ сіи имена, за недостаткомъ историческихъ свѣдѣній, мною выдуманы, какъ то́ дѣлалъ и Тассъ и Вольтеръ въ своихъ Поемахъ.

(5) Всѣ мужи славные, испытаины въ бояхъ,
Для коихъ смерть ничто и чуждъ, не знаемъ страхъ.

Нѣкоторымъ, можетъ быть, покажется довольно страннымъ, для чего я такъ расхваливаю Польскихъ вождей; но, помнѣнію моему, гораздо болѣе чести для Русскихъ сражаться противъ храбрыхъ, чѣмъ противъ робкихъ. Я руководствовался при семъ случаѣ Тассомъ.

(6) Отъ берега Москвы до берега другаго.

На Дѣвичьемъ полѣ, которое Москва рѣка образуетъ своею излучиною полукругомъ, хотя нѣсколько неправильнымъ.

(7) Да съ боку надъ врагомъ онъ будетъ промышлять.

Подлинное выраженіе, заимствованное мною изъ Лѣтописи о мятежахъ.

(8) Но се, уже приспѣлъ и грозный битвы часъ.

Сіе первое сраженіе дано было 22 Августа 1612, на которомъ Хоткѣвичь былъ совершенно разбитъ и прогнанъ съ великимъ урономъ опять на Поклонную гору; но сіе не иное что было, какъ преддверіе ужаснѣйшаго побоища.

(9) Онъ хладенъ и рѣшимъ и дальновиденъ былъ.

Исторія представляетъ намъ Минина молчаливымъ и суровымъ, на лицѣ котораго рѣдко видна была улыбка. Обыкновенно, великіе таланты и великіе замыслы скрываются подъ мрачной оболочкою. Аристотель, єсли не ошибаюсь, и многіе другіе замѣчаютъ, что всѣ отличные умомъ люди, по большой части, были Меланхолическаго характера.

(10) Что жЪ дѢлалЪ Трубецкой? онЪ на Донскихъ поляхЪ
Спокойно пребывалЪ тогда вЪ своихЪ шатрахЪ.

Тамъ, гдѣ находится Донской монастырь. Въ старину, когда Москва не столь еще была обширна, сей монастырь окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ полями.

(11) Туда же потекли ДружининЪ, МежековЪ,
КозловЪ и КоломнинЪ, Козацки Атаманы.

Я почелъ долгомъ сохранить память сихъ храбрыхъ Донскихъ Витязей, кои, не смотря на всѣ запрещенія Князя Трубецкаго, и сказавъ прямо ему въ глаза, *Что де по причинѣ вашей нелюбви, Московскому Государстеу и ратнымЪ людямЪ пагуба становится*, быстро устремились на враговъ съ тѣми пятью сотнями, кои взяты были отъ Князя Пожарскаго, и тѣмъ, такъ сказать, вырвали побѣду изъ рукъ Поляковъ.

(12) МежЪ тѣмЪ, какЪ часть одна кЪ МосквѢ рѣкѣ спускалась,
Другая по горамЪ на право простиралась.

Воробьевскіе горы, лежащіе близъ Москвы на Юго-Западной сторонѣ, и извѣстные прелестнымъ своимъ мѣстоположеніемъ. На сихъ самыхъ горахъ предположено Благочестивымъ нашимъ Государемъ Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ I. воздвигнуть великолѣпнѣйшій храмъ Спасителю, въ память незабвен-

наго избавленія Россіи отъ нашествія свирѣпыхъ Галловъ и съ ними двадцати различныхъ народовъ. Какое украшеніе и торжество для тѣхъ горъ, кои предъ симъ ровно за двѣсти лѣтъ были свидѣтелями освобожденія отъ Поляковъ любезнаго нашего отечества.

(13) И сталъ близь берега, лѣсной гдѣ нынѣ рядъ.

Тамъ, гдѣ находится церковь Пр. Иліи, зовомаго Обыденной.

(14) И въ Лужникахъ большихъ со всею ратью стялъ.

Урочище за Москвой рѣкою, и близь ея берега.

(15) Туда, гдѣ валъ укрѣпъ храмъ Божій окружалъ.

Укрѣпленіе, бывшее въ то время на Пятницкой улицѣ при церквѣ Св. Климента.

(16) Теперь ли время намъ считаться межъ собой.

Козаки, удалясь съ поля сраженія, говорили, что полки Пожарскаго богаты и что они одни могутъ отъ враговъ отстояться.

(17) Не деньги ли? — казна обители святой
Вся вамъ принадлежитъ. . . . . .

Когда коварные Козаки оставили постыдно мѣсто сраженія, и удалились въ свои таборы; тогда Аврамій, видя изнеможеніе остальнаго войска, поспѣшилъ уговорить сихъ мятежниковъ обратиться опять на бой, и сулилъ имъ всю казну своей обители, и даже священные сосуды и богатыя церковныя одежды. Козаки, пристыженные симъ великодушіемъ, выступили потчасъ изъ своихъ таборовъ и загладили проступокъ свой примѣрною храбростію.

(18) Такимъ симъ зрѣлся вождь. . . . . .

Мининъ собственно никогда не былъ вождемъ. Но въ семъ случаѣ, когда онъ предводитъ ратью, то конечно вождь. Къ тому жъ, какъ мнѣ кажется, и не стыдно назвать его симъ именемъ. Мининъ, по мнѣнію моему, то же самое сдѣлалъ во время сего достопамятнаго сраженія, что́ Меншиковъ при Полтавѣ.

(19) Уже и безъ того врага страхъ погоняетъ.

Сіе второе сраженіе дано было, по мнѣнію однихъ 24, а по мнѣнію другихъ 13 Августа; но сіе послѣднее мнѣніе гораздо вѣроятнѣе, къ тому жъ и въ Лѣтописи о мятежахъ точно обозначено 23 число. Совершено разбитый, пораженный непріятель принужденъ былъ опять бѣжать на Воробьевскіе горы, оставивъ во власть побѣдителей всѣ свои воинскія орудія, обозъ, станъ, знамена и десять тысячь плѣнными, не считая не вѣроятнаго множества убитыхъ. Разъяренныя Русскія дружины хотѣли еще далѣе преслѣдовать непріятеля, но мудрый Герой, умѣряя излишнюю ихъ запалчивость, остановилъ ихъ сими словами: „*Друзья! не бываетъ въ одинъ день двухъ радостей!*“ Въ ознаменованія своего торжества все войско въ продолженіи двухъ часовъ стрѣляло изъ всѣхъ своихъ воинскихъ орудій, и тѣмъ приводило еще въ бо́льшій трепетъ пораженнаго непріятеля. Хоткѣвичъ, продержавъ полки свои во всю ночь подъ ружьемъ, устремился наутро прямо въ Польшу, и устилалъ свой путь мертвыми тѣлами.

ПѢСНЬ X.

(1) Межъ тѣмъ отважный Струсъ. . . . . .

Струсъ, старо́ста Хельминскій, начальствовавшій тогда надъ оставленными въ Москвѣ непріятельскими войсками.

(2) Ликъ Богоматери, точащій изцѣленье.

Образъ Иверскія Богоматери, извѣстный своими чудотвореніями, находится въ часовнѣ съ наружной стороны Воскресенскихъ, или Ку́ретныхъ вратъ.

(3) Остатки же враговъ укрыться въ Кремль спѣшатъ.

Китай взятъ былъ 22 Октября. Несчитая плѣнныхъ, однихъ убитыхъ непріятелей легло на мѣстѣ слишкомъ двадцать тысячъ. Судя по пространству города Китая, должно думать, что мертвыя тѣла, не только что покрывали улицы, но лежали тогда большими грудами.

(4) Я градъ сей сорудилъ, отъ варваровъ забра́ло.

Здѣсь подъ *градомъ* должно разумѣть *стѣну*: ибо Димитрій Донской первый укрѣпилъ Москву каменной стѣною.

(5) То былъ ужасный гладъ . . . . .

Описаніе глада, свирѣпствовавшаго въ то время въ Кремлѣ между Поляками, всякаго можетъ привести въ ужасъ. Вотъ какъ о семъ говоритъ Лѣтопись о мятежахъ: „*Сидѣніе же ихъ въ Москвѣ столь было жестоко, что не токмо кошекъ и собакъ, людей Русскихъ и сами другъ друга побиеаху и ѣдяху, да не*

токмо живыхъ людей, но и мертвыхъ изъ земли выкапываху. Какъ убо взяли Китай, то сами видѣхомъ очима своима, что многіе чаны насолены быша человѣческими мясами.“

(6) Вдругѣ знамя бѣлое воздвиглось надъ стѣною; Врата отверзлися. . . . . .

26 Октября, т. е. по прошествіи трехъ дней отъ взятія приступомъ Китая, Поляки принуждены были отворить Кремлевскія врата, и сдаться безъусловно на волю побѣдителей. Еще прежде сего, будучи понуждаемы мучительнымъ голодомъ, они выслали отъ себя всѣхъ Русскихъ Бояръ, съ ихъ женами и людьми, при нихъ находившимися, на которыхъ алчные Козаки хотѣли напасть и ограбить; но добродушный Герой Пожарской защитилъ ихъ мужественно отъ сего насилія. при чемъ два раза подвергалъ онъ жизнь свою опасности. Кажется, что Провидѣнію угодно было спасать чудеснымъ образомъ драгоцѣнные дни сего Героя.

(7) Текутъ во внутрь Кремля вождямъ своимъ во слѣдъ.

Побѣдители, отслушавъ благодарственный молебенъ на Лобномъ мѣстѣ, которой совершалъ, находившійся въ то время при войскѣ, Діонисій, Архимандритъ Троицкаго монастыря, въ предшествіи крестовъ и священныхъ хоругвей вступили въ Кремль различными воротами: Трубецкой чрезъ Спасскія, а Пожарской чрезъ Никольскія.

(8) Романовъ родомъ онъ и родственникъ Царей.

Михаилъ Ѳеодоровичь Романовъ, былъ родной племянникъ по матери Царю Ѳеодору Іоанновичу. Онъ также находился въ Кремлѣ съ матерію своею въ числѣ плѣнныхъ, и

вмѣстѣ съ прочими былъ высланъ оттуда къ Князю Пожарскому, который немедленно отправилъ его въ Костромскую его вотчину. Матерь же сего юнаго отрока, будучи инокинею, удалилась потóмъ въ Костромской Ипатьевской Монастырь, и взяла его съ собою. Откуда въ 1613 году, по общему всѣхъ согласію, онъ былъ вызванъ на Россійскій престолъ, и царствовалъ 32 года.

ОБЩІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Не за излишнее почитаю сказать здѣсь, что я употребилъ въ Поемѣ моей нѣкоторыя отступленія отъ Исторической точности, именно же: пришествіе Аврамія Палицына въ Нижній Новгородъ для воззванія жителей его на ополченіе противъ враговъ отечества — между тѣмъ, какъ онъ оставался тогда въ своей обители, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, Буря — которая свирѣпствовала въ самое то время, когда Діонисій, Архимандритъ Троицкаго монастыря, стоя со всемъ своимъ соборомъ на горѣ Валкушѣ, благословлялъ воинство Князя Пожарскаго на ратные подвиги, и мною переставленная на другое мѣсто, также и нѣкоторыя другія, не такъ замѣтныя для читателя. Но всякому, кто только занимается словесностію, извѣстно, что подобныя отступленія отъ Исторической *правды*, суть позволительны въ поемѣ, въ которой единство времени и дѣйствія, есть

одно изъ главнѣйшихъ ея свойствъ. Къ тому жъ, Поема не Исторія, и слишкомъ далека отъ подробныхъ описаній и точности въ постороннихъ обстоятельствахъ, кои мало, или почти никакого не имѣютъ вліянія на главную цѣль содержанія Поемы. Не ссылаясь ни на Енеиду, ни на Іерусалимъ, ни даже на Генріяду, въ которой обстоятельства столь перемѣшены и переставлены съ мѣста на мѣсто, что имѣютъ одну токмо тѣнь Исторической истины, приведу единственно себѣ въ оправданіе слѣдующія стихи извѣстнаго наставника въ словесности:

Loin ces rimeurs craintifs, dont l'eſprit flegmatique
Garde dans ſes fureurs un ordre didactique,
Qui chantant d'un héros les exploits éclatants,
Maigres hiſtoriens, ſuivront l'ordre des temps

Но за всемъ тѣмъ, кажется мнѣ, что я еще *слишкомъ* держался Исторической точности. Поема для воображенія есть пространная область паренія, гдѣ оно по своей волѣ можетъ созидать и разрушать вещи, не теряя, однакожъ, изъ вида ни главной цѣли всего творенія, ни должнаго правдоподобія въ своихъ измѣненіяхъ, хотя бы оныя были не иное что, какъ одинъ токмо обманъ (illusion). Такъ поступалъ великій геній въ своемъ *Освобожденномъ Іерусалимѣ*, гдѣ даже самыя чародѣйства имѣютъ видъ истины и не теряютъ своего правдоподобія — покрайней мѣрѣ, въ отношеніи къ понятіямъ того вѣка, которой онъ описываетъ. Душа же Поемы есть Чудесность, которую Англинскіе Епопеисты называютъ the Machinery, въ означеніе того, что она есть, какъ бы главная точка, отъ которой всѣ части творенія получаютъ свое движеніе. Въ семъ отношеніи

Похищенный Локонъ есть совершенство изобрѣтенія. Тамъ. ни одно дѣйствіе само посебѣ не приходитъ; но всегда отъ *посторонней силы*, или такъ сказать *свыше*. Вольтеръ въ своей Генріядѣ много погрѣшилъ противъ сего правила: у него Риторическія фигуры, которыя называются *тропами*, приемлютъ на себя видъ божества и не дѣйствуютъ побожески; да и дѣйствовать такъ не должны; ибо фигуры не иное что, какъ одинъ токмо способъ выражаться иносказательно.

Избѣгая подобныхъ ошибокъ, я старался дать моей Поемѣ другой Механизмъ, а именно: основать ходъ ея на верховномъ Промыслѣ, отъ воли Котораго какъ бы зависѣло и продолженіе страданій нашего отечества и спасеніе онаго отъ лютости враговъ. Читатель можетъ то́ замѣтить изъ первой пѣсни, гдѣ между прочимъ сказано:

Напрасно храбрые въ сей горестной годинѣ
Несли на жертву жизнь терзаемой отчизнѣ;
Казалось, вышнихъ силъ таинственный предѣлъ
Всѣ подвиги въ ничто ихъ обращать хотѣлъ.

и изъ третей пѣсни, гдѣ Всевышній укоряетъ Россію злодѣяніями и пророкаетъ будущую судьбу ея:

Смирися, гордая! се мзда за преступленья!
Се кара должная за зло и ухищренья!
Познай мой правый судъ и мой всесильный перстъ,
Дающій несть тебѣ тяжелый жизни крестъ.

далѣе:

И такъ, приспѣлъ днесь часъ, часъ радостный свободы;
Дерзай на путь побѣдъ! сбери свои народы!
Я ихъ поборникъ силъ, водитель и покровъ —
И сонмища падутъ во прахъ твоихъ враговъ!

Для противоположности же сей воли, или силы, и для того, чтобъ дѣйствія, служащія основаніемъ всего творенія, не происходили Богъ знаетъ откуда, или же сами по себѣ, но отъ извѣстной причины; то я поставилъ по примѣру великихъ образцовъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ вѣковъ, другую противодѣйствующую силу, именно же: силу сатанинскую.

Что касается до главныхъ лицъ Поемы, какъ то: Князя Пожарскаго, Козьмы Минина и Аврамія Палицина; то, быть можетъ, нѣкоторые сдѣлаютъ мнѣ упрекъ, для чего я нѣсколько мало говорю о Мининѣ. Вотъ мое оправданіе: кромѣ того, что скупая Исторія наша не оставила намъ подробнаго описанія дѣяній сего знаменитаго мужа, я почелъ за нужное для единства *интереса* обращать болѣе вниманіе читателя на одно токмо главное лице, именно же: на Пожарскаго, безъ чего, какъ въ поемѣ, такъ и драммѣ, баснь, или разсказъ, теряетъ совершенно свою *совокупность*, а вмѣстѣ съ тѣмъ прерывается и стремленіе къ предполагаемой цѣли.

Есть еще правило, утвержденное примѣрами великихъ людей, чтобы при самомъ вступленіи въ поему было сказано не болѣе и не менѣе того, сколько должно въ ней содержаться. Такъ начинается Иліада, Одиссея, Енеида, Освобожденный Іерусалимъ, и другія превосходныя Поемы. Въ семъ отношеніи можетъ показаться нѣсколько сомнительною вторая строка моей Поемы:

И водворенную по бранямъ тишину.

т. е. *Пою водворенную по бранямъ тишину*. Конечно, если бы я не упомянулъ о возведеніи на Царство Михаила, а окончилъ

бы мой разсказъ однимъ только вшествіемъ въ Кремль побѣдоноснаго Русскаго воинства, какъ то́ дѣлаетъ Тассъ въ своемъ Іерусалимѣ, будучи вѣренъ сему выраженію: *Пою священную брань и Героя, освободившаго гробъ Іисуса Христа*; то погрѣшилъ бы я совершенно противъ сего правила, и тѣмъ бы нарушилъ *указателя* на предметъ. Но когда я былъ долженъ, и долженъ по необходимости, упомянуть о семъ происшествіи, тогда сіе выраженіе *Пою водворенную по бранямъ тишину*, имѣетъ свое мѣсто въ Поемѣ: ибо съ восшествіемъ на престолъ Михаила, казалось, окончились всѣ бѣдствія нашего отечества, и всѣ вражды и крамолы, свирѣпствовавшія дотолѣ, умолкли.

Въ заключеніе скажу, что не съ дерзостію, но съ боязнію предлагаю я на судъ просвѣщенной публикѣ мою Поему: ибо она, будучи плодомъ единственно девяти-мѣсячнаго труда, не можетъ имѣть тѣхъ совершенствъ, коихъ бы требовало столь высокое содержаніе. Подобныя сочиненія совершенствуются временемъ. Я самъ вижу, если смѣю то сказать, свои недостатки; но столько утомленъ моимъ трудомъ, что нескоро, можетъ быть, примусь за поправки онаго. Впрочемъ остается мнѣ утѣшеніе, что я, по возможности силъ моихъ, хотѣлъ принести, хотя малую, но усердную дань любезному моему отечеству.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ

Напечатано:			*Читай:*
Стран.	Стр.		
13	8	возведемь!	возведемъ!
21	21	ножь	ножъ
23	15	Востаньте,	Возстаньте,
24	22	судь!	судъ!
31	22	ыновмъ	новымъ
44	2	такой	ему
54	14	востани,	возстани,
73	21	востать	возстать
78	16	стопами,	стопами
96	20	имѣвшій,	имѣвшій
97	7	Востань,	Возстань
100	15	покорствуютъ	покорствуетъ
102	9	гровный	грозный
104	1	очами!	очами
109	1	согбенный	согбенный,
131	20	потѣха!	помѣха!
154	1	знаменами.	знаменами,
137	13	онь	онъ
141	2	дружесшва	дружества
143	9	слѣдъ	въ слѣдъ
155	5	Средь	Среди
167	9	востальъ.	возсталъ.
178	2	дутъ	душъ
185	10	копорой,	которой,
180	31	оин	они
188	37	возмоздіе	возмѣздіе
189	18	*ипризвахъ*	*и призвахъ*
—	23	*и спросити*	*испросити*
191	32	дрбраго	добраго
192	27	подругя.	подруга

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КНИЖНАЯ
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
ОБМЕНА
ПАЛАТА

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Volkov, Aleksandr A.

Osvoboždennaja Moskva Poema Aleksandra Volkova

Moskva 1820

P.o.russ. 3 c
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10609993-3